

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Почтовый индекс журнала 24820

Юридическая наука: история и современность

2012, № 7

Санкт-Петербург
2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Александров А.И., Первый заместитель председателя комитета Конституционного законодательства Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Антонов И.А., советник Губернатора Ленинградской области, доктор юридических наук, доцент

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бродский М.Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Керимов Д.А., член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Коваленко А.Г., профессор кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Пашинцев Д.А., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор

Пыллин В.В., доктор юридических наук, профессор

Рохлин В.И., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Свищунов А.А., начальник управления по высшему образованию Правительства Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

Соболь И.А., профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

Чибинев В.М., декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук, профессор

Хабибулин А.Г., помощник министра внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Щендыргин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве**

<i>Алиев Я.Л., Сальников П.П.</i>	Традиции полиции: некоторые особенности	7
---------------------------------------	---	---

<i>Бабаджанов И.Х.</i>	Право на жизнь как абсолютная ценность	16
------------------------	--	----

**Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс.
Административное право и административная деятельность. Информационное право**

<i>Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н.</i>	Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства	21
--	--	----

<i>Вашкевич А.В., Козлов Е.Н.</i>	О некоторых проблемах применения положений кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и других нормативов, действующих в области дорожного движения	30
---------------------------------------	---	----

**Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право.
Гражданский и арбитражный процесс**

<i>Гольцов В.Б.</i>	О смысловом значении договора в деятельности подразделений Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации	37
---------------------	--	----

<i>Тишина В.Г.</i>	Возбуждение гражданского дела и защита имущественных прав сотрудников органов внутренних дел	47
--------------------	---	----

**Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное
и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное
и энергетическое право**

<i>Антонов И.А., Тарайко В.И., Третьяков И.Л.</i>	Экологическая преступность в России и общесоциальные меры ее профилактики	53
---	--	----

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право.
Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность
и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Захарцев С.И.</i>	Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности	62
----------------------	--	----

<i>Александров Р.А., Кондрат И.Н., Николаева Т.Г.</i>	Полномочия органов дознания и исполнение их обязанностей отдельными должностными лицами	70
---	--	----

<i>Александров Р.А., Кондрат И.Н., Ретунская Т.П.</i>	Доказывание как познавательная деятельность по уголовному делу	77
---	---	----

<i>Нигметов Н.А.</i>	Снятие информации с технических каналов связи как оперативно-розыскное мероприятие и противодействие информационному экстремизму в современной России	86
<i>Байрамов Р.Р., Никуленко А.В.</i>	Модернизация уголовного законодательства о причинении вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние (опыт стран ближнего зарубежья)	92
<i>Пирев М.Т.</i>	Торговля людьми и использование рабского труда: специфические особенности расследования преступлений	98
Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право		
<i>Кондрат Е.Н.</i>	Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: правовое регулирование организаций и деятельности	106
Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат		
<i>Алиев Я.Л., Артамонова Г.К., Берова Д.М., Шхагапсов З.Л.</i>	Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века	118
<i>Мирзоев С.Б.</i>	Становление и развитие советской системы конституционного надзора и контроля (историко-правовой аспект)	124
Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право		
<i>Зоиров С.Д.</i>	Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан	133
Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология		
<i>Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г.</i>	Духовные и материальные блага как ценность для человека, общества и государства: системный анализ	142
Информация для авторов 148		

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

<i>Aliev Ya.L., Sal'nikov P.P.</i>	Police traditions: some features	7
--	--	---

<i>Babadzhanov I.Kh.</i>	The right to life as an absolute value	16
--------------------------	--	----

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities. Data protection law

<i>Gorbashev V.V., Reuf VM., Udychak FN.</i>	Political, legal framework of the society and the national security of the state	21
--	---	----

<i>Vashkevich A.V., Kozlov E.N.</i>	On some issues of using the Russian Federation Code on administrative infractions and other regulations applied in the area of road traffic	30
---	--	----

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

<i>Gol'tsov V.B.</i>	On the conceptual meaning of contract in the activities of subdivisions of the Russian Federation Unified State System for Prevention and Response to Emergency Situations	37
----------------------	--	----

<i>Tishina V.G.</i>	Initiation of civil case and protection of property rights for law enforcement officials	47
---------------------	---	----

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law

<i>Antonov I.A., Taraiko VI., Tret'yakov I.L.</i>	Environmental crime in Russia and society-wide measures for its prevention	53
---	--	----

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

<i>Zakhartzev S.I.</i>	Dialectical method in operational-investigative activity	62
------------------------	--	----

<i>Aleksandrov R.A., Kondrat I.N., Nikolaeva T.G.</i>	Powers of bodies of inquiry and discharge of their duties by individual officials	70
---	--	----

<i>Aleksandrov R.A., Kondrat I.N., Retunskaya T.P.</i>	Proving as a cognitive activity in a criminal case	77
--	--	----

<i>Nigmatov N.A.</i>	Information retrieval from technical communication channels as operational-investigative means and counteraction to information extremism in present-day Russia	86
----------------------	---	----

<i>Bairamov R.R., Nikulenko A.V.</i>	Modernization of the criminal law of the damage caused during the arrest the person who committed socially dangerous act on the basis of the experience of neighboring countries	92
<i>Pirov M.T.</i>	Human trafficking and the use of slave labor: specific features of crimes investigation	98
Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law		
<i>Kondrat E.N.</i>	Control and accounting bodies of constituent entities of the Russian Federation: legal regulation of organization and activity	106
Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system		
<i>Aliev Ya.L., Artamonova G.K., Berova D.M., Shkhagapsoev Z.L.</i>	Police, other government agencies and coercion: judiciary reform in Russia in the 19th century	118
<i>Mirzoev S.B.</i>	Formation and development of the Soviet constitutional supervision and control system (historic-legal aspect)	124
International relations and foreign policy. International and European law		
<i>Zoirov S.D.</i>	Criminalistic characteristic of crimes related to drug trafficking in the Republic of Tajikistan	133
Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology		
<i>Babadzhanyan I.Kh., Reuf V.M., Khasanova S.G.</i>	Spiritual and material wealth as a value for individual, society and state: system analysis	142
Information for the authors		
148		

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,

профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

E-mail: yakub@mail.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,

профессор Саратовского юридического института
МВД России,
доктор юридических наук, профессор

E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ТРАДИЦИИ ПОЛИЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена особенностям традиций полиции. Авторы прослеживают их существенные, общие с другими традициями, основания и факторы своего возникновения, формирования, функционирования и развития. Но сосредотачивают внимание на сущности, содержании, формах проявления и специфическом механизме воздействия традиций полиции на общественные отношения, которые отличают их от других видов традиций и ставят в особый уровень системы специального воздействия. По мнению исследователей, этот уровень непосредственно прилегает и граничит с политикой и правом, политической и правовой надстройкой общества, сливается с нею и носит ярко выраженный политico-правовой характер.

В статье подробно анализируются особенности традиций полиции, подчеркивающие их государственно-правовую специфику и государственно-правовые формы проявления. По мнению авторов, традиции связывают политику, мораль и право воедино в виде ее строго определенной линии, формы, модели и эталона. При этом идеальная, социально-психологическая сторона традиций является решающей. Наблюдается диалектическое единство традиций полиции с политикой, правом и моралью. Их морально-этическая сторона придает им особую духовную направленность и выполняет решающую функцию в формировании общественного сознания, мировоззрения и самих традиций.

Ключевые слова: традиции полиции; возникновение, формирование, функционирование и развитие традиций; сущность, содержание, форма традиций; проявление и механизм воздействия традиций; особенности традиций полиции; особый уровень системы; политика; право; политическая и правовая надстройка общества; политico-правовой характер; государственно-правовая специфика.

ALIEV YA.L.
SAL'NIKOV P.P.

POLICE TRADITIONS: SOME FEATURES

The summary. The article is concerned with the peculiarities of the police traditions. The

authors trace their significant, common with other traditions, grounds and factors for their emergence, formation, functioning and development. But they focus on the essence, content, forms of appearance and specific mechanism of the police traditions impact on social relations which distinguish them from other types of traditions and put at a special level of the particular influence system. In the researchers' opinion this level directly adjoins and borders on the politics and law, political and legal superstructure of the society, merges with it and has a distinct nature.

The article analyzes in detail the features of the police traditions which emphasize their state-and-legal specific character and state-and-legal forms of manifestation. According to the authors the traditions bind together politics, morality and law in the form of a strictly defined line, model and standard. Besides the social-and-psychological aspect is the determinant. A dialectical unity of the police traditions with the politics, law and morality is observed. Their moral and ethical aspect gives them a particular orientation and performs a decision function in forming of the social consciousness, world outlook and traditions themselves.

Key words: police traditions; emergence, formation, functioning and development of traditions; essence, content, form of traditions; appearance and mechanism of traditions impact; features of the police traditions; special level of system; politics; law; political and legal superstructure of the society; political-and-legal character, state-and-legal specific character.

Традиции полиции имеют существенные общие с другими традициями основания и факторы своего возникновения, формирования, функционирования и развития. Вместе с тем они имеют свою, отличную от других видов традиций сущность, содержание, формы проявления и свой специфический механизм воздействия на общественные отношения. Решающее значение имеет социально-политическая и правовая сущность этих традиций. Она обуславливает их существенные особенности по отношению к другим традициям. Органическое единство с объективными социальными основами общественной жизни, прежде всего, с экономикой, политикой и идеологией ставят традиции полиции как бы в особый уровень системы социальных традиций [2; 3; 4; 5]. Он, этот уровень, непосредственно прилегает и граничит с политической и правовой надстройкой общества, сливаются с нею и носит ярко выраженный политico-правовой характер [6; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 19; 22; 24; 25]. Природа традиций полиции возникает и проявляется только на основе и в процессе функционирования политики, политических отношений, государства, права и правоотношений. Механизм взаимосвязи политической и правовой сторон сущности традиций полиции выделяет эти традиции в особый, самостоятельный ряд. Он предопределяет существенные особенности их возникновения, формирования и проявления.

Возникновение этих традиций обусловлено таким характером и уровнем развития производительных сил общества, такими формами производственных и иных общественных отношений, которые породили сложную социальную структуру общества, социальные противоречия между его структурными элементами, создали иерархичную политическую надстройку в виде государства, права, их институтов, включая различные силовые структуры, правоохранительную систему, правоохранительные органы [9; 20]. Противоречия отличают и сами традиции полиции [8].

По своему происхождению традиции полиции являются специфической формой отражения и проявления истории и функционирования государственности, которая предопределила особенности традиций полиции. Важнейшими из них являются:

- государственно-правовая и морально-политическая сущность этих традиций;
- прямая связь с политикой и всем общественным строем общества, историческим типом социальной системы и историческим типом государства, зависимость от общественно-политических атрибутов;
- их нормативно-обязательный характер;
- специфическая, то есть государственно-политическая и правоохранительная сфера проявления;

- достаточно жесткие, устойчивые и предписывающие правила, нормы и модели поведения, деятельности и общественных отношений, составляющие их сущность и содержание;
- их особо значимая социальная роль и социальные функции;
- юридически значимые последствия их несоблюдения;
- преимущественно писаная, нормативно-закрепленная форма их проявления;
- их определённое несоответствие и противоречие с другими видами традиций (политическими, национальными, трудовыми, боевыми, семейными и др.).

Рассмотрим те особенности традиций полиции, которые подчеркивают государственно-правовую специфику и государственно-правовые формы проявления.

Нормативно-обязательный характер традиций полиции выражает и подчеркивает основную сторону их содержания – связь с правом, правовой системой государства, с сущностью государства как важнейшего социального органа управления, разрешения имеющихся в обществе противоречий, принуждения и насилия по отношению к тем элементам общества, которые противостоят установленным социальным устоям, государству, господствующим социально-политическим силам.

Нормативность традиций характеризует преимущественность их правовой природы. Наиболее значимые традиции полиции, одновременно с их идеально-политической, морально-психологической сторонами, являются нормами права, то есть общеобязательными, сходящими от государства правилами поведения, отношений и деятельности. Нормативность традиций не означает их тождества с правом, его нормами. Она выражает сложную многостороннюю диалектическую связь традиций как явления и идеала политico-правовых и морально-этических отношений, политики, права и морали, тех форм их проявления, которые составляют сущность традиций.

Диалектика политики, права, морали и традиций характеризуется сложностью, разнородностью их материально-объективной природы, с одной стороны, и идеально-субъективной их сущности, с другой стороны. Традиции, как и политика, право, мораль, имеют двуединую объективно-

субъективную природу. Эту природу выражают устоявшиеся материализованные формы отношений, поведения и деятельности в виде различных, но строго определенных актов и форм отношений и действий. И как акты и формы таких отношений и действий традиции по своей сути являются определенным стилем, моделью и стереотипом отношений и действий людей в процессе их жизнедеятельности. При этом политика определяет социальную сущность, направленность, функционально-целевую установку и наиболее принципиальные способы и средства актов и форм отношений и действий. Право закрепляет и организует, систематизирует и реализует предписанные политикой эти акты и формы отношений и действий. Мораль создает идеально-теоретическую и, особенно, социально-психологическую основу и составляющую актов и форм отношений и деятельности. Она является основой идеальной, духовной стороны жизнедеятельности [7].

Традиции связывают политику, мораль и право воедино в виде ее строго определенной линии, формы, модели и эталона. При этом идеальная, социально-психологическая сторона традиций является решающей. Будучи производной, продуктом и синтезом политики, права и морали, традиции образуют тот духовный стержень отношений, поведения и деятельности, который скрепляет их как единое целое, превращает в социальную привычку, в огромную созидающую или разрушительную силу.

Решающая роль духовной (нравственно-этической) составляющей традиций обусловливается закономерностями возникновения и развития общественного сознания, его уровней и форм, их относительной обособленностью, самостоятельностью и социальной активностью, исключительной роли морали в формировании моделей и стереотипов отношений, поведения и деятельности. Сущность морали, закономерности ее возникновения и функционирования, особая роль в формировании общественного сознания и, особенно, мировоззрения, политического и правового сознания предопределяют незаменимую ее социальную функцию в формировании и развитии традиций.

Примером решающей роли нравственной стороны традиций могут служить воспоминания о Г.В. Романове народного артиста СССР Героя социалистического труда И.О. Горбачева, который

в частности писал: «Шеф американской разведки Ален Даллес, известный нашим зрителям, прежде всего, по фильму «Семнадцать мгновений весны», как-то сказал: «Нам не нужна водородная бомба – мы подбросим русским новые нравственные ценности и этим уничтожим их». – Я уже был в искусстве, когда эта интервенция началась, но только не все ее сразу заметили. И началась она лет за тридцать до той самой перестройки. Та часть интеллигенции, которая впоследствии выступила главным обвинителем, в том числе и Григория Васильевича Романова, сразу увидела и почувствовала, что он просто органически мешал ей эту интервенцию осуществлять. Они первыми стали нас заманивать в этот елочный рай действительно богатой жизни. Но не это должно быть мерилом нравственности человека. Они первыми стали подменять наши нравственные и моральные ценности ценностями денежными, и именно в долларовом эквиваленте. Подлинной же интеллигенции, которая могла бы составить противовес той группировке, было мало, потому что далеко не все смогли разобраться сразу в сущности исторического процесса, тем более в том, что происходило у них на глазах. С горьким удовлетворением могу попутно отметить, что сегодня таких подлинных интеллигентов стало намного больше» [18, стр. 270-271].

Социальная направленность традиции, ее связь с прогрессом данной социальной системы определяется социальной сущностью и направленностью политики, права, морали и общественного сознания в целом.

Нормативность подчеркивает содержательную единую основу традиций и норм права. И те, и другие – суть правила поведения, правила отношений и деятельности. Но в праве и традициях – это разные правила. В праве они – нормы закона, государственные установления. В традициях они – концентрированные устойчивые формы правосознания и социальной практики.

Нормативное содержание традиций полиции выражается и проявляется в том, что они:

- закладываются при разработке, подготовке, издании и практике применения любого нормативно-правового акта в виде конкретной и строго социально-направленной концепции и функциональной целевой установки;
- содержатся в виде прямых требований, предписаний, указаний, ограничений,

стимулов и мер воздействия (воспитания, убеждения, принуждения);

- закрепляются в виде единых принципов нормотворчества, единых форм, стиля и логики юридического языка, определенной структуры, системы и порядка профессионального мышления, правовых действий, характерных для правосознания, нормативно-правовых актов и правовой практики.

Характерным примером в этом плане могла служить Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденная постановлением Верховного Совета РФ 23 декабря 1992 г. «Я (Ф.И.О.), поступив на службу в органы внутренних дел, – говорится в ней, – присягаю на верность народам Российской Федерации.

Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, добросовестно выполнять приказы начальников и возложенные на меня служебные обязанности.

Клянусь достойно переносить связанные со службой в органах внутренних дел трудности, быть честным, мужественным, бдительным сотрудником, охранять государственную и служебную тайну.

Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и законами Российской Федерации правовой порядок.

Если же я нарушу принятую мной присягу, то готов нести ответственность, установленную законами Российской Федерации.

Служа Закону – служу народу» [21, стр. 105].

В Присяге, являвшейся одновременно и нормативно-правовым актом, и средоточием традиций полиции, как в зеркале отражалась нормативная сущность их содержания. Одновременно она являлась и зеркалом всех иных особенностей этих традиций.

Обязательность традиций означает неотвратимость выраженной в них воли государства, господствующих социально-политических сил. Она указывает на их юридическую силу, подчеркивающую, что в органах внутренних дел нет других моделей, концентрированных и устойчивых форм отношений, сознания, поведения и деятельности, кроме традиций. В ней указывается на необходимость создания и применения гарантий

их соблюдения, а также на принципиальную возможность и необходимость применения государственного принуждения в случае несоблюдения. Последние абзацы приведенного текста Присяги сотрудника МВД РФ являются наглядной иллюстрацией признака обязательности.

Формы проявления традиций полиции являются преимущественно государственно-правовыми. Более того, государственно-правовой характер этих форм заключает и синтезирует в себе и сложный системно-комплексный характер всех форм проявления традиций полиции как единого целого их идеально-субъективной и материально-объективной сторон.

По сравнению с общими национальными традициями, традиции полиции проявляются не в форме моральных и нравственных установлений, правил и норм сознания, поведения и деятельности, которые, как и все традиции, присущи этим традициям, а в виде конкретно-исторических устоявшихся, проверенных практикой и, как правило, закрепленных в нормативно-правовых актах устойчивых моделей и стереотипов отношений, мышления, поведения и деятельности.

Государственно-правовые формы проявления традиций полиции выражаются в том, что:

- они выражают их принадлежность к государству, с одной стороны, и выполнение ими особых государственных функций, с другой стороны;
- эти традиции большей частью закреплены в нормативно-правовых актах государства и его органов;
- правила и нормы, закрепленные в этих актах, с одной стороны, являются наиболее общими и обязательными предписаниями государства, неисполнение которых влечет установленные законом последствия;
- по своему характеру и содержанию эти правила и нормы концентрируют в себе многолетний опыт государственно-политической деятельности, в частности правоохранительной деятельности с учетом исторически сложившейся конкретной социально-политической ситуации в обществе и государстве;
- в силу своего особого характера и содержания эти правила и нормы являются более четкими, определенными и жесткими, чем правила и нормы, характеризующие

общие национальные традиции.

Государственно-правовые формы традиций полиции не являются исключительными, поскольку, как было сказано, традиции содержат в себе и идеально-духовное (субъективное), и материально-предметное (объективное) начала. При этом идеальная и предметно-деятельная стороны традиций также являются системными сложными, синтезирующими в себе разные формы и общественного сознания, и социальной практики. Экономика, политика, право, идеология интегрируются во всех традициях. Кроме того, традиции полиции не только опираются, основываясь на общих традициях данного общества и государства, но и заключают в себе существенные элементы последних.

Государственно-правовые формы проявления и реализации традиций полиции подчеркивают и выражают лишь их социально-политическую природу. Они никак не устраниют системность, сложность, диалектичность, единство и противоречивость всех субъективных и объективных элементов и форм, характеризующих традицию как социальное явление и категорию, принадлежащую и изучаемую не только юридическими, но и другими гуманитарными и естественными науками.

В традициях воплощаются как единство, так и противоположность, бесконечное многообразие природы, общества и мышления, их форм. Социальные чувства, настроения, привычки, социальные стереотипы, отношения, поступки и действия, понятия и концепции, разнообразные орудия труда и средства деятельности, а также заложенные в человеке природой наследственные факторы в виде различных психологических типов и проявлений психики синтезируются и интегрируются в традициях как единое целое. Превращают традиции в значительной мере в некое магическое социальное явление и понятие.

Характерной в этом отношении является традиция наставничества, закрепляемая Директивой МВД России №1 от 19 июня 1996 г. Директива требовала «создать оптимальные условия для развития в органах внутренних дел наставничества, привлекая к этой работе наиболее зрелых, профессиональных сотрудников». Основные требования к наставничеству и наставникам были определены в Положении о наставничестве в органах внутренних дел, утвержденном Приказом МВД России № 221

1994 г. В качестве принципов наставничества, по исследованиям немецкого ученого Трума, выступают: высокий уровень профессиональных знаний; развитые человеческие качества (умение располагать к себе людей, проявлять сочувствие и т. п.); опыт как жизненный, так и служебный; удовлетворенность работой; положительное отношение к профессии, надежность, независимость; безупречное поведение вне службы; желание выполнять обязанности наставника [23, стр. 15].

Показательными являлись и нормы Положения о Государственной автомобильной инспекции МВД РФ, закрепляющее традицию безопасности дорожного движения. Статья 2 Положения в качестве главной задачи Госавтоинспекции определяла «обеспечение соблюдения министерствами, ведомствами, организациями, учреждениями, предприятиями независимо от форм собственности, общественными объединениями, должностными лицами, а также гражданами правил, нормативов и стандартов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения с целью сохранения жизни и здоровья граждан». Часть 2 этой статьи предписывала, чтобы деятельность Госавтоинспекции была направлена на проведение профилактических мероприятий по предупреждению и снижению тяжести дорожно-транспортного травматизма, пресечения правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Она устанавливает, что указанная деятельность должна строиться на принципах законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности [21, стр. 151].

В указанных нормах органически сочетаются естественно-научные и гуманитарные знания, богатый жизненный опыт, высокий нравственный заряд, четкие специальные термины и понятия, а также четкие юридические нормы, выражающие строго определенную сферу социального познания и практики. Они соединяются с социально необходимой гуманистической функционально-целевой установкой, социальной направленностью и эмоциональным пафосом. Социально-политическая сущность и государственно-правовая форма превращают традиции полиции в некую обязанность и повинность. Они в значительной мере ослабляют их нравственную, социально-психологическую силу.

Имея в виду сложный диалектический

характер традиций, противоречия в их теоретических построениях и практике воплощения, английские парламентеры, обсуждавшие Закон о полиции еще в 1929 году, указывали: «Полиция этой страны никогда не признавалась ни законом, ни традицией как сила, отделенная от граждан. Несмотря на то, что законодательство или административные указания возлагают на полицию чрезвычайные обязанности, принцип остается неизменным: полицейский с точки зрения общего права есть лишь лицо, обязанное действовать так, как будто это является его добровольным желанием ... авторитет полиции должен основываться на широком согласии и активном сотрудничестве законопослушных граждан» [26, р. 2].

В то же время социально-политическая и государственно-правовая сущность традиций полиции, несмотря на некоторую слабость ее духовной нравственной стороны, делает их незыблемыми, по крайней мере, в пределах определенных исторических эпох или относительно значительных этапов в развитии того или иного общества и государства. Сочетание их субъективно-идеальных и объективно-материальных элементов и форм делает традиции неотъемлемым и мощным средством социального управления, укрепления государственности и законности, воспитания кадров ОВД, привития уважения к ним со стороны граждан.

Социальная практика и проведенные эмпирические исследования свидетельствуют как о внутренней противоречивости традиций полиции [8], так и об их социальной значимости, равно как и их связи с общими социальными факторами. Они говорят о недопустимости ломки устоявшихся традиций. Подчеркивают исключительную роль традиции единения и общности государства и общества, органов государства, в том числе органов ОВД и его граждан.

Эмпирические данные, характеризующие отношение населения к органам внутренних дел, полученные в 1997 – 2000 гг. в Красноярском регионе с помощью метода экспертных оценок, где в роли экспертов выступали руководители предприятий и организаций районов и городов Красноярского края, а также посредством анкетного опроса жителей края и сотрудников указанных органов позволили сделать некоторые обобщения и выводы.

Мнение о социальном институте ОВД у большинства экспертов сложилось под влиянием непосредственных контактов с сотрудниками органов внутренних дел (93,1%). Более половины экспертов (51,7%) считали, что в деятельности милиции улучшения были незначительны, а 24,2% придерживаются мнения, что происходят изменения в худшую сторону. И лишь 3,4% указали на улучшение работы этих органов.

Общий социально-психологический настрой жителей Красноярского региона позволил определить наличие потенциальной тревоги среди значительной части населения. Наиболее всего люди опасаются за благополучие семьи и будущее своих детей – 68,5%, второе место занимает опасение заболеть тяжелой болезнью – 47,3%, третье – потерять работу – 35,2%. Настораживает тот факт, что каждый четвертый гражданин боится стать жертвой преступления, а практически каждый пятый считает, что может пострадать от произвола правоохранительных органов. В массовом сознании граждан существует практически одинаковый уровень страха как перед преступниками, так и перед правоохранительными органами.

Данные, полученные Д.Д. Невирко, показывали, что около половины опрошенных оценили деятельность милиции удовлетворительно, в основном неудовлетворительно - 26,2% и практически каждый третий не смог ответить на этот вопрос. Еще меньше респондентов удовлетворены работой отдельных подразделений МВД, в том числе: следствия – 17,1%, инспекции по делам несовершеннолетних – 16,8%, уголовного розыска – 21,1 %. Недоверие к милиции выразили граждане, которые часто являлись сами свидетелями нарушения их прав сотрудниками милиции – 35,2%. Были очевидцами проявления грубости, бес tactности в поведении сотрудников – 55,2%, жестокости – 43,8%, использования служебного положения в личных целях – 37,1%, вымогательства, взяточничества, поборов – 27,6% и попытками искажения фактов, фальсификации – 25,7% [16, стр. 21-22].

Приведенные статистические данные наглядно подтвердили неразрывную связь и диалектическое взаимодействие социально-политической сущности и государственно-правовых форм проявления традиций полиции (ОВД). Они показали их необходимую зависимость от экономики, политики и общественного сознания, их

сущности и, особенно, социальной направленности. Подтвердили многообразие, разнородность, интегрированность и внутреннюю противоречивость форм проявления этих традиций. Указали на недопустимость или пренебрежения ими, на острую необходимость смены существующих общественных отношений, в конечном счете предопределили введение полиции в современной России [1].

Выходы:

1. Традиции полиции имеют существенные общие с другими традициями основания и факторы своего возникновения, формирования, функционирования и развития. Вместе с тем они имеют свою, отличную от других видов традиций сущность, содержание, формы проявления и свой специфический механизм воздействия на общественные отношения.

2. Решающее значение имеет социально-политическая и правовая сущность этих традиций. Она обуславливает их существенные особенности по отношению к другим традициям. Органическое единство с объективными социальными основами общественной жизни, прежде всего, с экономикой, политикой и идеологией ставят традиции полиции в особый уровень системы социальных традиций, который непосредственно прилегает и граничит с политической и правовой надстройкой общества, сливается с нею и носит ярко выраженный политico-правовой характер. Природа традиций полиции возникает и проявляется только на основе и в процессе функционирования политики, политических отношений, государства, права и правоотношений.

3. Механизм взаимосвязи политической и правовой сторон сущности традиций и традиционализма полиции выделяет их в особый, самостоятельный ряд. Он предопределяет существенные особенности их возникновения, формирования и проявления.

4. Возникновение этих традиций обусловлено таким характером и уровнем развития производительных сил общества, такими формами производственных и иных общественных отношений, которые породили сложную социальную структуру общества, социальные противоречия между его структурными элементами, создали иерархичную политическую надстройку в виде государства, права, их институтов, включая различные силовые структуры, правоохранительную систему,

правоохранительные органы.

5. Существенными особенностями традиций полиции являются:

- государственно-правовая и морально-политическая сущность этих традиций;
- прямая связь с политикой и всем общественным строем общества, историческим типом социальной системы и историческим типом государства, зависимость от общественно-политических атрибутов;
- их нормативно-обязательный характер;
- специфическая, то есть государственно-политическая и правоохранительная сфера проявления;
- достаточно жесткие, устойчивые и предписывающие правила, нормы и модели поведения, деятельности и общественных отношений, составляющие их сущность и содержание;
- их особо значимая социальная роль и социальные функции;
- юридически значимые последствия их несоблюдения;
- преимущественно писаная, нормативно-закрепленная форма их проявления;
- их определённое несоответствие и противоречие с другими видами традиций (политическими, национальными, трудовыми, боевыми, семейными и др.)

6. Сугубо специфическими и социально-

знаковыми являются нормативно-обязательный характер и государственно-правовые формы проявления и реализации традиций полиции. Они выражают и подчеркивают их связь с правом, правовой системой государства, с сущностью государства как важнейшего социального органа управления, разрешения имеющихся в обществе противоречий, принуждения и насилия по отношению к антисоциальным элементам общества.

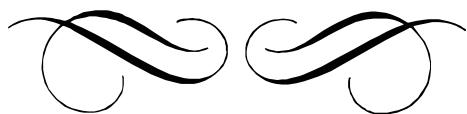
7. Исключительное значение имеет диалектическое единство традиций полиции с политикой, правом и моралью. Это единство характеризуется сложностью, разнородностью их материально-объективной природы, с одной стороны, и идеально-субъективной их сущности, с другой стороны. Традиции, как и политика, право, мораль, имеют двуединую объективно-субъективную природу. Эту природу выражают устоявшиеся материализованные формы отношений, поведения и деятельности в виде различных, но строго определенных актов и форм отношений и действий.

8. Решающей составляющей традиций полиции является их морально-этическая сторона, которая придает им особую духовную направленность и выполняет решающую функцию в формировании общественного сознания, мировоззрения, предопределяет незаменимую ее социальную роль в формировании и развитии самих традиций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №7. – Ст. 900.
2. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.
3. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Государственность и ее система: место полицейского традиционализма // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 25-33.
4. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 7-19.
5. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции полиции: государственно-правовая сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 7-19.
6. Артамонова Г.К., Анохин П.В., Рейф В.М. Государственный интерес: теория и практика // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 40-42.
7. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасанова С.Г. Материальный и духовный мир человека и общества как объект охранительных правоотношений: ценностный подход // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 57-62.
8. Вихров А.А., Алиев Я.Л. Традиции полиции: основные противоречия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – №3(15). – С. 15-22.
9. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2000.

10. Зейналов И.М., Давыденкова А.Г. Философия государственности: политico-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №3(27). – С. 56-61.
11. Керимов А.Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи. – М.: NOTA BENE, 2009.
12. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. – М.: Норма, 2008.
13. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011.
14. Козлихин И.Ю. Современная политическая наука. – СПб., 1994.
15. Манов Г.Н. Государство и политическая система общества. – М., 1974.
16. Невирко Д.Д. Социология милиции (социологический аспект подготовки кадров для органов внутренних дел). – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000.
17. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политico-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
18. Романов Г.В. Не сдаться капиталу окончательно... // Генералы духа. Книга 2 / Отв. ред. Ю.И. Сыроежина. – СПб.: Петрополис, 2001.
19. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: Сб. тр. адъюнктов и соиск. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1994.
20. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
21. Российская милиция: законы, указы, постановления, положения (1991 – 1993 гг.). – М.: Интер-Право, 1993.
22. Тищенко А.Г. Образ государства: генезис, трансформация, современное видение // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 48-55.
23. Трум П. Роль инструкторов-наставников в предотвращении конфликтов / Пер. с нем. – М.: ГИЦ МВД России, 1991.
24. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2004.
25. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
26. RobilHard St.A., McEwan J. Police powers and the individual. – Oxford, 1986.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК АБСОЛЮТНАЯ ЦЕННОСТЬ

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые аспекты права человека на жизнь, осуществлен ретроспективный анализ понятия права на жизнь в законодательстве ряда государств, исследовано понимание сущности права на жизнь с юридической и медико-биологической точки зрения.

Ключевые слова: жизнь; право на жизнь; плод; правоспособность; правовой статус физических лиц; Законы XII таблиц; Дигесты Юстиниана; основы законодательства; кодекс.

BABADZHANOV I.KH.

THE RIGHT TO LIFE AS AN ABSOLUTE VALUE

The summary. The constitutional and legal aspects of human right to life are researched in the article, a retrospective analysis of the right to life concept in the legislation of a number of states is carried out, the understanding of the essence of the right to life from the legal and medico-biological point of view is studied.

Key words: life; right to life; fetus; legal capacity; legal status of natural persons; the Laws of the Twelve tablets; the Digesta of Justinian; fundamentals of legislation; code.

Право на жизнь – первое фундаментальное право человека, без которого все другие права лишаются смысла. Оно представляет собой абсолютную ценность, ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 28; 29; 30; 35; 36; 37; 38; 39; 40, стр. 198; 41; 45, стр. 143; 48; 50; 53; 54; 58].

Право на жизнь – это субъективное правомочие, имеющее формально-атрибутивное оформление, поэтому следует различать такие категории, как жизнь и право на жизнь. Соответственно возникает проблема определения момента возникновения субъективного права на жизнь и момента возникновения самой жизни: различны ли они и зависят ли друг от друга (аналогична проблема определения момента

утраты права на жизнь и момента смерти).

В Гражданском кодексе Республики Таджикистан весьма значительным преобразованиям подвергся правовой статус физических лиц в результате закрепления в нем целого комплекса правовых норм, которые по-новому, в духе лучших европейских и мировых стандартов определили важнейшие параметры их правового положения [12]. Однако многие понятия и правила остались неизменными, в том числе и определение правоспособности, которое в ГК РТ формулируется практически так же, как в Гражданском кодексе РТ 1965 г.: «способность иметь гражданские права и обязанности». В неизменном виде в ГК РТ закреплены и правила определения начальных и конечных моментов правоспособности: «Правоспособность гражданина возникает

в момент его рождения и прекращается смертью» [11]. Вопрос о том, оправдан ли в данном случае проявленный законодателем консерватизм, в последние годы вызывает большой научный и практический интерес, а появляющиеся в литературе предложения об изменении соответствующих положений закона заслуживают самого пристального внимания.

Так, в журнале «Нотариус» было опубликовано интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А.В. Чуевым*, сообщавшим о том, что ряд депутатов разрабатывает законопроект о внесении поправок в ГК РФ в части [11], касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц. Основная идея планируемых поправок состояла в принципиально ином определении момента, с которого начинается правоспособность гражданина, – не с момента рождения ребенка, как это закреплено в ст. 17 ГК РФ, а с момента его зачатия. В обоснование приводится ряд доводов, в первую очередь о фактическом, хотя и частичном признании правоспособности зачатых, но не рожденных лиц в действующем законодательстве путем признания за ними права на жизнь (Основы законодательства об охране здоровья граждан) [10] и права на наследство (ст. 1116 ГК РФ). В качестве косвенного подтверждения правоспособности зачатого ребенка А.В. Чуев рассматривал также право беременной женщины на «определенную финансовую и социальную поддержку: отпуск и пособие» [57, стр. 45-48].

Данное законодательное предложение затрагивает столь важные вопросы, что его смысл и приведенная автором аргументация нуждаются в глубоком анализе и всестороннем обсуждении. Положение о признании некоторых субъективных гражданских прав за зачатым, но еще не родившимся ребенком было сформулировано свыше двух с половиной тысячелетий тому назад в Законах XII Таблиц, в которых за такими детьми (называемыми насцитурусами, т. е. еще не рожденными) признавалось право наследования в имуществе отца, умершего во время беременности матери [42, стр. 18]. Такой подход полностью сохранился в последующие века и получил свое развитие и закрепление в Дигестах Юстиниана: «Кто находится в чреве, охраняется, как если бы он

находился среди людей, поскольку дело идет о выгоде самого плода» [42, стр. 170].

Гуманная правовая регламентации данной коллизии отвечала широким общественным интересам: ситуации, когда ребенок появлялся на свет после гибели или смерти своего отца (в этом случае дети назывались постумы), встречались довольно часто, т. к. средняя продолжительность жизни в Древнем Риме была очень низкой. В интересах детей еще в древности была сформулирована правовая фикция: «*Posthumus pro nato habetur*» – «Ребенок, родившийся после смерти отца, считается родившимся до его смерти» [34, стр. 313]. При этом, однако, охраняя права зачатого, но еще не рожденного ребенка, римские юристы всегда рассматривали его в неразрывном единстве с личностью его матери. Такой подход нашел свое отражение в Дигестах Юстиниана, в которых, в частности, подчеркивалось: «Плод чрева до рождения является частью женщины или ее чрева», поэтому предписывалось, что, если сама беременная женщина не разрешает осмотра для выявления своей беременности, принудительные действия в отношении ее не допустимы...» [42, стр. 567-568].

Еще в римском праве, несмотря на то, что зачатый ребенок не рассматривался как существующий человек, способный приобретать права и обязанности, имела место идея о признании его субъектом гражданского права. Римские юристы установили правило, в силу которого зачатый, но еще неродившийся ребенок признавался субъектом права во всех случаях, когда это соответствовало его интересам... [47, стр. 84].

Положение о том, что правоспособность ребенка как самостоятельного субъекта права возникает только с момента его появления на свет и только при условии, что он родится живым, неуклонно соблюдалось на всех этапах развития Римского государства. Это положение никем не оспаривалось, и споры между представителями сабинианской и прокулианской юридических школ велись только о моменте, с которого ребенка следует считать живым: с момента, когда он издал первый крик, или с момента, когда он подал любые другие признаки жизни.

А.Г. Периханян отмечает, что в иранском праве, как и в других правовых системах, в период беременности матери еще не родившийся ребенок считался потенциально правоспособным

[44, стр. 5].

А.Г. Халиков – исследователь зороастрийской системы права – также пишет о том, что Авеста признает право на жизнь плода в утробе матери. Ребенок, находящийся в утробе матери, защищался зороастрийским правом [55, стр. 54-58]: «Если женщина или девочка сама из-за стыда совершает аборт незаконно зачатого ребенка, то она сама будет виновата в своих действиях. Если женщина убивает ребенка в своей утробе, то вина за убийство ребенка возлагается как на мать, так и на отца. За такое преступление предусматривается наказание как за умышленное убийство» [55, стр. 54-58]. Таким образом, Авеста и нормы мусульманского права четко защищают право на жизнь неродившегося ребенка. Авеста, признавая права ребенка на жизнь, дарит ему свободу рождения, что означает легализацию правоспособности неродившегося ребенка. Интересным является то, что еще тогда имело место общественное порицание за незаконное рождение. Законодатель Заратуштра, осознавая всю тяжесть данного явления, тем не менееставил целью защиту неродившихся детей. Правоспособность неродившихся детей не только защищалась в форме признания права на существование. Вдобавок ко всему Авеста предусматривала их права на ухаживание, на обеспечение и заботливое обращение с ними.

Если мужчина не содержал беременную женщину, как положено, и от этого ребенку наносился вред, то за такую вину мужчину наказывали как за умышленное убийство [56, стр. 54-58]. Авеста обязывает мужчин и женщин бережно относиться к неродившимся детям. Так, в этом древнем памятнике указывается, что все лица, которые окажутся вблизи при рождении ребенка, обязаны оказать помощь, бережно отнестись к женщине и содействовать в здоровом рождении ребенка [56, стр. 54-58]. Авеста не только прямо запрещает abortionы или обязывает других бережно относиться к матери ребенка, но и исполняет правовую миссию защиты

неродившегося ребенка. Более того, женщина, родившая мертвого ребенка, признавалась в Авесте нарушительницей закона и ее отгораживали от всего святого [56, стр. 54-58]. Интересным является то, что признание правоспособности неродившегося ребенка в утробе матери, по всей видимости, начинается с первого месяца беременности.

Не раскрывая понятие «жизнь», право (в частности гражданское) определяет его через две противоположности, которые могут быть биологически предопределены: рождение и смерть. Как известно, статус субъекта права связан с фактом рождения, характеризующимся двойным условием: новорожденный должен быть живым и жизнеспособным (хотя ни один нормативный акт этих условий не закрепляет). Жизнь предшествует рождению. Современные исследования в области биологической науки подтверждают интуицию традиционных моралистов: жизнь начинается с момента зачатия. С самих первых минут жизни эмбрион является носителем присущих только ему и никому более генетических свойств человека, который должен родиться [14; 26; 27; 31; 32; 33; 43; 46; 49; 52]. Речь пойдет всегда об одном и том же индивиде, который будет лишь, меняется в течение всего периода своего существования.

Юристы, медики, философы традиционно определяют саму жизнь как эмбриогенез, т. е. биологическое существование. Соответственно общий вывод вроде бы должен сводиться к тому, что, как только возникает жизнь, появляется и соответствующее субъективное право. Между тем столь простой вывод не находит своего простого подтверждения в силу того, что на протяжении тысячелетий не умолкают дискуссии о моменте возникновения жизни. Довольно значительный временной «разрыв» между зачатием и рождением порождает споры о том, в какой момент можно говорить о появлении самостоятельной, саморазвивающейся жизни, а значит, и о новом субъекте права.

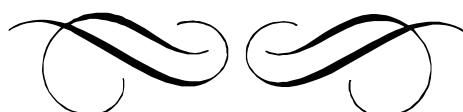
Примечания

* Должность А.В. Чуева указана на момент дачи интервью журналу «Нотариус», т. е. на 2004 г.

Список литературы

1. «Неотъемлемые права» Декларации независимости // 200 лет США. – Вашингтон, 1976.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 A (111) от 10.12.1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>
3. Декларация Каирской встречи на высшем уровне по вопросам прав человека в религии ислама // Бюллетень ОБСЕ/БДИПЧ. Т. 5. – 1997. – № 2.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Российская газета. – 1995. – № 120. 23 июня.
6. Конституции государств Европы: В 3-х т. – М., 2001.
7. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: Сб. нормативных актов. В 7-ми томах / Сост. А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2009.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть третья). – М., 2004.
10. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. Документ утратил силу с 1 января 2012 г. в связи с принятием ФЗ от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №48. – Ст. 6724.
11. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 1965.
12. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011.
13. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.И. Социальное назначение права и правовая жизнь человека и общества // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
14. Бабаджанов И.Х. Государственная политика в области охраны права внутриутробного ребенка на жизнь: законодательство России, Республики Таджикистан и других стран // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 40-53.
15. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 25-34.
16. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь в аксиологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – №1.
17. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике. – Душанбе: ЭР-граф, 2011.
18. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 20-26.
19. Бабаджанов И.Х. Право человека на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
20. Бабаджанов И.Х. Правовая жизнь и смерть как правовое состояние и специфическое юридическое явление // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 8-16.
21. Бабаджанов И.Х. Содержание права на жизнь: некоторые вопросы теории и законодательной формализации // Юридический мир. – 2010. – №2.
22. Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 124-133.
23. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
24. Бабаджанов И.Х., Реуф В.И., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
25. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасanova С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 129-137.
26. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
27. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. – М., 2004. – № 4.
28. Джон Бернал. Возникновение жизни / Пер. с английского И.Б. Бухвалова, Ю.И. Лашкевича и К.А. Любарского. Под ред. акад. А.И. Опарина. – М.: Мир, 1969.
29. Кальченко Н.В. Право человека на жизнь. – Волгоград, 2003.

30. Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – №7.
31. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. – М., 2005. – № 3.
32. Крылова Н. Е. Ответственность за незаконное производство абортов и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – № 6.
33. Крылова Н.Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 1.
34. Латинские юридические изречения / Сост. Е.И. Темнов. – М.: Юристъ, 1996.
35. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
36. Линник Л.Н. Конституционное право гражданина РФ на жизнь: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
37. Линник Л.Н. Правовое понятие жизни // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. – М., 1994. – № 4.
38. Малеина М.Н. О праве на жизнь // Сов. государство и право. – 1992. – №2.
39. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.
40. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. – 1998. – №1.
41. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
42. Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997.
43. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
44. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. – М., 1983.
45. Права человека: Учебник для вузов / Под ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Издательская группа НОРМ-ИНФРА, 1999.
46. Рабец А.М. Право на жизнь и проблемы гражданско-правовой ответственности за его нарушение // Юрист. – 2001. – № 6.
47. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М., 1999.
48. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб., 2003.
49. Романовский Г.Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. – 2007. – № 11.
50. Сборник международных актов по правам человека. – Душанбе, 2001.
51. Сент-Роз Ж. Право и жизнь // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2003. – № 6.
52. Толстой Ю.К. Наследственное право: Учебное пособие. – М., 1999.
53. Тюменева Н.В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
54. Фомиченко Т.М. Конституционно-правовые проблемы обеспечения в РФ права на жизнь в свете правовых стандартов Совета Европы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
55. Халиков А.Г. Гражданское право зороастризма (древнее право). – Душанбе, 2003.
56. Халиков А.Г. Семейное право зороастризма (древнее право). – Душанбе, 2003.
57. Чуев А.В. Интервью // Нотариус. – 2004. – №2. – С. 45-48.
58. Швейцер А. Благовение перед жизнью. – М., 1992.

КОНСТИТУЦИОНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ГОРБАШЕВ Вадим Вадимович,
кандидат юридических наук
E-mail: VVG123@mail.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

УДЫЧАК Фатима Нурбиевна,
доцент кафедры конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: ydichak@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется проблема безопасности государства с позиций стабильности политической и правовой системы общества. Идет речь о системе безопасности, осуществляющей свои функции путем создания безопасных условий для человека и общества.

По мнению авторов, состояние политico-правовой системы оценивается как безопасное в том случае, когда с помощью правовых средств устраняются негативные факторы, препятствующие эффективной реализации интересов личности, общества и государства.

Исследователи ведут речь о существующих сегодня рисках национальной безопасности государства техногенного, природного и социального характера. Говорят о кардинальных переменах в экономической жизни всего мира, об острой борьбе за лидерство в глобальной конкуренции, об экономических кризисах. Большое внимание уделяют изучению национального вопроса в многонациональном обществе. Ссылаясь на В.В. Путина, подчеркивают вывод о том, что для России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос носит фундаментальный характер. Одно из главных условий существования нашей страны является гражданское и международное согласие.

В работе констатируется мысль о росте межэтнической и межконфессиональной напряженности в Мире. Авторы пытаются внести лепту в разрешение этой проблемы.

Обсуждают вопрос о необходимости формирования государственно-правовой идеологии в России, о роли образования и книги в этом процессе, о традициях и традиционно национальных ценностях, о главных ценностных ориентирах. Они приходят к выводу о том, что российское государство способно решать задачи различных этносов и конфессий, всех российских граждан, защитить традиционные национальные ценности нашей гражданской нации, безопасность человека и общества.

Ключевые слова: политическая система; правовая система; политico-правовая система; безопасность человека, общества и государства; национальная безопасность; стабильность системы; риски техногенного, природного и социального характера; правовые факторы, обеспечивающие стабильность; правовые средства; лидерство в глобальной конкуренции; экономический кризис; национальный вопрос; гражданское и межнациональное согласие; государственно-правовая идеология; образование; культура; ценностные ориентиры.

GORBASHEV V.V.
REUF V.M.
UDYCHAK F.N.

POLITICAL, LEGAL FRAMEWORK OF THE SOCIETY AND THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

The summary. The article studies the issues of the state security from the standpoints of stability of political and legal system of the society. The subject concerns the system of security which performs its functions by creation of safe conditions for the individual and society.

According to the authors the state of political-and-legal framework is estimated as safe in the case when by means of legal measures the negative factors hindering the effective implementation of the interests of the individual, society and state are eliminated.

The researchers consider the current risks to the state national security of technogenic, natural and social nature. They speak of cardinal changes in the economic life of the entire world, keen struggle for leadership in the global competition, economic crises. A great attention is paid to the study of the issue of inter-ethnic relations in multiethnic society. Referring to V.V. Putin they emphasizes the conclusion that for Russia with its diversity of fundamental nature. One of the main conditions for the existence of our country is civil and international consent.

The paper ascertains the idea of escalating inter-ethnic and inter-confessional tension in the World. The authors try to make their contribution to the resolution of this problem. They discuss the issue of the need for formation of the state-legal ideology in Russia, of the role of education and book in this process, of the traditions and traditionally national values, of the principal axiological guidelines. They come to the conclusion that the Russian state is capable to solve problems of various ethnic groups and confessions, all Russian citizens, protect the traditional national values of our civil nation, human and society security.

Key words: political system; legal system; political and legal framework; human, society and state security; national security; stability of system; risks of technogenic, natural and social nature; legal factors ensuring stability; legal measures; leadership in the global competition; economic crisis; the issue of inter-ethnic relations; civil and international consent; state-legal ideology; education; culture; axiological guidelines.

Фактор безопасности – необходимое условие стабильного функционирования и целостности любого социального системного образования. При

этом учитывается, что факторный подход предполагает исследование содержания, определение степени влияния явлений на

общественную жизнь, установление взаимосвязи между различными факторами, выявленными в процессе анализа. События (поступки), негативно воздействующие на общество, представляющие реальную (или потенциальную) опасность для стабильного развития и системной целостности, выступают в качестве факторов детерминирующих специфику структурирования системы безопасности [28]. В свою очередь, сама система безопасности осуществляет свои функции путем создания безопасных условий для человека и общества [2; 8; 9; 16; 17; 20; 26; 27; 28; 52; 58; 69; 73; 74; 85; 86; 89; 90; 94]. Эти условия, взятые в комплексе (как фактический состав) могут быть определены как система безопасности или комплексное условие, от которого зависит сама возможность стабильного функционирования и развития социальной системы.

Сегодня наша страна Россия, как социальная система, функционирует в период кардинальных перемен в экономической жизни всего мира. Никогда не было такой острой борьбы за лидерство в глобальной конкуренции. Никогда люди не сталкивались с такими огромными рисками техногенного характера, никогда не была столь серьезными угроза природной среде. Вместе с тем и возможности человека никогда не были столь велики.

В этих условиях важно обеспечить стабильное поступательное развитие нашей экономики, максимально защитить российских граждан от ударов кризисов. По мнению В.В. Путина, и с ним нельзя не согласиться, нам «необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы». Сегодня мы имеем экономику, сильно зависимую от внешнего рынка и в производстве, и в потреблении. Россия зависит от мировой экономики, интегрирована в нее очень сильно – сильнее, чем большинство других стран, крайне высока зависимость от импорта потребительских товаров, технологий и сложной продукции. «Иметь экономику, – констатирует В.В. Путин, – которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния – для России непозволительно. Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной

технологической базе». Только имея такую экономику можно вести речь о системе безопасности для человека, общества и государства.

Закономерности воздействия среды на объект (конкретную социальную систему) верны также и в отношении политico-правовой формы социальной организации, где социальное нормативное регулирование является в значительной степени осознанным, целенаправленным, а не стихийным, не спонтанным как в догосударственном обществе. В этих условиях, субъекты социальных отношений, взаимодействующие в связи с потребностью влиять на публичную политическую власть, реализуют свои частные интересы в пределах установленной государством нормативной правовой формы.

Такое системное образование в теории государства и права рассматривается как политическая система [36; 46; 53; 71; 77; 96]. При этом в качестве основного системообразующего элемента политической системы выступает государство [63; 76; 59; 60; 61; 62; 99; 100], которое «является важнейшим институтом политической системы в силу своего универсального характера, определяемого, в том числе, ресурсами, несопоставимыми с другими субъектами и определяющим влиянием на все сферы общества» [84, стр. 109]. Являясь центральным институтом политической системы и выразителем публичных (общественных) интересов, государство выражает также, корпоративные (групповые) и индивидуальные интересы. Но эти социальные интересы выражаются и поддерживаются государством в той части, которая не противоречит публичным началам [10; 18; 21; 30; 56; 57; 62; 70; 75; 81; 87; 88; 92; 93; 97; 98; 101; 102; 103].

Устанавливаемые государством нормативные властные предписания оказывают воздействие на важнейшие сферы жизнедеятельности общества и прежде всего на политическую сферу. Основы политической организации закрепляются на высшем законодательном уровне и таким образом, политической системе общества придается качество политico-правовой системы, которую часто характеризуют в юридической литературе как правовую систему [15; 19; 22; 25; 29; 34; 37; 41; 42; 43; 47; 48; 54; 72; 82; 83; 95]. При этом стабильное развитие общества «в значительной мере обеспечивается

сбалансированностью общественной воли, выраженной в содержании правовых предписаний, а также тем, насколько полно в них учитываются общественные, групповые и индивидуальные интересы» [55, стр. 8-9].

Политико-правовая система отражает упорядоченный, на основе политических принципов и правовых норм способ взаимодействия институтов, с которым связывается возникновение нового системного качества, не присущего каждому из этих институтов по отдельности. Таким системным качеством является, прежде всего, правосубъектность, которая в исследуемой нами области проявляется себя как возможность использования и применения субъектами отношений юридических средств. Эти средства «создают общие, гарантированные государством и обществом возможности для усиления позитивных регулятивных факторов и одновременно для устранения препятствий (негативных факторов) стоящих на пути упорядочения социальных связей» [49, стр. 140].

Состояние политico-правовой системы оценивается как безопасное в том случае, если при помощи правовых средств устраняются негативные факторы, препятствующие эффективной реализации интересов личности, общества, государства и тем самым создающие угрозу стабильности функционирования системы ее целостности. При этом содержание политico-правовой формы составляет множество конкретных социальных отношений, основанных на свойственных данному обществу нормативных системах (религии, морали, обычая, традиций). Содержание социальных норм детерминирует соответствующий комплекс присущих данному обществу ценностей, духовных и материальных благ служащих удовлетворению жизненно важных потребностей участников общественных отношений. Необходимость сохранения, защиты, преумножения таких традиционных национальных ценностей и благ отражает сущность национальных интересов и их особенности на разных этапах развития национальной общности.

Бот почему зачастую в многонациональном обществе такое важное значение приобретает национальный вопрос. «Для России, – подчеркивает В.В. Путин, – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит

фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие».

Сегодня в мире наблюдается рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость выступают идеологической базой различных преступно-радикальных группировок и течений, которые подтачивают государство и разрушают общество. С этой проблемой вплотную столкнулись самые развитые и благополучные страны. Не обошла она и Россию. Однако «Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство, – обращает внимание В.В. Путин. – Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполняющее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на просторах от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы....

Именно об этом особом характере русской государственности писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство».

Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации, – русский народ, русская культура». Люди, живущие на территории России, давно самоотделились. Самоотречение их – это полигэтническая цивилизация скрепленная русским культурным языком. И этот выбор подтвержден всей своей тысячелетней историей. Он предлагает гражданский мир и межнациональное согласие, которое обеспечиваются кропотливой работой государства и общества, требуют очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечивать «единство и многообразие».

Здесь необходимо не только соблюдение

взаимных обязательств, но и нахождение общих для всех ценностей. По этому поводу очень образно и справедливо пишет В.В. Путин в статье «Россия – национальный вопрос»: «Русский народ является государство образующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединить, скрепить цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной ответственностью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства – цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой – чужой» определяется общей культурой, общими ценностями» [1].

Такой общей культурой и такими общими ценностями выступает, в первую очередь, образование [23; 24; 45; 65; 68; 78; 79; 80; 91]. В области совершенствования образования в нашей стране сделано многое [31; 32; 64; 66]. Реформа в этой сфере продолжается и сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные нормативно-правовые акты, в том числе изданные Министерством образования и науки Российской Федерации [3; 4; 5; 6; 7 и др.]. Все они преследуют цель – воспитание и подготовку в России всемирно образованных, интеллигентных, способных достойно ориентироваться в современном мире граждан своей страны. У нас для этого есть возможность выбора нужной конкретному человеку образовательной программы. Таких программ – многообразие и это наше несомненное достоинство, существенное достижение. Вместе с тем, вариативность образования должна основываться и базироваться на незыблемых ценностях, базовых знаниях и представлениях о мире.

«Гражданская задача образования, системы просвещения, – подчеркивает В.В. Путин, – дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа». Определяющее, главенствующее место в образовательном процессе должны занимать русский язык, русская литература, отечественная история – в контексте всего богатства национальных традиций и культур [1].

В традициях нашего народа книга всегда занимала особое место. Наша нация всегда была читающей нацией. И очень обидно, когда книги начинают вытеснять высокие технологии. Каждое

произведение цивилизации должно иметь свое место в общем процессе обеспечения безопасности человека, общества и государства. Переоценить в этом процессе книгу – невозможно. И предложение В.В. Путина о формировании списка 100 книг, которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы [1], безусловно, заслуживают поддержки. И наверное, не надо ограничиваться лишь ста книгами, их может быть и тысяча, и много больше. Важно, чтобы каждый желал и хотел читать эти книги. Читать сегодня есть что, издается очень много прекрасных книг, в великолепном оформлении, с хорошими иллюстрациями признанных художников, в интересных переплетах. Прошли те времена, когда заинтересовавшую тебя книгу было невозможно достать. И в этом направлении сегодня сделано многое. Важно не потерять то, что сделано, не забыть наши традиции. У нас были наработаны очень хорошие традиции во многих сферах жизни, в том числе и в области правоохраны, обеспечения безопасности граждан [11; 12; 13; 14; 33; 35; 38; 39; 40; 44; 50; 51; 67]. Нам нужно сохранить традиции и применительно к традиционно национальным ценностям. Здесь важная роль принадлежит государственной политики в области культуры, идеологии, морали. Можно сказать в области государственно-правовой идеологии, именно ей принадлежит определяющая роль в деятельности по формированию мировоззрения, скрепляющего нацию. Такое мировоззрение должно базироваться на гражданском патриотизме. «Любой человек, – отмечает В.В. Путин, – живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере, этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны, учитывать национальные и религиозные особенности» [1]. Здесь важная роль принадлежит традиционным религиям в России. В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма – при всех различиях и особенностях лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. По справедливому замечанию В.В. Путина, «Эти ценностные ориентиры невозможно чем – либо заменить и их надо

укреплять.

Убежден, государство, общество, – отмечает он, – должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере и Вооруженных силах. При этом должен быть, безусловно, сохранен светский характер нашего государства» [1].

Государственно-правовой идеологии принадлежит важная роль в формировании такой обстановки в стране, которая позволяла бы всем и каждому чувствовать себя комфортно у себя дома, в своем государстве. Надо просто дать возможность людям работать и нормально жить на родной земле, на своей малой родине. Это обязательное требование национальной политики в многонациональном государстве. В национальной политике нет и не может быть мелочей. Она проявляется во всех сферах жизни

государства и общества – в экономике, социальной жизни, образовании, политической системе и внешней политике. «Нам надо выстроить такую модель государства, – подчеркивает В.В. Путин, – цивилизованной общности с таким устройством, которая была бы абсолютно равно привлекательна для всех, кто считает Россию своей Родиной» [1].

В России есть возможность выстроить именно такую модель государства и цивилизованной общности. Она опирается на исторический опыт, которого нет ни у кого другого, на менталитет и культуру, идентичность, которой нет у других. Нам важно укреплять наше «историческое государство», доставшееся нам от предков, государство – цивилизацию, способную органично решать задачи различных этносов и конфессий [1], защиты традиционных национальных ценностей для всей нашей гражданской нации.

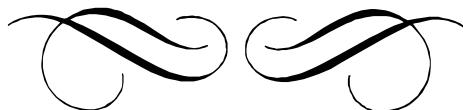
Список литературы

1. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – №7 (5493). 23 января.
2. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – №20. – Ст. 2444.
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2011 г. №20 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация (степень) «специалист»)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12084837/>
4. Приказ Министерства образования и науки РФ (Минобрнауки России) от 12 декабря 2011 г. №2817 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // Российская газета. – 2012. – №5702. 10 февраля.
5. Приказ Министерства образования и науки РФ (Минобрнауки России) от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. №59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lcexed.ru/docs2/2010212_5.html.
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – №26. 28 июня.
7. Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 января 2011 г. №39 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности (квалификация (степень) «специалист»)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071016/>
8. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
9. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
10. Алексеев Н.Н. Идея государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандуков. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2001 (Мир истории, философии, культуры).
11. Алиев Я.Л. Корпоративный традиционализм полиции и режим законности (историко-правовое и сравнительно-правовое исследование): Автограф. дис. ... док. юрид. наук. – СПб., 2003.

12. Алиев Я.Л. Традиции органов внутренних дел Российской Федерации и законность. – СПб., 2006.
13. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Традиции и традиционализм полиции: общая характеристика понятий // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 8-20.
14. Алиев Я.Л., Сальников С.П. Корпоративный традиционализм полиции: прошлое и настоящее (актуальность проблемы) // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 88-96.
15. Аюпова З.К. К вопросу о категории «правовая система» в современном правоведении // Современное право. – 2006. – №7. – С. 59-62.
16. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому изменению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 21-27.
17. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество, государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 130-138.
18. Бабурин С.Н. Территория государства: Правовые и геополитический проблемы. – М., 1997.
19. Байниязова З.С. Правовая система и ее принципы // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2003. – №1. – С. 12-19.
20. Байтинг М.И. Государственная и политическая власть. – Саратов, 1972.
21. Байтинг М.И. Сущность и типы государства // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
22. Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. – 2001. – №2. – С. 61-70.
23. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 116-126.
24. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 35-42.
25. Берестнев Ю. Российская правовая система и европейские стандарты // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С. 14-15.
26. Борисенко В.М. Конституционно-правовое положение суда в системе органов государственной власти по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2012. – №4(16). – С. 113-123.
27. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб., 1999.
28. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000. – С. 75-77.
29. Герасименко А.П. Юридические и идеологические правовые системы. – Благовещенск, 1996.
30. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть. – М., 2001.
31. Гуляев А.П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя: Дис. ... док. юрид. наук. – М., 1988.
32. Гусев Л.Н. Процессуальное положение следователя в советском уголовном процессе // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. – М., 1959. – С. 315-316.
33. Гутман М.Ю. Зарождение традиций Ленинградской милиции // Вопросы идеологической, массово-политической работы в ОВД. – Л., 1985.
34. Давид Р., Жоффре-Спиноза К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
35. Дреев О.И. Роль национальных обычаев и традиций в социальной регуляции поведения. – Л.: ЛГУ, 1982.
36. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции. – Красноярск, 1991.
37. Дробышевский С.А., Будилина Т.В. Научная мысль в поисках наилучшей политico-правовой системы. – Красноярск, 2000.
38. Егоршин В.М. Милиция, полиция, шерифат, или тайны правоохранительных органов: (о сотрудничестве милиции СССР с полицией США). – СПб.: Экополис и культура, 1994.
39. Егоршин В.М. Милиция. Полиция. Шерифат. – СПб., 1994.
40. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
41. Затонский В.А., Малько А.В. «Правовая жизнь» и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – №2. – С. 6-20.
42. Затонский В.А., Малько А.В. Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. – 2007. – №2. – С. 14-23.
43. Загрядский Г.В. Правовые системы современности. – М., 1995.

44. Иванов П.В., Луцкин В.В. Воспитание сотрудников на традициях органов внутренних дел: Учеб. пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
45. К зоне европейского высшего образования. Коммюнике встречи европейских министров, отвечающих за высшее образование. Прага, 19.05.2001 г. – М., 2001.
46. Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. – М., 1994.
47. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ярославль, 1998.
48. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2-х т. – Ярославль, 2005.
49. Категор А.С. Механизм применения права: Монография. – СПб., 2002.
50. Кожин И.А., Луканичев А.П. Из опыта пропаганды революционных, боевых и трудовых традиций Московской краснознаменной милиции: Материалы к лекции / Под ред. Р.С. Мулукава. – М., 1973.
51. Колганов В.М. Культурные традиции русской армии и флота. – М., 1994.
52. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
53. Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). – Саранск, 1995.
54. Котковец С.П. Категории «правовая система» в современной теории права // История государства и права. – 2007. – №7. – С. 2-3.
55. Кулагов В.Л. Российская юридическая доктрина и проблемы правопонимания // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути решения: Научно-практическая конференция (3-4 октября 2001 г.) / Под ред. А.И. Демидова. – Саратов: СГАП, 2001.
56. Любашец В.Я. Государственная власть: понятие, особенности и виды // Правоведение. – 2001. – №6.
57. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. – 2001. – №3. – С. 94-99.
58. Мамонов В.В. Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного стоя России // Журнал российского права. – 2003. – №6.
59. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
60. Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. – 1996. – №4. – С. 45.
61. Манов Г.Н. Государство и политическая организация общества. – М., 1974.
62. Манов Г.Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. – М., 1993.
63. Мирзоев Г.В. Правоохранительная деятельность государства и вопросы общественного контроля. – М.: Юриздат, 2007.
64. Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. – 1973. – № 5.
65. Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Сост. В.Г. Графский. – М., 2006.
66. Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (проблемы соотношения и применения): Монография. – М., 1999.
67. Плахов В.Д. Традиции и общество. – М.: Мысль, 1982.
68. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
69. Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.
70. Разуваев Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. – СПб., 2008.
71. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. – 2000. – №2. – С. 52-59.
72. Реуф В.Н., Удачак Ф.Н. Политико-правовая система общества и национальная безопасность России: современные проблемы государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2012. – №2. – С. 89-92.
73. Реуф В.Н., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 28-35.
74. Реуф В.Н., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм ее обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 114-121.
75. Ромашов Р.А. Государство: территория, население, власть. – СПб. – Пушкин, 1998.
76. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности в современной России. – СПб., 2008.
77. Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. – 2000. – №12. – С. 64-72.
78. Сальников В.П. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. – № 7. – С. 48-59.
79. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.

80. Сальников В.П. Служа закону – служить народу // Наша власть: дела и лица. – 2004. – № 2 (38). – С. 70-71.
81. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государство как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. – СПб., 2001.
82. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
83. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система. – Саратов, 1995.
84. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
85. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 67-75.
86. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 61-67.
87. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – №2. – С. 24-32.
88. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – №4. – С. 3-16.
89. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
90. Федорова О.Г. Концепция национальной безопасности России и роль частных охранных структур в ее реализации // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – №4(12). – С. 28-32.
91. Формирование общеевропейского пространства высшего образования. Коммюнике конференции министров высшего образования. Берлин, 19.09.2003 г. – М., 2003.
92. Хабибулин А.Г. Научные основы типологии государства: вопросы теории и практики. – СПб., 1997.
93. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
94. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
95. Хохлов Е.Б. Дискуссии о правовой системе // Правоведение. – 2002. – №3. – С. 29-31.
96. Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия. – СПб., 1999.
97. Четвернин В.А. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве // Государство и право. – 1992. – №5. – С. 3-11.
98. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – №2. – С. 5-14.
99. Чиркин В.Е. Основы государственной власти. – М., 1996.
100. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государства // М., 1997.
101. Чиркин В.Е. Три ипостаси государства // Государство и право. – 1999. – №8. – С. 107-115.
102. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политico-правовые аспекты / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
103. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политico-правовые проблемы / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.

ВАШКЕВИЧ Алла Васильевна,
старший преподаватель кафедры организации
работы полиции Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат педагогических наук
E-mail: all281@yandex.ru

КОЗЛОВ Евгений Николаевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: baguirka@gmail.com

Специальность 12.00.14 – Административное
право; административный процесс

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И ДРУГИХ НОРМАТИВОВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе применения отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: ч.1 ст.12.3 КоАП РФ, ч.1 ст.12.3 КоАП РФ, ч.2 ст.12.3 КоАП РФ, ч.3 ст.12.15, ч.4 ст.12.15 КоАП РФ, ч.1 ст.2.6 КоАП РФ, ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ, ст. 4.6 КоАП РФ и других статей КоАП РФ в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность; дорожное движение; проблемы; закон; правонарушение.

VASHKEVICH A.V.
KOZLOV E.N.

ON SOME ISSUES OF USING THE RUSSIAN FEDERATION CODE ON ADMINISTRATIVE INFRACTIONS AND OTHER REGULATIONS APPLIED IN THE AREA OF ROAD TRAFFIC

The summary. The article discusses the problems arising in the application of certain provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Violations: Part 1 Art.12.3 Administrative Code, Part 1 Art.12.3 Administrative Code, Part 2 Art.12.3 Administrative Code, Part 3 of Art. 12.15, Part 4 Art.12.15 Administrative Code, Part 1 Art.2.6 Administrative Code, Part 5, Art. 32.2 of the Administrative Code, Art. 04.06 of the Administrative Code and other articles of the Administrative Code in the field of road safety.

Key words: safety; traffic; challenges a law violation.

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения приобретает все большую актуальность в связи с возрастающей диспропорцией между резким приростом количества автомототранспортных средств,

высокой интенсивностью движения автотранспорта, несовершенством организации дорожного движения, которое приводит к увеличению нарушений Правил дорожного движения (ПДД) участниками дорожного

движения.

Особое место в комплексе проблем обеспечения безопасности дорожного движения, занимает научная разработка вопросов сбалансированного сочетания административно-правовых и социально-психологических мер противодействия аварийности, правильной юридической квалификации ДТП, особенностей рассмотрения дел об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Анализ действующего законодательства, научной и специальной литературы позволяет нам выделить следующие проблемы, возникающие в ходе применения отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях:

При квалификации правонарушений сотрудники ГИБДД формально выполняют требования ст. 26.1 КоАП РФ (предмет доказывания), не в полной мере выясняют обстоятельства, подлежащие доказыванию, что негативно оказывается на выяснении обстоятельств совершенного правонарушения. Отсутствие единых баз данных на федеральном уровне усугубляет положение. Указанные обстоятельства затрудняют квалификацию административных правонарушений, особенно при их выявлении в иных субъектах Российской Федерации нежели зарегистрировано транспортное средство, например: ч. 1 ст. 12.3 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов на право управления им, регистрационных документов на транспортное средство, а равно документов, подтверждающих право владения, пользования или распоряжения управляемым им транспортным средством в отсутствие его владельца» от ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды)», а также отграничения ч. 2 ст. 12.1. КоАП РФ «Управление транспортным средством, не прошедшим государственного технического осмотра» от ч. 2 ст. 12.3 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе талона о прохождении государственного технического осмотра, страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортного средства, за исключением случая,

предусмотренного частью 2 статьи 12.37 настоящего Кодекса, а в случаях, предусмотренных законодательством, лицензионной карточки, путевого листа или товарно-транспортных документов», разграничение ч. 3 ст. 12.15 КоАП РФ «Выезд на трамвайные пути встречного направления, а равно выезд в нарушение Правил дорожного движения на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, соединенный с разворотом, поворотом налево или объездом препятствия» от ч. 4 ст. 12.15 «Выезд в нарушение Правил дорожного движения на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 настоящей статьи» КоАП РФ, где диспозицией не оговорены четкие критерии различия и др.

В законодательстве, регламентирующем порядок привлечения лиц к административной ответственности, не отработан порядок привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности, несмотря на положения ч. 1 ст. 2.6 КоАП РФ, указывающей: «Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие на территории Российской Федерации административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях». В частности, не отработан порядок исполнения отдельных видов наказания, например, порядок уплаты и взимания административного штрафа в случае уклонения лица от уплаты такового.

Часть 5 ст. 32.2 КоАП РФ указывает, что при отсутствии документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа, по истечении тридцати дней со срока, указанного со дня вступления постановления о назначении административного штрафа в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, судья, орган, должностное лицо, вынесшие постановление, направляют соответствующие материалы судебному приставу-исполнителю для взыскания суммы административного штрафа в порядке, предусмотренном федеральным законодательством. Возникает вопрос: куда будет направлен материал в отношении иностранного гражданина, кто будет взыскивать суммы административного штрафа по месту проживания лица, привлекаемого к административной ответственности,

назначенного на территории РФ.

Несовершен порядок давности привлечения к административной ответственности, определенный ст. 4.6 КоАП РФ, когда лицо, привлекаемое к административной ответственности, либо умышленно «вытягивает» срок, равный 2 месяцам, либо же иностранные граждане вообще избегают привлечения к административной ответственности, в том числе положений статьи 31.9. Кодекса «Давность исполнения постановления о назначении административного наказания», равная одному году.

Кодексом не предусмотрена административная ответственность за совершение некоторых нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации, и соответственно отсутствует диспозиция статьи, на основании которой нарушителя, возможно было бы привлечь к административной ответственности. В частности, ч. 1 ст. 12.9 КоАП РФ предусматривает совершение правонарушения, выраженного в превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину не менее 10 километров в час. Соответственно, нарушение скоростного режима на величину 9 километров в час и менее административно не наказуемо, несмотря на нарушение предписаний, предусмотренных п. 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в ряде случаев предусматривает альтернативную подведомственность, в частности ст. 12.24 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего» имеет альтернативную санкцию, то есть совершение правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 КоАП РФ, влечет наложение административного штрафа либо лишение права управления транспортными средствами.

Анализ положений КоАП РФ показывает, что согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов. Производство по делу об административном

правонарушении, предусмотренном статьей 12.24 КоАП РФ, осуществляется в обязательном порядке в форме административного расследования, так как для квалификации деяния и составления протокола об административном правонарушении необходимо проведение экспертизы. В то же время положения п. 5 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ предусматривают возможность начальника государственной инспекции безопасности дорожного движения, его заместителя, командира полка (батальона, роты) дорожно-патрульной службы, его заместителя рассматривать дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.24 КоАП РФ.

Таким образом, сотрудники Госавтоинспекции в пределах своих полномочий вправе рассмотреть правонарушение, предусмотренное ст. 12.24 КоАП РФ, и назначить наказание в виде административного штрафа либо же передать дело на рассмотрение суда, который имеет право назначить и административный штраф, и лишение права управления транспортными средствами.

Возникает вопрос: справедлив ли законодатель, когда с 2002 года в связи с вступлением в действие Кодекса, а также в связи с декриминализацией действующего законодательства причинение легкого вреда здоровью и причинение средней тяжести вреда здоровью выбыли из уголовного законодательства и перешли в разряд административно наказуемых деяний? Однако санкция за рассматриваемые правонарушения не соответствует законодательным принципам справедливого наказания и привлечения виновных к административной ответственности. Если ранее за совершение данных деяний предусматривалась уголовная ответственность, и в случае виновности лица, установленной судом, он был подвергнут уголовному наказанию, то теперь «цена» причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшего в связи с нарушением Правил дорожного движения или Правил эксплуатации транспортного средства может соответствовать административному штрафу в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей. Фактически сложилась ситуация, когда сотрудники Госавтоинспекции сами решают вопрос о выборе наказания для виновного в правонарушении, рассматривая материалы, так как имеют право свести к минимуму последствия для

правонарушителя, ограничившись административным штрафом.

В законодательстве, регламентирующем порядок привлечения лиц к административной ответственности, отсутствует определение такого процессуального понятия, как «мотивированное решение по делу», практика применения которого не находит в различных субъектах Российской Федерации единогообразного понимания, что затрудняет действия правоприменителя.

Кодексом не определен порядок проведения повторной и дополнительной экспертизы, хотя практика работы подразделений ОВД, особенно сталкивающихся с порядком проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях, нуждается в подобных положениях закона. Более того, относительно молодые по сравнению к КоАП РФ отрасли законодательства, такие как таможенное законодательство, содержат подобные положения.

Не совсем понятна позиция законодателя в отношении сроков составления протокола. В соответствии с п. 4 абзацем третьим Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым несущественным недостатком протокола является нарушение установленных статьями 28.5 и 28.8 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении и направления протокола для рассмотрения судье, поскольку эти сроки не являются пресекательными.

То есть если ранее согласно положению ст. 28.5 Кодекса протокол об административном правонарушении составлялся немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения, а в случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении составлялся в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения, то теперь должностное лицо вправе составить протокол в течение 2-х месяцев, что является сроком давности привлечения к административной ответственности. Таким образом, нарушаются один из ведущих принципов

административного производства – принцип оперативности и осуществляется умышленное затягивание сроков составления протоколов, «волокита» при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях.

В ряде норм Кодекса тяжесть и общественная опасность совершенного деяния несоразмерна наказанию. В частности, ст. 12.6 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не пристегнутым ремнем безопасности, перевозка пассажиров, не пристегнутых ремнями безопасности, если конструкцией транспортного средства предусмотрены ремни безопасности, а равно управление мотоциклом либо перевозка на мотоцикле пассажиров без мотошлемов или в незастегнутых мотошлемах» влечет наложение административного штрафа в размере пятисот рублей, а нарушение требований, предусмотренных ст. 12.16 КоАП РФ «Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги» влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере ста рублей или нарушение положений ч. 2 ст. 12.25, выразившееся в невыполнении законного требования сотрудника милиции об остановке транспортного средства, влечет наложение административного штрафа в размере от двухсот до пятисот рублей. То есть, санкция ряда статей за совершение незначительных правонарушений выше, нежели санкция более общественно опасных правонарушений.

Несмотря на положения Кодекса о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренной статьей 27.13. КоАП РФ «Задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации», и Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2003 г. № 759 «Об утверждении Правил задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации» не проработан механизм реализации данной меры обеспечения, так как зачастую в субъектах Российской Федерации отсутствуют муниципальные стоянки. Индивидуальные же предприниматели, имеющие стоянки, не обязаны представлять эвакуаторы и осуществлять хранение задержанных транспортных средств на безвозмездной основе,

следствием чего является крайне затруднительная практика применения указанной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

При осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена Кодексом или законом субъекта Российской Федерации. Требуется внесение изменений в исключительную компетенцию прокурора, в соответствии с которой он возбуждает дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.35. КоАП РФ «Незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию». Зачастую возникают ситуации, связанные с незаконным ограничением прав на управление транспортным средством и его эксплуатации со стороны работников и должностных лиц специализированной стоянки, даже после устранения причины задержания и разрешении инспектора ДПС забрать автомобиль, пробывший менее суток на стоянке. Но должностное лицо либо иные работники специализированной стоянки отказываются возвратить автомобиль до тех пор, пока владелец транспортного средства не уплатит время нахождения ТС на стоянке и перемещение эвакуатором.

Изложенное позволяет рассмотреть авторское мнение, о возможности отнесения к компетенции Госавтоинспекции составление протокола по делу об административном правонарушении по ст. 12.35 КоАП РФ, упростив процедуру возбуждения дела об административном правонарушении по рассматриваемой статье.

Рассматривая положения п. 1 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, необходимо отметить, что дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления протокола осмотра места совершения административного правонарушения.

Соответственно при проведении производства по делу об административном правонарушении в форме административного расследования по ст. 12.24. КоАП РФ или ч. 2 ст. 12.30. КоАП РФ дело возбуждено с момента составления протокола осмотра места происшествия, но

должностным лицам Госавтоинспекции приходится выносить определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, так как Кодекс не предусмотрел отдельного бланка проведения административного расследования, поэтому правопримениителю, фактически приходится повторно возбуждать уже возбужденное дело.

Законодателем не четко проработан механизм привлечения к административной ответственности в соответствии с требованиями санкций статей за совершение административных правонарушений, предусмотренных главой 12 Кодекса, в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Так, если лицо совершило административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 12.9. КоАП РФ «Превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 километров в час» и данное правонарушение выявлено инспектором, то материалы дела будут направлены в суд и лицо может быть лишено права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев, а если данное правонарушение будет зафиксировано специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, работающими в автоматическом режиме, то однозначно в соответствии с требованиями с ч. 3.1. ст. 4.1. КоАП РФ ограничится административным штрафом в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей. Таким образом, заслуживает внимание мнение, согласно которому в целях предупреждения совершения новых правонарушений возникает необходимость ужесточение административной ответственности, выраженной в наложении административного штрафа в размере пяти тысяч рублей.

Анализ ч. 4 ст. 12.8. КоАП РФ показывает, что за повторное совершение административного правонарушения, выразившееся в управлении транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ) либо передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в

состоянии опьянения (ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ), законодателем установлена ответственность в виде лишения права управления транспортными средствами на срок три года. Но почему-то законодателем определено в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 27.13. КоАП РФ, что сотрудник Госавтоинспекции не может применить задержание транспортного средства при выявлении правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ.

Следующим пробелом законодательства, по нашему мнению, является формулировка санкции ч. 4 статьи 12.8 КоАП РФ, в соответствии с которой повторное совершение управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения либо же повторное совершение передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения влечет лишение права управления транспортными средствами на срок три года. Возникает вопрос: как быть с лицами, которые в третий, четвертый и т. д. раз совершают указанное правонарушение до вступления приговора суда в законную силу?

Иногда законодателем не совсем корректно сформулирована диспозиция статьи, что ведет к буквальному толкованию нормы права. Так, положения ст. 12.18. КоАП РФ устанавливают административную ответственность за невыполнение требования Правил дорожного движения уступить дорогу пешеходам, велосипедистам или иным участникам дорожного движения (за исключением водителей транспортных средств), пользующимся преимуществом в движении, формулируя диспозицию статьи во множественном числе (пешеходам, велосипедистам или иным участникам).

Очередным пробелом действующего законодательства является формулировка диспозиций статей 12.211 и 12.212, в соответствии с которыми допускается привлечение к административной ответственности за нарушение правил перевозки крупногабаритных и тяжеловесных грузов и нарушение правил перевозки опасных грузов. Помимо указанного, деяние может выражаться в управлении транспортным средством, которое не соответствует требованиям, указанным в разделе

23 Правил дорожного движения «Перевозка грузов». Например, движение транспортного средства, габаритные параметры которого с грузом или без него превышают по ширине 2,55 м (2,6 м – для рефрижераторов и изотермических кузовов), по высоте 4 м от поверхности проезжей части, по длине (включая один прицеп) 20 м, либо движение транспортного средства с грузом, выступающим за заднюю точку габарита транспортного средства более чем на 2 м, а также движение автопоездов с двумя и более прицепами осуществляются в соответствии со специальными правилами. Однако наказания за нарушение указанных требований ПДД Кодексом не предусмотрено.

При производстве по делам об административных правонарушениях иногда возникает необходимость переквалифицировать деяние, но Кодекс соответствующей нормы не содержит. Таким образом, должностные лица иногда сталкиваются с необходимостью изменить принятые ими решение по делу об административном правонарушении, а фактически это правомочны сделать только по жалобе в порядке, определяемом главой 30 Кодекса.

Практика применения положений Кодекса, а также ряда федеральных законов Российской Федерации не позволяют обеспечить неотвратимость наказания в отношении должностных лиц, пользующихся определенным иммунитетом (судьи, прокуроры и др.). Таким образом, положения ст. 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей равенство всех перед законом и судом и гарантии государства о соблюдении данного принципа, остаются голословными. Процедуры привлечения указанных должностных лиц к ответственности настолько усложнены, что сотрудникам Госавтоинспекции остается лишь «разводить руками». Об этом наглядно свидетельствует и практика применения некоторых положений Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения применительно к должностным лицам, выполняющим определенные государственные функции, в отношении которых действуют особые условия применения мер обеспечения производства по

делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности.

Согласно п. 5 ст. 26.1 КоАП РФ одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию, является характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением. Административное законодательство в отличие от уголовно-процессуального законодательства, которое предусматривает механизм возмещения причиненного преступлением ущерба (вреда) посредством гражданского иска в уголовном деле, статьей 4.7 КоАП РФ предусматривает возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненного административным правонарушением в порядке гражданского судопроизводства, но при этом отсутствует надлежащий механизм установления характера и размера ущерба.

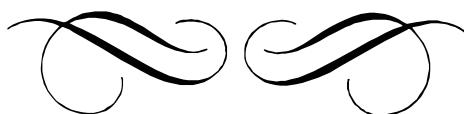
В Кодексе недостаточно проработан и

закреплен процессуальный порядок оформления тех или иных процессуальных действий (например, факт ознакомления лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевшего с определением о назначении экспертизы, который фиксируется, как правило, в определении, хотя Кодекс по данному вопросу не указывает место отражения ознакомления, а факт ознакомления указанных лиц с заключением экспертизы также КоАПом РФ не конкретизируется).

Но, несмотря на отдельные недостатки административно-правового регулирования общественных отношений в области дорожного движения, нашим государством предпринимаются последовательные действия, направленные на защиту прав и законных интересов граждан-участников дорожного движения, а также на обеспечение безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Правила дорожного движения Российской Федерации. – М.: Мир Автокниг, 2011. – 64 с.
2. Гуничев А.А. Квалификация и особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, посягающих на безопасность дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук – М., 2002. – 178 с.
3. Алексин А. П., Кармалицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. – 608 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ГОЛЬЦОВ Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии Санкт-
Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: golz2005@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

О СМЫСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ ДОГОВОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется смысловое значение договора и соглашения в деятельности подразделений Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации, рассматривается понятие договора, содержащееся в п. 1 ст. 420 ГК РФ, обосновывается его спорное смысловое значение оказывающее влияние на практику деятельности подразделений связанных с чрезвычайными ситуациями, даются предложения по изменению законодательства связанного с договорной деятельностью указанных подразделений.

Ключевые слова: договор; соглашение; услуги; подразделения единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Российской Федерации; профессиональные аварийно-спасательные службы; профессиональные аварийно-спасательные формирования.

GOL'TSOV V.B.

ON THE CONCEPTUAL MEANING OF CONTRACT IN THE ACTIVITIES OF SUBDIVISIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNIFIED STATE SYSTEM FOR PREVENTION AND RESPONSE TO EMERGENCY SITUATIONS

The summary. The article analyzes the conceptual meaning of contract and agreement in the activities of subdivisions of the Russian Federation Unified State System for Prevention and Response to Emergency Situations, considers the concept of contract contained in Item 1 of Art. 420 of the Civil Code of the Russian Federation, justifies its arguable conceptual meaning influencing the practices of the subdivisions related to emergency situations, gives proposals for making changes in the legislation associated with the contractual activities of the mentioned subdivisions.

Key words: contract; agreement; services; subdivisions of the Russian Federation Unified State System for Prevention and Response to Emergency Situations; professional accident rescue services; professional emergency rescue teams.

Рассматривая деятельность подразделений РСЧС в многовариантном значении, особо следует остановиться и на спорных моментах правоприменительной деятельности подразделений РСЧС при заключении и реализации ими различного рода договоров и соглашений.

В соответствии с целями и смысловым направлением данной статьи, вначале, следует остановиться более подробно на гражданско-правовом понимании договора в целом. В настоящее время его назначение состоит, согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ, в регулировании свободного волеизъявления субъектов права путем указания на пределы их возможного либо должного поведения, а равно на последствия нарушения соответствующих требований.

В науке гражданского права по поводу того, что лежит в основе договора, имеются неоднозначные мнения. Одни полагают, что договор – это волевой акт контрагентов, а закон лишь восполняет или ограничивает их волю (волевая теория). Другие, наоборот, исходят из того, что договор обладает производным от закона правовым эффектом (теория приоритета закона). Третьи считают, что воля сторон при заключении договора направлена всего лишь на экономический интерес, последствия заключенного договора мыслятся как средство для его осуществления, причем стороны могут и не иметь достаточно ясного представления, что за этим стоит (эмпирическая теория) [31, стр. 5-6].

Следует согласиться с мнением М.И. Брагинского, что решающей при заключении гражданско-правового договора является воля сторон, она позволяет провести четкую грань, отделяющую гражданско-правовой договор от нормативного акта: во-первых, договор выражает волю сторон, а нормативный акт – волю издавшего его органа; во-вторых, договор всегда рассчитан на конкретное регулирование поведения сторон, а нормативный акт «может и не определять такой конкретности, указывая на желаемое поведение для всех и каждого»; в-третьих, гражданско-правовой договор предполагает возможность выбора вступить в конкретное правоотношение с определенным субъектом либо не вступать и этим также отличается от императивных велений нормативно-правового акта [7, стр. 14].

На некоторые из перечисленных различий

указывает и Ю.А. Тихомиров, отграничиваая так называемые публично-правовые договоры (которые практически сливаются с нормативно-правовыми актами) от гражданско-правовых договоров [32, стр. 183-185].

Легальное определение гражданско-правового договора сформулировано в п. 1 ст. 420 ГК РФ гласящем, что договор представляет собой соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Подобный подход к пониманию сущности договора традиционен для российской цивилистики, о чем свидетельствуют, в частности, труды известных ученых дореволюционного времени: Г.Ф. Шершеневич определял договор как «соглашение двух или более лиц, направленное к установлению, изменению или прекращению юридических отношений» [35, стр. 304]; Д.И. Мейер – как «соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее имущественный интерес» [20, стр. 46]; К.П. Победоносцев – как «сознательное соглашение нескольких лиц, в котором они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собой юридическое отношение, в личном своем интересе по имуществу» [25, стр. 2]; И.А. Покровский – как «способ регулирования отношений между частными лицами сообразно их индивидуальным интересам и потребностям, где зиждущей силой всякого договора является соглашение сторон, т. е. их воля» [26, стр. 245].

Отмеченная традиционность в понимании сущности договора как соглашения характерна не только для гражданского, но и для международного права. Например, Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» договор определяется как соглашение, «регулируемое международным правом» (ст. 2) [4]. Такое общетеоретическое представление о договоре наложило свой отпечаток на его понимание как соглашения и в силовых ведомствах*. Характерно такое понимание договора и для подразделений РСЧС [1].

Тем не менее, анализ правоприменительной и судебной практики показывает, что такое отождествление договора и соглашения отрицательно сказывается как в общеправовом поле деятельности различных организаций, так и

в правоприменительной деятельности подразделений РСЧС.

Так, Открытое акционерное общество «Лукойл» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с исковым заявлением к Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС) о взыскании 198.870.000,00 руб. за поставленную нефть по договору № 998-0627 от 01 июня 1998 г.

Решением Арбитражного суда г. Москвы от 19 августа 1999 г. по делу № А40-29104/99-37-315 исковые требования удовлетворены.

Постановлением апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 14 октября 1999 г. решение суда от 19 августа 1999 г. по делу № А40-29104/99-37-315 оставлено без изменения.

В кассационной жалобе на решение от 19 августа 1999 г. и постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 14 октября 1999 г. по делу № А40-29104/99-37-315 ответчик – МЧС России просит указанные судебные акты отменить как вынесенные с нарушением применения норм материального и процессуального права.

В отзыве на кассационную жалобу истец просит указанные судебные акты оставить без изменения как законные и обоснованные, а кассационную жалобу ответчика – без удовлетворения.

В заседании кассационной инстанции представитель ответчика поддержал доводы кассационной жалобы, представитель истца возражал против ее удовлетворения по основаниям, изложенным в отзыве.

Проверив материалы дела, заслушав представителей сторон, явившихся в заседание, обсудив доводы кассационной жалобы и отзыва на нее, кассационная инстанция пришла к заключению, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям:

Удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что обязательственные отношения сторон возникли из договора № 998-0627 от 01 июня 1998 г. на поставку нефти для выполнения государственного заказа МЧС РФ во исполнение генерального соглашения № 998-0630 от 01 июня 1998 г. Оценивая данный договор, суд пришел к выводу, что он является реальным, согласованным по всем условиям, исполненным истцом. Довод ответчика касательно того, что договор был

подписан неуполномоченным лицом и впоследствии не был одобрен министерством, был отклонен судом как необоснованный. Суд счел, что факт поставки нефти, т.е. исполнения истцом своих обязательств подтвержден актами сдачи-приемки нефти, подписанными уполномоченным лицом. Факт исполнения обязательств по оплате поставленной нефти ответчиком не подтвержден, а потому исковые требования подлежат удовлетворению.

Однако, кассационная инстанция, впоследствии, признала выводы суда недостаточно обоснованными, так как Договор № 998-0627 от 01 июня 1998 г. был заключен во исполнение генерального соглашения № 998-0630 от 01 июня 1998 г. Анализ данного генерального соглашения судом осуществлен не был. Судом не было принято во внимание и то обстоятельство, что генеральное соглашение приобретает силу договора лишь тогда, когда оно вступает в силу согласно ст. 10 при условии согласования МЧС с Министерством Финансов РФ процедуры расчетов по настоящему соглашению. Материалов, подтверждающих вступление генерального соглашения в силу, в деле не имеется. Договор № 998-0627 от 01 июня 1998 г. мог быть заключен лишь при условии соблюдения всех требований генерального соглашения, поэтому вывод суда о том, что этот договор является законным, заключенным с соблюдением всех требований, является недостаточно обоснованным [2].

Несмотря на давнюю традицию в законодательном определении договора, на наш взгляд, в нем скрываются существенные недостатки.

Во-первых, в юридическом смысле нельзя отождествлять термин «договор» и «соглашение», хотя бы потому, что для них характерны разные юридические последствия. Соглашение фиксирует всего лишь волю (желание) лица вступить в будущем в договорные отношения, чего может и не случиться, поскольку оно не порождает каких-либо прав и обязанностей у сторон. При достижении соглашения меняется лишь «оценка» стороной своих предполагаемых действий, того, что может произойти в будущем при установлении гражданских прав и обязанностей, такая «оценка» и есть соглашение.

Лишь тогда соглашение становится договором, когда «оценка» соответствующего поведения

участника правоотношения соединяется с предполагаемыми действиями. Причем такое соединение «оценки» и действий может быть отсрочено во времени, когда, например, контрагент хочет обдумать свои действия (что-либо уточнить, внести что-то новое и т. п.), либо, наоборот, произойти сразу: когда контрагент ясно видит конечную цель и последствия своих действий, тогда «оценка» и действия действительно совпадают и трансформируются в юридический факт заключения договора.

На несовершенство определения договора, данного в ст. 420 ГК РФ, указывает и А.Д. Корецкий. Он усматривает в нем методологический дефект, который состоит в отождествлении понятий «договор» и «соглашение»: значение первого раскрывается через второе, а поскольку эти слова синонимичны [24, стр. 146], нарушается основополагающее правило построения научной дефиниции, где не должно быть «порочного круга», в нашем случае – тавтологии «договор – это договор о...». Юридический же дефект, по мнению А.Д. Корецкого, связан с тем, что в легальном понятии договора «акцент перемещается не на договор, а на соглашение об установлении правоотношения, которое само по себе может и не приобрести качества договора» [15, стр. 20]. Из этого высказывания не совсем понятно, в чем собственно заключается юридический дефект. Сначала автор, ссылаясь на В.В. Меркулова [21, стр. 18] и М.М. Агаркова [5, стр. 345], соглашается с ними и указывает на то, что «договор» и «соглашение» – это все же разные вещи и договор нежелательно сводить к соглашению с методологических позиций [15, стр. 20-21]. Различие между договором и соглашением А.Д. Корецкий усматривает в «оценке легитимности со стороны суда и третьих лиц». В качестве примера приводится то обстоятельство, что большинство недействительных договоров на этапе своего заключения представляют собой соглашения, а не договоры. Если суд признает подобный договор недействительным из-за дефекта формы, содержания, порока воли, порока в субъекте либо по иным причинам, то данное признание трансформирует заключенный сторонами договор в другой институт гражданского права – недействительную сделку, порождающую прямо противоположные ожиданиям сторон

юридические последствия, т. е. состоялся не договор, а только «соглашение об установлении гражданских прав и обязанностей, где ничего не изменилось – изменилась лишь его оценка со стороны суда, либо иных правоприменителей» [15, стр. 20]. Затем автор, опираясь на слова М.И. Кулагина [17, стр. 258], указывает, что «современное англо-американское право вообще уже отказалось от трактовки договора как обещания либо одностороннего волеизъявления и определяет его так же, как и право западноевропейских континентальных стран, а в последних договор рассматривается, прежде всего, как соглашение» [15, стр. 22]. По всей видимости, А.Д. Корецкий предполагает отказаться от термина «договор», заменив его «соглашением».

Если с отмеченным автором методологическим дефектом еще можно согласиться, то с так называемым юридическим – никак нельзя.

Во-вторых, договор хоть и относится к той разновидности юридических фактов, которые именуются сделками, представляет собой действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ) и обычно трактуется как двух- или многосторонняя сделка [28, стр. 443], но сводить договор лишь к сделке едва ли правильно. Сделка представляет собой действие, направленное на установление, изменение, прекращение прав либо обязанностей, а договор не только устанавливает права и обязанности, но и предусматривает совершение субъектами предметных действий, содержание которых в нем и закрепляется с помощью той или иной формы. Договор определяет, какие конкретно действия должны быть совершены и какие требования предъявляются сторонами к их совершению. Отсюда роль и функции договора значительно шире, нежели у сделки [11, стр. 42].

Особое значение договора отмечает и Н.Д. Егоров: «Только немногочисленные односторонние сделки не относятся к числу договоров. Основная же масса встречающихся в гражданском праве сделок – договоры» [10, стр. 428].

В-третьих, указание на оценку легитимности со стороны суда либо третьих лиц не может служить основанием для утверждения, состоялся договор или нет. Если договор признан судом

недействительным, он не трансформируется в недействительную сделку, а к такому договору всего лишь применяются правила о недействительности сделок (п. 2 ст. 420 ГК РФ).

В-четвертых, совершенно недопустим отказ от термина «договор» в пользу «соглашения», так как речь идет об абсолютно разных вещах. Подобные попытки уже имели место в международном праве. Так, Дж. Браерли, выступая докладчиком в Комиссии международного права по праву договоров, обратил внимание на тот факт, что не любое соглашение даже между государствами является международным договором [38, р. 227]. Присутствующими были высказаны и иные точки зрения, в том числе прямо противоположные озвученной Дж. Браерли [37, р. 81-86].

В дальнейшем этот вопрос не раз обсуждался. Но в итоге Комиссия не согласилась с мнением тех членов, которые полагали, что сама природа договаривающихся сторон делает межгосударственные соглашения объектом международного права при любых условиях [38, р. 189]. Соответствующие мнения встречались и в практике межгосударственных связей с участием России, например, в памятной записке Советского правительства, переданной правительству ФРГ в январе 1968 г., говорилось: «Известно ведь, что любое урегулирование, достигнутое суверенными государствами, должно иметь обязывающую силу и, следовательно, ту или иную международно-правовую форму...» [13].

В последнее время широкое распространение получили неправовые соглашения, о чем свидетельствуют акты ОБСЕ, ставшие главным инструментом перестройки системы международных отношений в Европе. Положения таких соглашений обладают не юридической, а морально-политической обязывающей силой. Относительно подобного рода актов госдепартамент США высказал следующую точку зрения: «Политические обязательства не регулируются международным правом, и правила, относящиеся к их соблюдению, изменению или отказу от них, отсутствуют. До тех пор пока сторона не откажется от своего «политического» обязательства, что она может совершить без юридического возмездия, она считается давшей обещание уважать это обязательство, а другие стороны имеют полное основание считать себя заинтересованным в соблюдении такого рода

обязательств» [36].

Вышесказанное не только свидетельствует о недопустимости отказа от термина «договор» в пользу «соглашения» в ныне действующем законодательстве, но и демонстрирует существенные различия между этими категориями. Следует согласиться с мнением И.И. Лукашука, определяющего, что «соглашение не может регулироваться правом». Это, по мнению ученого, равнозначно утверждению о том, что закон регулируется правом [18, стр. 77].

В литературе высказывались различные мнения о понятии и интерпретации договора. Так, И.Б. Новицкий указывал, что договор в его первом значении – основания возникновения прав и обязанностей – составляет ступень в классификации юридических фактов. Соответственно он должен отвечать основополагающим признакам этих последних (имеется в виду способность порождать права и обязанности) [23, стр. 94-95].

Вместе с тем, с этой точки зрения договор может быть поставлен в один ряд с односторонними сделками, деликтами, административными актами, юридическими поступками и др. [7, стр. 18].

В.В. Иванов предлагает рассматривать договор как договорный акт в широком и в узком смысле, как совместный правовой акт [12, стр. 35]. Однако относительно понятий «правовой» и «юридический» акт в литературе имеются справедливые критические замечания: эти понятия практически отождествляются и становятся синонимами, поэтому использование термина, обладающего несколькими значениями, нельзя признать удачным [6, стр. 192; 19, стр. 11; 34, стр. 319].

Л.В. Соцуро определяет гражданско-правовой договор как «многоуровневую и многоплановую систему юридических обязательств, в которой свободно выражается воля сторон, облеченнная в предусмотренную законом форму, направленную на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей в общественно полезных целях» [30, стр. 51]. Данное определение договора также сближает его с правовым актом, а значит, неизбежно ведет к смешению различных понятий. Договор направлен на реализацию, прежде всего личных интересов сторон, а не общественных. Например, заключение договора перевозки личных вещей на дачу с коммерческой

организацией никак не связано с общественно-полезными целями. Личные интересы проявляются и при заключении договоров между подразделениями РСЧС и их контрагентами. Так, закупка оборудования подразделениями спасателей МЧС связана с удовлетворением в первую очередь их личных потребностей, облегчения и удобства, выполняемых такими подразделениями работ и услуг, связанных с реализацией ими профессиональных функций, несмотря на то, что сами такие подразделения созданы в общественных целях. В данном случае, даже само слово «договор» ориентировано на реализацию частных, а не публичных интересов, для чего он, собственно говоря, и заключается.

А.Д. Корецкий предлагает считать договором «выраженные в установленной законом форме намерения нескольких лиц совершить друг в отношении друга гражданско-правовые сделки в целях реализации личных, как правило, имущественных интересов» [15, стр. 28]. Но это – определение «соглашения о намерениях», которое, как известно, договором не является, в нем лишь фиксируется желание сторон вступить в будущем в договорные отношения. Соглашение о намерениях не порождает каких-либо прав и обязанностей у сторон, так как намерение (т. е. воля) лица еще не реализовалось в его волеизъявлении на заключение договора. Поэтому отказ одного из участников соглашения о намерениях заключить предусмотренный таким соглашением договор не влечет для него каких-либо правовых последствий.

С учетом всего вышеизложенного, хотелось бы предложить свое определение гражданско-правового договора.

Договор – это особая обязательственная форма правоотношения, основанная на взаимной свободной воле сторон, заключающаяся в оценке и реализации своих фактических действий в целях достижения юридических последствий в собственных интересах.

Разберем первую посылку предлагаемого определения: «договор – это особая обязательственная форма правоотношения».

О.А. Красавчиков, являясь противником многопонятийного представления о договоре, указывал, что «в нашем гражданском законодательстве, а равно в науке права при употреблении термина «договор» смешиваются два разных понятия: договора как юридического

факта и как формы существования правоотношения». «Не вызывает сомнения то, что подобное разночтение одного и того же термина не может не привести к различным недоразумениям и затруднениям теоретического и практического порядка» [16, стр. 117].

В свою очередь, О.С. Иоффе, будучи, напротив, сторонником множественности значений договора, отмечал, что договор для всестороннего ознакомления с его сущностью «должен быть изучен и как юридический факт, и как правоотношение» [14, стр. 26-27].

Несмотря на разнообразие позиций, никто из исследователей не отрицал того, что договор – это все же правоотношение, причем достаточно своеобразное, где есть и юридические факты и должна быть какая-то форма. О.С. Иоффе писал, что «слово «договор» употребляется в тройком смысле».

Договором называют и документ, оформляющий соглашение сторон, и само соглашение как определенный юридический факт гражданского права, и гражданские правоотношения, которые из этого факта возникают» [29, стр. 366-367]. Согласимся с этим мнением: речь действительно идет о правоотношении, выраженным в особой форме. Попытаемся объяснить это на примере договора купли-продажи недвижимости, например квартиры. Форма данного договора установлена ст. 550 ГК РФ: он должен заключаться в письменной форме, путем составления одного документа, подписанного сторонами. Однако начнется такой договор задолго до его письменного оформления и закрепления посредством государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость. Начало договора – разнообразные фактические действия, которые подтверждают, что согласование произошло.

Эти действия могут варьироваться в широчайших пределах, и каждый раз подобное «насыщение» договора купли-продажи будет разным у различных субъектов, заключающих такие договоры. Договоры будут воплощаться в разнообразных формах, но с обязательными элементами – письменной формой и государственной регистрацией перехода права собственности на недвижимость, которые являются обязательными для договоров данного вида (ст. 550-551 ГКРФ). Конечно, стороны могут

сразу прибегнуть к установленной законодателем форме, и тогда договор будет иметь определенный штамп, но в любом случае для того, чтобы прийти к этому штампу, сначала нужно договориться, например, о том, кто будет собирать необходимые документы, оплачивать расходы и т. д. Это означает, что в каждом конкретном случае договор купли-продажи квартиры будет обладать особой формой, имеющей свое, индивидуальное «насыщение», состоящее из различных фактических действий, которые могут быть не отражены в законодательстве, но иметь место в договоре. Как видим, невозможно просто ограничиться некой формой заключения такого договора, которую предоставляет нам закон. Фактические действия, от простого согласия до государственной регистрации, в совокупности есть особая индивидуальная форма обязательственного правоотношения в купле-продаже квартиры, именуемая договором.

Вторая посылка предложенного нами определения заключается в том, что эта особая форма обязательственного правоотношения должна быть «основана на взаимной, свободной воле сторон и заключаться в оценке и реализации своих фактических действий».

Договор действительно должен быть основан на свободной воле субъектов гражданского права, вступающих в такое особое обязательственное правоотношение. Стороны должны свободно взвесить и оценить возможные последствия заключения и исполнения договора, просчитать наиболее выгодные и удобные способы реализации условий договора. Проявление свободной воли заключается и в собственной инициативе сторон, вступающих в такое правоотношение и осуществляющих в нем свои фактические действия, которые должны быть согласованы и которые образуют условия договора с правами и обязанностями участников.

В литературе высказывается мнение, что договор, как и любая сделка, представляет собой обладающий специфическими особенностями волевой акт, не разрозненные волевые действия двух или более лиц, а единое волеизъявление, выражающее их общую волю [9, стр. 495]. С этим вряд ли можно согласиться в полной мере. Своеобразная оценка приведенному суждению дана Р.О. Халфиной. Она выступила одновременно и против утверждения, будто договор – взаимная сделка, и против того, что договор – согласие

сторон, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения. Р.О. Халфина полагала, что в понятие договора помимо согласования воли двух или нескольких лиц «должны быть включены их взаимные гражданские права и обязанности». При этом обращено внимание на то, что «права и обязанности, принимаемые на себя каждой стороной, как правило, различны, но они должны быть взаимно согласованы, и, в своей совокупности, дать единый правовой результат» [33, стр. 50].

Соглашаясь с Р.О. Халфиной, оговоримся: во-первых, договор действительно отличается от сделки, так как это не акт, а особое обязательственное правоотношение (о чем уже говорилось) с правами и обязанностями сторон, «насыщение» которого состоит из различных фактических действий (разнообразных юридических фактов, многообразных сделок и договоров), действительно ведущих к единому правовому результату.

Во-вторых, договор, как особое обязательственное правоотношение, в отличие от сделки, может включать и разрозненные волевые действия – так, в приведенном выше примере стороны, достигнув соглашения о купле-продаже квартиры, могут условиться о том, что покупатель финансирует затраты по сбору документов, необходимых для продажи квартиры, а продавец должен сбрасывать такие документы. При этом абсолютно не важно, как и при каких обстоятельствах будет собирать документы продавец: сам или через посредника, заключив один или несколько договоров об оказании услуг (чтобы не стоять в очереди и ускорить процесс сбора бумаг) и т. п. Все эти фактические действия – волевые, но абсолютно разрозненные, и, как справедливо было замечено, ведущие к единому правовому результату. Сошлемся на пример из практики: в арбитражный суд обратилось акционерное общество с иском к товариществу с ограниченной ответственностью о расторжении договора купли-продажи нежилого помещения. По утверждению истца, покупатель не перечислил на его расчетный счет в определенный договором срок соответствующую сумму за указанное помещение. Суд отклонил требование истца, исходя из следующего: согласно материалам дела, продавец уклонился от получения денег. Покупатель внес предусмотренную договором

сумму в депозит нотариуса в соответствии с представленным ему ст. 327 ГК РФ правом, совершая тем самым абсолютно независимые, свободные действия, но стремясь к единому правовому результату [27, стр. 344-345].

Особо следует упомянуть о «фактических действиях» в предложенном нами определении договора. Именно с фактических действий будет начинаться сам договор – когда стороны приступили к исполнению чего-либо – но не с соглашения.

Беда в том, что в определении, содержащемся в ст. 420 ГК РФ, «договор» отождествляется с «соглашением». Однако этот термин необходимо употреблять в сочетании с пояснением «о чем-либо», иначе сам по себе он теряет всякий смысл. Так, «соглашение о продаже вещи», выразившееся в подписании договора, будет означать начало договора купли-продажи, а «соглашение о намерении продать вещь» – вовсе не означает начала такого договора. В первом случае правоотношение будет носить относительный характер, во втором – абсолютный.

Обратимся к третьей посылке нашего определения договора – он может возникнуть лишь «в целях достижения юридических последствий в собственных интересах» сторон. Данная посылка тесно связана с «фактическими действиями», ибо вне целей достижения юридических последствий не может быть и конкретных фактических действий, порождающих обязательства, а могут быть просто действия либо намерения**. Юридические последствия – это то, чего стороны стремятся достичь посредством договора, причем в любом договоре у каждой из сторон свой собственный индивидуальный интерес, к которому она стремится, именно юридически оформив его***. Эти интересы могут быть противоположны (например, при купле-продаже, когда одна сторона стремится продать, а другая – купить вещь) либо совпадать по направленности (например, в договоре о совместной деятельности – стороны стремятся к единому правовому результату, но при этом, согласимся с Р.О. Халфиной, преследуют «отдаленную цель, имеющую индивидуальный и субъективный характер») [8, стр. 172]. То, что договор заключается с целью достижения юридических последствий в собственных интересах сторон, отмечает и К.А. Митюков: «Договор, как и всякая сознательная перемена

имущественных правоотношений, всегда совершается с известной юридической целью». Эта цель и есть материальное основание договора, она определяет его юридический характер. Основание договора может состоять в намерении сделать дарение, обеспечить существующее обязательство, вообще в желании достигнуть какой-либо юридической цели.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что замена ныне действующего законодательного определения гражданско-правового договора в ГК РФ, как основополагающего нормативно-правового акта, предлагаемым нами ранее определением, могла бы способствовать устраниению различных недоразумений не только в общеправовом поле деятельности различных организаций, но и в правоприменительной деятельности подразделений РСЧС при заключении и реализации ими различного рода договоров и соглашений.

Изменение понятия договора в ГК РФ потребует в дальнейшем пересмотра и многих законодательных актов, направленных на регулирование договорной работы различных структурных подразделений РСЧС с контрагентами; поможет избежать подразделениям РСЧС в дальнейшем спорных вопросов как теоретического, так и практического свойства, при выражении намерений вступления в различного рода правоотношения с гражданами и организациями и при реализации своих прав и обязанностей, вытекающих из состоявшегося правоотношения, обвенчанного в форму договора.

Необходимо отметить и то, что свобода на заключение договора или соглашения, может быть реализована различными должностными лицами подразделений РСЧС, выступающими на их основе в гражданском обороте в соответствии с общими положениями ГК РФ.

Так, свобода на заключение соглашения, поскольку оно не облечает отношение в договорную форму, может быть реализована различными представителями структурных подразделений РСЧС, например, начальниками частей, отдельных постов, отделов и т. п. и структурных подразделений МЧС. Свобода же на заключение договоров и соответствующую их реализацию должна реализовываться только теми лицами, которые обладают соответствующей компетенцией и правами юридического лица, такими правами обладают руководители

подразделений РСЧС, являющихся юридическими лицами.

На основе сказанного в Законе РФ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», необходимо установить норму следующего содержания: «Профессиональные аварийно-спасательные службы, профессиональные аварийно-спасательные формирования в соответствии с целями и задачами, возложенными на них законодательством РСЧС, могут выступать в гражданском обороте на основе договоров и соглашений, заключаемых компетентными лицами в соответствии с действующим законодательством».

Перечисленные действия, позволяют:

- избежать оформления ненадлежащих отношений в договорную форму некомпетентными лицами подразделений РСЧС;
- устранить наличие гражданско-правовых споров по заключению договоров и соглашений в деятельности подразделений РСЧС;
- облегчить деятельность судов в разрешении гражданско-правовых споров связанных с установлением компетенции лиц подразделений РСЧС при заключении ими различных договоров и соглашений.

Приложение

* Так, согласно п. 25 ст. 6. Закона РФ «Об обороне» [3] Правительство Российской Федерации, ведет международные переговоры по вопросам военного сотрудничества и заключает соответствующие межправительственные соглашения.

** А.Д. Корецкий предлагает положить в основу понятия договора именно намерения сторон, с чем трудно согласиться [15, стр. 45].

*** В. Нечаев, оценивая содержание договора, говорит о способности к имущественной оценке и намерении сторон заключить именно юридический договор [22, стр. 262].

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 11 января 2005 г. № 15 «Об утверждении Соглашения между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и правительством Москвы о передаче друг другу осуществления части своих полномочий в решении вопросов организации тушения пожаров и предупреждения чрезвычайных ситуаций муниципального и регионального характера, стихийных бедствий и ликвидации их последствий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 3. – Ст. 205.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29 ноября 1999 г. № КГ-А 40/ 3853-99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/6184291/>
3. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
5. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // М.М. Агарков. Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2002.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х т. Т.2. – М., 1982.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М., 2000.
8. Гражданское и торговое право капиталистических стран: Учеб. пособие / Под ред. В.П. Мозолина, М.И. Кулагина. – М., 1980.
9. Гражданское право. Учебник. В 3-х ч. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1998.
10. Гражданское право: Учебник. В 3-х ч. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. 1. – М., 1996.
11. Гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. Т. 2. – М., 1993.
12. Иванов В.В. Общие вопросы теории договора. – М., 2000.
13. Известия. 1968. 14 июля.

14. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М., 1975.
15. Корецкий А.Д. Договорное право России. Основы теории и практика реализации. – М., 2004.
16. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1950.
17. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт запада // М.И. Кулагин. Избранные труды. – М., 1997.
18. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2-х т. Т. 1. – М., 2004.
19. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. – 2001. – № 5.
20. Мейер Д.Н. Русское гражданское право В 2-х ч. Ч. 2. (по исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 г.). – М., 1999.
21. Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений. – Рязань, 1994.
22. Нечаев В. Теория договора // Юридический вестник. – 1888. – № 10.
23. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М., 1995.
24. Ожегов С.П. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984.
25. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3-х т. Т. 3. / Под ред. В.А. Томсина. – М., 2003.
26. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
27. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ по гражданским делам / Сост. А.П. Сергеев. 3-е изд. – М., 2004.
28. Советское гражданское право. Часть 1 / Под ред. В.А. Рясенцева. – М., 1986.
29. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. – Л., 1971.
30. Соцуро Л.В. Гражданско-правовой договор как объект толкования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2000. – № 1.
31. Таль Л.С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. В 2-х ч. Ч. 2. – Ярославль, 1918.
32. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М., 1995.
33. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. – М., 1952.
34. Храпанюк В.Н. Теория государства и права. – М., 1995.
35. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М., 1995.
36. International Acts Not Constituting Agreements // ASIL. 1994. No. 1.
37. Yearbook of the ILC. 1950. Vol. I.
38. Yearbook of the ILC. 1950. Vol. II.

ТИШИНА Вера Геннадьевна,
адъюнкт кафедры гражданского процесса Санкт-
Петербургского университета МВД России
E-mail: niki777@bk.ru

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс;
арбитражный процесс

ВОЗБУЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА И ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судебной защиты имущественных прав сотрудников органов внутренних дел. Поднимается вопрос о действиях сотрудника на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Даются рекомендации по совершению действий сотрудников на стадии возбуждения и подготовки дела к судебному разбирательству. Анализируются завершающие процессуальные действия, совершаемые судьей обязательно и факультативно.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел; нарушенные имущественные права; судебная защита.

TISHINA V.G.

INITIATION OF CIVIL CASE AND PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS FOR LAW ENFORCEMENT OFFICIALS

The summary. The article considers the peculiarities of protection of law enforcement officials' property rights. The issue of officials' actions at the stage of preparation of the case for trial is raised. Recommendations for commission of actions by officials at the stage of initiation and preparation of the case for trial are given. The final procedural actions committed by the judge mandatory and optionally are analyzed.

Key words: law enforcement official; infringed rights of property; judicial protection.

Реформирование системы МВД России обострило вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел. Часть сотрудников, в силу разных причин, увольняется со службы, защищая при этом свои нарушенные за период службы имущественные права. Сотрудник ОВД может защищать свои нарушенные работодателем права:

- 1) в порядке приказного производства;
- 2) в порядке искового производства;
- 3) в порядке главы 25 ГПК РФ.

Полному, эффективному и своевременному рассмотрению заявленных требований, способствует детальная подготовка материалов, представляемых сотрудником ОВД в суд для

возбуждения гражданского дела. Определение, принимаемое судьей в данной стадии гражданского процесса, во многом зависит от полноты действий заявителя, поскольку ему принадлежит право на иск как в материальном, так и процессуальном смысле* [1, стр. 354].

Большинство гражданских дел связанных с защитой рассматриваемых прав сотрудников ОВД возбуждаются в порядке искового производства. Исковое заявление в этом случае, является средством защиты от неправомерных действий со стороны работодателя. Правильно составленное исковое заявление обеспечивает разрешение двух задач:

- 1) своевременное возбуждение гражданского

дела;

2) рассмотрение гражданского дела в разумные сроки.

Для разрешения первой задачи сотрудник ОВД должен оформить иск в строгом соответствии с требованиями ст. 131 ГПК РФ и приложить к нему все необходимые документы, перечисленные в ст. 132 ГПК РФ. Это позволит суду установить соблюдение истцом «условий о юридической заинтересованности лица, обращающегося с иском, о подведомственности иска суду и о допустимости разрешения дела в гражданском процессе» [12, стр. 355]. Исходя из выше сказанного, мы можем сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев сотрудники ОВД обращались в суд либо посредством деятельности профессионального союза, либо, прибегая к услугам адвоката, который являлся представителем истца. Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что большинство сотрудников ОВД призванных обеспечивать защиту прав граждан сами оказываются некомпетентными в вопросах защиты своих прав от действий работодателя.

Значительная часть сотрудников ОВД опасается обращаться в суд для защиты во время службы и делает это только после увольнения (пропустив сроки исковой давности), получая отказ в принятии иска.

Для возбуждения гражданского дела, в установленные судом сроки, сотрудник ОВД должен указать в исковом заявлении:

1) наименование суда, в который подается заявление. Название суда будет зависеть от того, какой нормой ГПК РФ о территориальной подсудности решит воспользоваться сотрудник ОВД. Так как работодателем сотрудника будет являться организация, то в соответствии со ст. 28 ГПК РФ, иск к ней должен предъявляться в суд, юрисдикция которого распространяется на территорию места нахождения организации.

В то же время, исходя из нормы ч. 6 ст. 29 ГПК РФ, иски о восстановлении трудовых прав могут предъявляться также в суд по месту жительства истца. Таким образом, от волеизъявления сотрудника ОВД зависит суд и соответственно его наименование, в котором будет рассматриваться заявление. Анализ собранного эмпирического материала позволил нам сделать вывод о том, что в большинстве случаев, иски предъявляются по месту

нахождения организации.

2) свои фамилию, имя, отчество и место жительства. Поскольку нами было установлено, что в подавляющем большинстве случаев иски подаются представителем, то в заявлении в этом случае, должны быть указаны фамилия, имя и отчество представителя, и его адрес. Кроме того, целесообразно указывать номера телефонов, факсов, адреса электронной почты истца и его представителя, для оперативной связи суда с лицами.

3) наименование ответчика и, так как им является организация, место ее нахождения. Наименование организации, как нами было приведено выше, указывается в ее учредительных документах. Поскольку ответчиком будет являться структурное подразделение ОВД, то полное наименование организации указывается на здании, в котором размещается организация.

4) в чем выразилось нарушение трудового имущественного права сотрудника ОВД, а также его требования в связи с данным нарушением. Сотрудник ОВД должен указать обстоятельства, на которых он основывает свои требования, доказательства, подтверждающие эти обстоятельства и расчет взыскиваемых денежных сумм. Данные требования содержатся в подпунктах 4-6 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ.

Факт нарушения данных прав заключается либо в неисполнении организацией обязанностей, которые возлагаются на нее в связи с предоставлением сотруднику ОВД тех или иных прав, либо в принятии юридических актов, ограничивающих или нарушающих соответствующие права сотрудника. Поскольку в первом случае нарушение имущественных прав сотрудника осуществляется путем пассивных действий со стороны работодателя, то в тексте искового заявления достаточно указать факт непринятия организацией действий, обеспечивающих реализацию соответствующего права. Во втором случае, нарушение прав сотрудника связано с активными действиями организации, в связи с чем, в тексте искового заявления необходимо указать даты и номера приказов представителя работодателя, которыми, по мнению сотрудника ОВД, нарушаются его права.

Характер изложения данной части искового заявления во многом определяет разрешение второй выше обозначенной задачи – рассмотрение

гражданского дела в разумные сроки. Лаконичность, краткость и в то же время полнота излагаемых обстоятельств будут способствовать тому, что уже со стадии возбуждения гражданского дела суд определиться с характером нарушенных имущественных прав, а, следовательно, и с обстоятельствами, подлежащими установлению. Вскрытие оснований для разрешения предъявленных требований, будет способствовать правильному определению нормы, подлежащей применению в конкретном деле.

Для достижения этого, по нашему мнению, в соответствующей части искового заявления необходимо указать:

- номер приказа, которым сотрудник был зачислен в штат соответствующего органа внутренних дел;
- содержание соответствующего права и данные нормативных правовых актов, в которых закреплено данное право, и порядок его реализации;
- наличие юридического факта, с которым связывается реализация закрепленного права и (или) факт обращения сотрудника к представителю работодателя с просьбой в реализации данного права и ссылка на соблюдении им порядка, предусмотренного для реализации права, а также факт не предоставления данного права сотруднику со стороны работодателя, если нарушение имущественного права произошло пассивным путем. Если на обращение сотрудника был дан письменный ответ с отказом в реализации соответствующего права, то необходимо указать дату и мотивировку отказа;
- дата и номер приказа представителя работодателя, которым необоснованно, по мнению сотрудника, ущемляются его имущественные права, если нарушение произошло активным путем. Так же необходимо привести несоответствие мотивировки приказа действующим нормативным правовым актам и фактическим обстоятельствам;
- расчет взыскиемых денежных сумм;
- требование о необходимости обязать работодателя устраниТЬ допущенное нарушение и реализовать право, закрепленное за сотрудником.

Наглядно видно, что в данной части в

неразрывном единстве излагаются нарушение права, требования истца, обстоятельства, на которых он основывает свои требования, доказательства, подтверждающие эти обстоятельства и, соответственно, расчет взыскиваемой суммы.

5) цена иска, так как он подлежит оценке по причине того, что трудовые имущественные права могут быть оценены, о чем указывалось нами в первой главе;

6) перечень прилагаемых к заявлению документов. В числе данных документов должны быть:

- а) копия искового заявления;
- б) доверенность, удостоверяющая полномочия представителя истца, если он участвует;
- в) приказ о назначении на должность, если он имеется у истца;
- г) письменный ответ работодателя о невозможности реализовать соответствующее право, если он имеется у истца;
- д) юридический акт, изданный представителем работодателя, которым нарушаются имущественные трудовые права сотрудника ОВД, если он имеется у него;
- е) расчет взыскиваемой денежной суммы, подписанный истцом, его представителем, с копией для ответчика.

Нормативный правовой акт, которым закреплено соответствующее право, предоставлять не обязательно. Это связано с тем, что соответствующее право закреплено нормой материального права, а данный акт не оспаривается ни одной из сторон.

Норма п. 7 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ предписывает указывать в искомом заявлении сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом или предусмотрено договором сторон. Поскольку в отношении рассматриваемых правоотношений, такой порядок не предусмотрен федеральным законом и в содержание трудового договора такое положение не включается, сотрудник ОВД освобождается от соответствующего требования и от представления доказательства, подтверждающего выполнение обязательного досудебного порядка регулирования спора.

В заявлении могут быть изложены ходатайства истца. К данным ходатайствам по рассматриваемой категории дел могут

относиться:

- 1) ходатайства о вызов в суд в качестве свидетелей отдельных лиц, которые могут дать показания в отношении обстоятельств, устанавливаемых по делу;
- 2) ходатайства о содействии в собирании и истребовании доказательств из подразделения ОВД, в связи с тем, что представление необходимых доказательств для истца может быть затруднительным.

К таким доказательствам могут быть отнесены:

1. Приказ о назначении лица на должность в ОВД;
2. Приказ о наложении на сотрудника ОВД дисциплинарного взыскания;
3. Ведомости на выдачу заработной платы и иных платежей, причитающихся сотруднику ОВД;
4. Приказы о перемещении по должности, о возложении на лицо исполнение обязанностей по другой должности, об откомандировании и т. п.

Перечисленные обстоятельства, в науке гражданского процесса объединяются в пять групп: «1. сведения вводного характера; 2. сведения, относящиеся к описанию обстоятельств дела и мотивировке заявляемых требований; 3. сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом или предусмотрено договором сторон; 4. сведения резолютивного характера; 5. дополнительные сведения» [12, стр. 363]. Соблюдение выше перечисленных требований, означает, что истец привел сведения, относящиеся ко всем пяти группам. Это будет способствовать тому, что в отведенный законом для судьи, пятидневный срок, истец создаст все условия для принятия судьей обоснованного решения о принятии искового заявления к производству. Невыполнение требований ст.ст. 131 и 132 ГПК РФ сформирует основания для принятия решения об оставлении заявления без движения. То есть истец сам создаст условия для «временной паузы» в процессе восстановления своих нарушенных имущественных прав. Лишь четкое осознание сотрудником ОВД своих имущественных прав, которые были нарушены работодателем; нормативных актов, закрепляющих эти права; доказательств, подтверждающих факт данного нарушения и

структуры искового заявления, позволят возбудить гражданское дело в отведенный законом срок и сформировать в сознании судьи представление об обоснованности заявленного иска.

Определенную проблематику может представлять подача заявления в рамках приказного производства. Это обуславливается тем, что в соответствии с п.п. 5 и 6 ч. 2 ст. 124 ГПК РФ в заявлении о вынесении судебного приказа должны быть указаны документы, подтверждающие обоснованность требования сотрудника ОВД о взыскании начисленной, но не выплаченной ему заработной платы, а к заявлению приложен соответствующий документ. В случае отсутствия данного документа, судья на основании п. 3 ч. 1 ст. 125 ГПК РФ отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа.

Данная проблематика практически может сниматься при следующих условиях:

- 1) предоставления в суд справки о доходах физического лица, полученной сотрудником ОВД по месту работы или квитанции о начисленной заработной платы;
- 2) предоставления выписки из банка о движении денежных средств по счету сотрудника ОВД, на который перечисляется сумма заработной платы, в случае ее начисления на банковский счет.

При отсутствии данных документов сотрудник ОВД должен обращаться в суд в порядке искового производства, поскольку отсутствие соответствующих доказательств:

- 1) препятствует вынесению судьей судебного приказа;
- 2) порождает спор о существующем праве;
- 3) обуславливает действия судьи по истребованию от ответчика соответствующих документов, что недопустимо в приказном производстве.

Если сотрудник ОВД подает заявление в порядке главы 25 ГПК РФ, то, так же как и в искомом заявлении, должны быть четко изложены следующие обстоятельства:

- 1) фактические обстоятельства, за которые сотрудник ОВД был привлечен к ответственности;
- 2) нормативно-правовой акт, в котором закреплено основание, при наличии которого лицо может быть привлечено к соответствующему виду ответственности;

3) вывод о несоответствии фактических обстоятельств совершенных сотрудником ОВД тем обстоятельствам, за которые, в соответствии с нормативно-правовыми актами, лицо может быть привлечено к ответственности.

Это обусловлено тем, что обжалуемое решение может быть отменено лишь в случае его несоответствия нормативно-правовым актам, определяющим порядок привлечения к ответственности и устанавливающим должностные обязанности сотрудника ОВД. В том случае если сотрудник ОВД четко изложит, что совершенные им действия не нарушают возложенных на него нормативно-правовым актом обязанностей, то наглядно будет видно, что отсутствуют основания для привлечения его к ответственности. Приведение в заявлении вышеуказанных обстоятельств, так же как и при подаче искового заявления, будет способствовать полному представлению судьей существа оспариваемого решения и его незаконности. Не смотря на то, что в порядке главы 25 ГПК РФ

могут рассматриваться заявления об оспаривании иных решений, применительно к предмету нашего исследования, речь идет лишь об обжаловании решений, в результате которых сотрудник ОВД был незаконно привлечен к ответственности.

«С возбуждением гражданского дела связаны материальные и процессуальные последствия. Важнейшим процессуальным последствием является возникновение гражданских процессуальных правоотношений между судом и сторонами. Основные материально-правовые последствия связываются обычно с определением объема (размеров) требования истца к ответчику и изменением условий его защиты» [12, стр. 365]. Соглашаясь с данным утверждением, тем не менее, стоит отметить, что в ходе судебного разбирательства истцу принадлежит право увеличить или уменьшить объем своих исковых требований к ответчику. В связи с этим, размер требований истца к ответчику в стадии возбуждения гражданского дела является первоначальным, исходным для начала защиты своих нарушенных прав.

Примечание

* Право на иск в материальном смысле представляет собой право требовать судебной защиты своего нарушенного или оспариваемого права, а право на иск в процессуальном смысле представляет собой право на предъявление иска.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 01.07.2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – №275. 07 декабря.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 4.
6. Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007.
7. Ахметшина Э.Р. Некоторые проблемы защиты прав работников // Вестник Российской правовой академии. – 2008. – № 1.
8. Бондов С.Н. Индивидуальные трудовые споры с участием сотрудников ОВД: Учебное пособие. – Домодедово, ВИПК, 2004.

9. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2006.
10. Жильцова Н. А., Голиченко М.М. Гражданская процессуальная ответственность: Понятие и основания // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 7.
11. Жильцова Н.А., Голиченко М.М., О спорности в делах особого производства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 3.
12. Коршунов Н.М., Мареев Ю.Л. Гражданский процесс: Учебник для вузов. – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма, 2009.
13. Оросева О.Д. Процессуальные особенности рассмотрения судами трудовых споров с участием сотрудников ОВД: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2007.
14. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Исковое производство в суде общей юрисдикции: Практическое пособие / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2006.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

АНТОНОВ Игорь Алексеевич,
советник Губернатора Ленинградской области,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: docantonov@mail.ru

ТАРАЙКО Валерий Иосифович,
заместитель директора института права и
предпринимательства Северного (Арктического)
федерального университета, кандидат
юридических наук, доцент
E-mail: taraiko@arhusd.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и
криминологии Санкт-Петербургского
государственного политехнического университета,
доктор юридических наук
E-mail: nauka123@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации, раскрываются политические, правовые, социально-экономические и культурно-воспитательные меры профилактики экологической преступности.

Ключевые слова: экологическая безопасность; экологическая преступность; профилактика преступлений.

ANTONOV I.A.
TARAJKO V.I.
TRET'YAKOV I.L.

ENVIRONMENTAL CRIME IN RUSSIA AND SOCIETY-WIDE MEASURES FOR ITS PREVENTION

The summary. The article gives consideration to the issues of environmental safety assurance in the Russian Federation, reveals the political, legal, socio-economic and cultural-educational measures for prevention of environmental crime.

Key words: environmental safety; environmental crime; crime prevention.

На современном этапе развития российского государства в период проведения так необходимых нашей стране демократических социально-экономических и политико-правовых реформ обострилась проблема роста криминальной угрозы национальной безопасности [1; 4; 6; 11; 16; 23], особенно в сфере экологии [3; 20; 21; 22]. Так, если в 1990 г. было зарегистрировано 3 413 экологических преступлений, то в 1995 г. эта цифра составила уже 8 066 преступлений (+136,3%), а в 1996 г. – 11 096 преступлений (+225,6%). В 1997 г. после вступления в силу нового Уголовного кодекса Российской Федерации, ввиду отсутствия необходимой правоприменительной практики новых уголовно-правовых норм, количество зарегистрированных экологических преступлений снизилось до 6 971 преступления. Однако с приобретением опыта применения новых положений уголовного закона, правоохранительными органами уже в 1998 г. было выявлено 8 528 экологических преступлений, в 1999 г. – 12 413 и такое увеличение наблюдается ежегодно. В 2004 г. зарегистрировано уже 30 594 экологических преступления, в 2005 г. – 33 500, в 2006 г. – 39 657, что в процентном соотношении к уровню регистрируемой экологической преступности 1990 г. составило +1061,9% [12, стр. 580-581; 15; 17]. Анализ статистических данных показал, что общая преступность в России по сравнению с 1990 г. возросла в 2,1 раза (с 1 839 451 преступления – до 3 855 400 преступлений), а экологическая – в 11,6 раза (с 3 413 преступлений – до 39 657 преступлений) и ее удельный вес в общем показателе вырос в 5,4 раза (с 0,19% преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений – до 1,03%).

И в настоящее время продолжается устойчивая тенденция к увеличению количества регистрируемых экологических преступлений. Как показывает официальная статистика, в 2009 г. зарегистрировано уже 46 607 экологических преступлений [19]. При этом анализ состояния преступности, ее количественных и качественных характеристик, дает достаточные основания прогнозировать осложнение криминогенной экологической обстановки. Помимо этого необходимо учитывать достаточно высокий процент ее латентной составляющей и то, что экологические преступления относятся к той категории преступных посягательств, социальная

опасность которых в целом не может быть подтверждена официальными статистическими данными.

Поэтому, когда мы говорим о национальной безопасности нашего государства, то все чаще вспоминаем об угрозах экологического характера, которые в большинстве своем носят субъективный характер и вызваны негативным, а во многом и противоправным воздействием на окружающую среду.

14 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге в ходе третьего Невского международного экологического конгресса руководитель Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) В. Кириллов отметил, что в настоящее время порядка 40 миллионов россиян проживают в неблагоприятной экологической среде, из них около 1 миллиона человек – в опасной. Экологическая система в России становится реальным препятствием для социально-экономического развития.

Поэтому усилия российского государства и всего общества сегодня должны быть направлены на принятие общесоциальных мер профилактики экологической преступности.

В современной криминологии общее предупреждение преступлений определяется как деятельность по выявлению и устранению причин преступлений и условий, способствующих их совершению, правовому воспитанию, осуществлению криминологической экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов, по разработке и реализации программ предупреждения преступлений, по профилактической паспортизации предприятий, учреждений и организаций [9, стр. 219]. Общесоциальное предупреждение включает в себя выработку и реализацию системы общепредупредительных мер в экономической, политической, социальной, духовно-нравственной, правовой областях жизни общества в целях повышения уровня благосостояния людей, устранения, нейтрализации или минимизации негативных криминогенных факторов, влияющих на преступность [8, стр. 345-346]. В целом же можно отметить, что общее предупреждение обеспечивается построением благополучного общества. При этом важно отметить, что предупреждение экологической преступности должно охватывать и общесоциальную

профилактику и конкретные меры специально-кriminологического предупреждения. Вся предупредительная деятельность должна быть направлена на нейтрализацию причин, обусловливающих экологическую преступность как явление, пресечение конкретных фактов экологических преступлений и оказание воздействия на личность каждого, как совершившего преступление, так и на каждого члена общества.

Общесоциальная профилактика экологической преступности должна осуществляться через всю совокупность крупномасштабных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие общества, отношений людей в экономической, политической, духовной и других сферах в соответствии с принципами устойчивого развития мирового сообщества, которые сформулированы и провозглашены в Декларации об окружающей среде и развитии (1992 г.). Осуществление общих мер предупреждения экологической преступности связано с результатами действия социальных процессов в сфере взаимодействия общества и природы. Именно на макроуровне формируется долгосрочное антикrimиногенное воздействие, способное формировать правовое экологическое сознание и поведение.

При этом меры предупреждения экологической преступности принято делить на группы по основным сферам жизнедеятельности, выделяя политическую, социально-экономическую и культурно-воспитательную сферы [10, стр. 141-163]. Мы, в свою очередь, выделим также отдельно правовую сферу.

В политической сфере исторический опыт и современная российская действительность показывает, что политическая стабильность и отсутствие военных конфликтов внутри государства и на международной арене выступают залогом снижения экологической преступности. Также важно тесное сотрудничество всех государств для предупреждения экологических катастроф и выхода из сложившейся кризисной, в том числе кrimиногенной, экологической ситуации. Одним из главных условий является разоружение, в том числе ядерное разоружение, снижение воздействия военного комплекса на экологическую обстановку.

Другим политическим направлением в борьбе с экологической преступностью должна стать

выработка единой государственной стратегии экологической безопасности с учетом недостатков, выявленных правоприменительной практикой при базировании на положениях Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. (2000 г.) и Экологической доктрины Российской Федерации 2002 г.

Несмотря на уделяемое внимание со стороны федеральных органов государственной власти проблеме экологической безопасности, в юридической литературе справедливо отмечается, что многие вопросы не только не разрешены, но и вносят определенную путаницу и несогласованность [13, стр. 20-25]. В частности, не определено на законодательном уровне соотношение понятий природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности. В соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности находятся в совместном ведении России и субъектов федерации. Однако конкретные механизмы разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области обеспечения экологической безопасности и процедуры их реализации не определены.

Политико-правового решения требуют проблемы, которые продолжают оказывать негативное воздействие на эффективность государственного управления в экологической сфере, в том числе при проведении контрольно-надзорной деятельности. В этом направлении важно принять следующие профилактические меры.

Во-первых, исключить из существующей практики проведение проверок поднадзорных объектов по отдельным видам контроля (в области охраны атмосферного воздуха, обращения с отходами производства и потребления, промышленной безопасности и др.) и последовательно перейти к проведению комплексного контроля, в процессе которого одновременно должна проверяться деятельность хозяйствующего субъекта по всем направлениям природоохранного законодательства с комплексным выявлением правонарушений и преступлений экологического характера (это, ко всему прочему, не только повысит качество проводимых проверок и эффективность выявления преступлений, но и будет способствовать

предупреждению преступного сговора между контрольными органами и хозяйствующими субъектами, предупреждению преступлений коррупционной направленности).

Во-вторых, совершенствовать законодательную, нормативно-правовую и научно-методическую базу контрольно-надзорной деятельности в сфере экологии для действенного обеспечения экологической безопасности и экологического правопорядка.

В-третьих, совершенствовать порядок взаимодействия подведомственных Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации федеральных служб и агентств, а также механизмы взаимодействия с другими федеральными органами исполнительной власти и органами власти субъектов Российской Федерации при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере окружающей среды.

В-четвертых, для повышения эффективности работы государственных органов по предупреждению экологических преступлений сегодня также требуется ускорить разработку и внедрение информационно-аналитических систем, включающих базы данных по поднадзорным объектам, планируемым и проводимым проверкам и результатам проверок для оперативного получения информации, а также осуществить внедрение системы контроля и учета негативного воздействия на окружающую среду с использованием инструментальных (автоматизированных) систем и приборов учета.

Должна быть продолжена, даже ускорена, работа по модернизации лабораторно-инструментальной базы для осуществления контрольно-надзорной деятельности и последующего расследования экологических преступлений с привлечением специалистов и экспертов в данной области знаний.

В-пятых, в правовой сфере принятие мер профилактики экологической преступности требует нормативно-правового совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды. Существующая система нормирования негативного воздействия на окружающую среду различна по видам воздействия на компоненты природной среды (воздух, водные объекты, почва) и предусматривает установление нормативов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный

воздух, установление нормативов сбросов веществ и микроорганизмов со сточными водами в поверхностные и подземные водные объекты, выдачу разрешений на выбросы и сбросы, утверждение нормативов образования отходов и лимитов на их размещение. При этом подобная система нормирования не отвечает возлагаемым на нее задачам по обеспечению благоприятного состояния окружающей среды, так как остается сложной и длительной процедура утверждения нормативов допустимого воздействия в связи с необходимостью индивидуального рассмотрения проектов нормативов и материалов их обоснования, а также сложилась общераспространенная порочная практика установления временных лимитов на выбросы (сбросы) загрязняющих веществ, которые неоднократно продлеваются и приобретают характер постоянных в связи с тем, что нормативы допустимого воздействия для многих субъектов хозяйственной деятельности технически недостижимы. Это приводит к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду и носит характер общественно опасных деяний, которые, однако не расцениваются как таковые из-за несовершенства законодательства, размытости норм.

Поэтому в настоящее время на законодательном и нормативно-правовом уровне должны быть закреплены четкие нормативы предельно допустимых (критических) нагрузок на экологические системы, исходя из которых сформулированы уголовно-наказуемые действия. Правительство Российской Федерации должно активизировать работу по внесению изменений и дополнений в отдельные правовые акты, направленные на обеспечение перехода к единым принципам выработки нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, обеспечение внедрения экономического стимулирования хозяйствующих субъектов, применяющих наиболее доступные технологии, а также на усиление ответственности за несоблюдение нормативов (ведь на сегодняшний день у хозяйствующих субъектов отсутствует заинтересованность в снижении выбросов и сбросов, в повышении эффективности очистных сооружений, во внедрении малоотходных и безотходных технологий, поскольку им экономически более выгодно осуществлять платежи в соответствии с лимитами на выбросы

и сбросы или платить незначительные по величине административные штрафы за их превышение). От Минприроды России сегодня требуется актуализация природоохранных стандартов, а также разработка новых стандартов, устанавливающих нормативы, направленные на снижение негативного воздействия на окружающую среду хозяйственной или иной деятельности.

В качестве профилактических мер правового характера, направленных на предупреждение экологических правонарушений и, как следствие, экологической преступности, также можно назвать повышение эффективности механизма компенсации за негативное воздействие на окружающую среду.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду, по определению, должна носить компенсационный и стимулирующий характер. Однако в настоящее время суммы платежей за негативное воздействие на окружающую среду значительно занижены, отстают от уровня инфляции и составляют минимальные доли от себестоимости продукции. Налицо недостаточность методической базы для определения объема вреда. Это не только осложняет реализацию собственно имущественной ответственности, а иногда вовсе лишает ее смысла ввиду явного несоответствия установленных или расчетных величин действительной (рыночной) стоимости уничтоженного, поврежденного природного объекта, но в ряде случаев также препятствует привлечению к иной, в частности уголовной ответственности, ввиду невозможности доказать наличие квалифицирующих признаков – факта причинения ущерба либо оценки его как крупного или существенного.

В качестве предупредительного фактора совершения экологических преступлений важно законодательно закрепить специальные нормы возмещения прошлого экологического ущерба.

Нельзя в контексте профилактики экологических преступлений не отметить также, что согласно Основным направлениям деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г. предусматривается разработать и внедрить систему экологического аудита. С этой целью предполагается дополнить Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей

среды» положениями, касающимися принципов экологического аудита.

Минприроды России совместно с Комитетом Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии ведется работа по подготовке проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения энергетической и экологической эффективности российской экономики». Данный законопроект предусматривает, в частности, внесение изменений, касающихся принципов и порядка проведения экологического аудита, создания саморегулируемых организаций экологических аудиторов и их функций.

Также для успешного предупреждения экологической преступности на общественном и социальном уровнях важна прогностическая информация о ней. Для этого необходимы криминологические прогнозы, помогающие правильному планированию работы субъектов предупредительной деятельности, а также определению фоновых явлений, влияющих на преступность» [5, стр. 285]. Это, в свою очередь, требует введения криминологической экспертизы.

При рассмотрении вопросов общесоциальной профилактики экологической преступности в социально-экономической сфере, необходимо отметить, что основными социально-экономическими показателями, которые в наибольшей степени влияют на жизненный уровень гражданина и толкают его на совершение преступлений в сфере экологии, являются безработица, низкие доходы, расслоение общества, в том числе как следствие нерациональной экономической политики государства, а в последние годы – глобального мирового экономического кризиса.

Согласно проведенному С. Глазьевым исследованию, 20% городского населения нашей страны находятся на социальном дне. Две трети людей оказались в состоянии хронической бедности [7]. В средствах массовой информации вице-премьер Российской Федерации А. Жуков привел данные, согласно которым в январе 2010 г. общая безработица в нашей стране соответствовала 6,8 млн. человек, что составляет 9,2% от экономически активного населения. В сентябре 2010 г. общая безработица в нашей стране соответствует 5,2 млн. человек, что составляет 6,9% от экономически активного

населения. При этом он подчеркнул, что это докризисный уровень – в октябре 2008 г. безработица по методологии Международной организации труда составляла 5 млн. человек, или 6,6% от экономически активного населения. Иными словами, это стандартный, можно сказать постоянный уровень безработицы в России. Это просто пугающие цифры, если, к тому же задуматься, где эти люди берут средства на существование.

И конечно, одним из важнейших направлений профилактики преступности в целом и экологической преступности в частности является культурно-воспитательная работа с населением, особенно с подрастающим поколением.

Сегодня задача воспитательных мер заключается в том, чтобы коренным образом переломить криминально направленное мышление общества. Также чрезвычайно важно убеждение каждого, что жить в согласии с природой – единственный путь развития человечества.

Традиционно, когда речь заходит о культурно-воспитательных мерах предупреждения преступности в целом или какого-либо вида, юристы говорят о необходимости формирования у граждан особого правосознания. На наш взгляд, это просто развитие личности, формирование нравственно-правовой культуры со школьной скамьи. Вполне возможно сегодня говорить, раскрывая тему повышения уровня экологического образования населения, о принятии федерального и региональных законов «Об экологическом образовании», в которых предусмотреть введение обязательного курса «Основы экологии» в школах. Воспитательные меры профилактики также должны быть дополнены социальными, такими как социальная реклама, экологическая пропаганда, информационная обеспеченность норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления и т. д. [14, стр. 154-161].

Необходимо активнее привлекать граждан к участию в принятии экологически важных решений. Общественную экологическую экспертизу, равно как и государственную экологическую экспертизу, целесообразно рассматривать как метод предупреждения экологических преступлений и уделять ей больше внимания. Кроме того, нужно повысить роль общественных экологических организаций по

осуществлению ими профилактических мер, поскольку анализ их деятельности показал, что они занимают достаточно активную позицию в вопросе предупреждения экологических преступлений.

В целом же повышение экологической культуры населения государство должно сегодня считать приоритетной задачей. При этом нельзя сказать, что сегодня работа в данной сфере не проводится.

Уникален опыт Архангельской области в сфере экологического образования и просвещения. Администрация Архангельской области осознает, что в решении экологических проблем человечества огромное значение имеет правильно организованное образование и просвещение населения планеты в области окружающей среды. В этой связи органы исполнительной власти ставят перед собой цель экологического образования, которое неразрывно связано с общими целями общества и заключается в формировании высокой культуры поведения человека, ответственности за рациональное использование природных ресурсов, осознании необходимости защиты природной среды от загрязнения во всех видах общественно-трудовой деятельности.

Состояние экологического сознания и экологической культуры общества не может не вызывать серьезную тревогу. В условиях перемен, происходящих в социальной и политической жизни России, потребительское отношение к природе и природным ресурсам особенно заметно. Для преодоления этой негативной тенденции необходима скоординированная работа различных государственных учреждений, общественных объединений и учебных заведений.

Полномочия по организации и развитию системы экологического образования, формированию экологической культуры населения осуществляют министерство природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области. Под его руководством ежегодно с 15 марта по 15 июня проходит акция «Дни защиты от экологической опасности», объявленная распоряжением администрации Архангельской области. Общероссийским оргкомитетом по проведению Дней защиты от экологической опасности Архангельская область в 2009 г. признана призером Всероссийского конкурса на лучшее проведение Дней защиты от

экологической опасности.

В Днях защиты от экологической опасности принимают участие большинство районов и городских округов, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы исполнительной власти Архангельской области, государственные и муниципальные учреждения образования и культуры, Федерация профсоюзов, крупные предприятия, коллективы заповедника «Пинежский» и национальных парков области, общественные экологические и другие организации.

В этот период администрацией Архангельской области проведены:

- шесть семинаров для субъектов малого и среднего бизнеса по вопросам соблюдения природоохранного законодательства;
- экологическая олимпиада «Экоэрудит». На вопросы в области экологии, геологии, химии и других естественных наук отвечали более 130 студентов и школьников;
- презентация официального издания Красной книги Архангельской области;
- три областных конкурса: «Лучшее благоустройство территории», «Лучший рисунок, плакат, фотография на экологическую тематику», «Лучшие организации и проведение Дней защиты от экологической опасности». На конкурсы представлено более 100 работ;
- конференция «Концепция развития сети особо охраняемых природных территорий Архангельской области» для специалистов, работающих в этой системе.

Кроме того, администрация Архангельской области принимает участие в организации международной природоохранной акции «Час Земли» по привлечению внимания к проблеме изменения климата (совместно с Архангельским отделением Всемирного фонда дикой природы); экологической акции «Родному городу селу – чистоту заповедника» (совместно с национальным парком «Кенозерский» и администрациями муниципальных округов); выставки детских творческих работ по итогам конкурсов в рамках акции «Марш парков» в Архангельском областном краеведческом музее.

Специалистами осознается, что экологическое образование – это непрерывный процесс обучения, воспитания и развития, направленный на становление общей экологической культуры,

экологической ответственности каждого человека и формирование биосферного мышления. Непрерывное экологическое образование и воспитание – наиболее эффективный путь формирования нового мировоззрения. Первые экологические знания и умения дети получают в дошкольных образовательных учреждениях. Формирование экологически целесообразного поведения продолжается в общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования. Этот вопрос был подвергнут глубокому изучению, по результатам которого в г. Архангельск открыто инновационное общеобразовательное учреждение «Экологобиологический лицей», где дети целенаправленно получают экологические знания, умения и навыки. В общеобразовательных учреждениях Архангельской области предмет «Экология» ведется в рамках регионального компонента. Факультативные и элективные экологические курсы ведутся более чем в 70% образовательных учреждений.

В летние каникулы организуются экологические отряды и смены на базе лагерей с дневным пребыванием, палаточных лагерей. Учащиеся выступают на районных и областных конференциях и конкурсах с экологическими проектами, успешно демонстрируют знания в данной области на олимпиадах различных уровней.

Экологическое воспитание включено в систему дополнительного образования. Приоритетными видами учебной деятельности остаются учебно-исследовательская, практико-ориентированная, общественная природоохранная.

В процессе экологического образования населения активное участие принимают общественные организации области. Для Архангельского регионального отделения Всероссийского общества охраны природы (АРО ВООП) приоритетными направлениями являются неформальное экологическое просвещение и воспитание населения, пропаганда экологических знаний и формирование общественного мнения по различным экологическим проблемам.

Активистами и специалистами этой природоохранной организации проведены Всемирный день воды и Всемирный день метеоролога. В рамках их подготовлены информационные выставки «Климат в регионе», «Вода и воздух – источники жизни». Для

школьников и студентов организованы лекции «Загрязнение водных ресурсов региона», «Качество природной среды и состояние природных ресурсов». Состоялся также региональный конкурс исследовательских проектов среди старшеклассников «Водные ресурсы региона (в рамках международного и российского конкурсов «Водные ресурсы России»), региональный конкурс реферативных и исследовательских работ среди учащихся «Лесные ресурсы Севера» (в рамках всероссийского национального юниорского лесного конкурса «За сохранение природы и бережное отношение к лесным богатствам»). По итогам конкурсов проведена конференция «Экология моего края».

Проводятся и многие другие мероприятия, направленные на экологическое образование и просвещение населения всех возрастов, повышение интереса детей к природе, расширение и углубление их знаний об окружающем мире, воспитание любви и бережного отношения к природе [18, стр. 255-276], которые должны быть распространены на всей территории нашей страны.

Таким образом, лишь комплекс мер в политической, правовой, социально-экономической и культурно-воспитательной сферах, идеино объединенных государственной стратегией в области экологической безопасности, будет способствовать действенной профилактике экологической преступности.

Список литературы

1. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности в России. – М., 2006.
2. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности в России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
3. Бабаджанов И.Х., Оль Е.И., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 122-127.
4. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. – СПб., 1999.
5. Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности: Дис. ... док. юрид. наук. – Ставрополь, 2001.
6. Возженинов А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
7. Глазьев С. Как победить бедность в богатой стране. – М., 2003.
8. Демидов Ю.Н. Проблемы борьбы с преступностью в социально-бюджетной сфере. – М., 2002.
9. Зарипова Д.М. Предупреждение преступности маргинальных групп населения: теоретические и прикладные аспекты. – Казань, 2003.
10. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
11. Колокольцев В.А. Государственные интересы России в контексте концепции национальной безопасности. – СПб., 2004.
12. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. – М., 2001.
13. Лопатин В.Н. Экологическая безопасность: проблемы конституционной законности // Государство и право. – 2004. – № 2.
14. Осипова Е.В. Теоретические и практические проблемы расследования экологических преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2005.
15. Преступность в России начала 21 века и реагирование на нее. – М., 2004.
16. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Национальная безопасность России и механизм её обеспечения: государственно-правовая идеология и институциональные основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 114-121.
17. Сведения о состоянии преступности и результатах деятельности правоохранительных органов по раскрытию преступлений за январь-декабрь 2006 года. – М.: ГИЦ МВД России, 2007.
18. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области в 2008 году: Сборник. – Архангельск: Комитет по экологии Архангельской области, 2009.
19. Статистические данные о преступности и правоохранительной деятельности за январь-декабрь 2009 года. – М.: ГИЦ МВД России, 2010.
20. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
21. Тарайко В.И. Экологическая преступность в Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.:

- Фонд «Университет», 2011.
22. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №1. – С. 61-67.
23. Ткаченко М.А. Юридическая защита национальных интересов России в новом геоэкономическом порядке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор Псковского юридической института
ФСИН России,
доктор юридических наук
E-mail: SergeyIZ@rm.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена применениюialectического метода в изучении науки оперативно-розыскной деятельности, классификации методов научного исследования. Оценивая с позиции настоящего времени dialectический метод познания, обоснован вывод о том, что указанный метод по-прежнему является методологической основой для теории ОРД и, судя по всему, не потеряет своего методологического значения для названной теории.

Ключевые слова: dialectика; методологическая основа; теория ОРД.

ZAKHARTZEV S.I.

DIALECTICAL METHOD IN OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY

The summary. The article is concerned with the application of dialectical method in the study of operational-investigative activity science, classification of scientific research methods. Estimating the dialectical method of cognition from the standpoint of the present time it provides a validation of the conclusion that this method is still a methodological foundation for the theory of operational-investigative activity and, apparently, will not lose its methodological significance for the mentioned theory.

Key words: dialectics; methodological foundation; theory of operational-investigative activity.

Метод dialectики, применяемый в XX в. в качестве основного научного метода познания, несомненно, предопределил открытия и достижения современной науки. Его важность и исключительность для правовых наук также не вызывает сомнений. Так, разработка и

обоснование научных правовых дисциплин и теорий были связаны с применением в качестве методологической основы dialectического метода познания.

Не стала в этом смысле исключением и теория ОРД. Она была создана на основе применения

диалектики и динамично развивалась. Методологическая база теории ОРД состояла из всеобщего метода диалектического материализма (как методологической основы), а также из общенациональных и частнонациональных методов конкретных исследований. Такой подход для теории ОРД был вполне приемлем.

Однако во второй половине XX в. в России появились философские работы, обосновывавшие отсутствие в методологии единой основы, которой выступала диалектика. В частности, в некоторых из работ предполагалось, что методология представляет собой систему равнозначных методов познания. В конце XX и начале нынешнего веков представление об отсутствии универсального метода познания получило весьма широкое распространение. Некоторые из современных российских философов пришли к выводу, что «попытки найти единый метод, который был бы применим всюду (идеал «методологического монизма»), показали, что «универсального метода» не существует и, более того, каждый предмет и каждая проблема требуют собственного метода» [12, стр. 266].

Эта точка зрения нашла поддержку у определенной части специалистов в области ОРД. Например, И.А. Климов и Г.К. Синилов предложили такую систему научных методов теории ОРД:

- общенациональные методы исследования, включающие в том числе и диалектический метод;
- отраслевые (специальные) методы познания [5].

Указанная точка зрения продублирована авторами и в некоторых других работах [см. напр. 4, стр. 34].

Данный подход является новеллой для методологии ОРД, в которой диалектический метод традиционно выступал основой всех других методов исследования. Оценивая изложенную точку зрения, нужно обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, надо учитывать рефлексивность философии. Рефлексивность* – это научный метод, предполагающий постоянное возвращение к истокам проблемы, исходному содержанию, самоосмыслинию. На протяжении всей истории развития человечества для философии было характерно постоянное переформулирование своих основных проблем. Одна концепция, вроде бы

достаточно обоснованная, неизбежно сменяется другой, принципиально от нее отличающейся. И предложенная некоторыми учеными концепция отсутствия универсального метода в методологии, без сомнения, не станет последней, да и появилась она не сейчас.

Кроме того, следует учитывать, что современные философы не пришли и в обозримое время вряд ли придут к единому мнению по вопросам методологии. В настоящее время многие фундаментальные, исходные, основополагающие позиции самой философии по-прежнему полностью не уяснены. По ним ведутся споры, и спектр мнений очень широк. В связи с этим специалисты справедливо признают, что философия до конца не выработала целостного представления о своей методологической роли для наук**.

Вместе с тем наука ОРД, как наука, в значительной степени ориентированная на практическую деятельность, достаточно консервативна. Она не может и не должна столь быстро воспринимать все философские концепции без должной научной апробации. В ОРД, как и в медицине, при выборе методологии господствует принцип «не навреди». Почему теория ОРД должна отказаться от диалектики как универсального метода? Четкого ответа на этот вопрос в работах И.А. Климова и Г.К. Синилова не представлено. «Представители нашей молодой науки, – пишут названные авторы, – в этой ситуации обязаны систематически отслеживать новые философские идеи, учения и течения для использования в обоснование самостоятельности и комплексности методологии нашей теории ОРД» [4, стр. 33]. При всей, казалось бы, общей привлекательности это высказывание следует рассматривать лишь как пропагандистский лозунг. Мы согласны с тем, что специалисты в области ОРД должны постоянно расширять свой научный кругозор и интересоваться проблемами философии. Впрочем, это в равной степени касается всех ученых. Однако по указанным выше причинам нельзя любую философскую идею, тем более не апробированную, относительно «свежую», пытаться брать за основу методологии ОРД. Это может привести к рассеиванию исходных положений нашей науки (ведь философские идеи значительно разнятся, вплоть до взаимоисключения), отсутствию преемственности взглядов, игнорированию опыта

предыдущих поколений. Кроме того, методологию для всех правовых наук создает не только философия, но и теория государства и права. Пускай перед использованием в нашей науке эти новые философские взгляды хотя бы должным образом рассмотрят специалисты теории права.

Можно согласиться с Т.Г. Лешкевич, заметившей: «Восхищение И. Ньютона: «Физика, боясь метафизики!» можно истолковать как протест против того, что в философии невозможно найти однозначный ответ на поставленный вопрос. И если наука реализует достаточно строгую форму организованности, то философия каждый раз сталкивается с выстраиванием множества вариантов обоснований и опровержений. В ней нет таких истин, которые не вызывали бы сомнение. Знаменитое изречение «подвергай все сомнению», а также страстная неприязнь догматов – вот кredo философского разума» [6, стр. 20].

При изложенных обстоятельствах едва ли стоит вооружаться новыми философскими идеями в области методологии без их тщательной проработки.

Во-вторых, следует разобраться, что такое диалектика. Она известна с античности. Например, для Сократа это искусство вести беседу с целью выяснения понятий. Платон уже понимал под диалектикой высшую науку, метод познания идей. С указанного времени все философы в той или иной степени задумывались о диалектике.

Весомый вклад в познание диалектики внес Гегель. Философ понимал под ней использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время саму эту закономерность. По мнению Гегеля, диалектика – движение, лежащее в основе всего как подлинно духовная действительность, и в то же время – движение человеческого мышления, которое в спекулятивном плане участвует в этом движении абсолютно и всеобъемлюще. Все движения протекают по «разумным» законам диалектики. Закон движущегося мышления есть также закон движущегося мира [12, стр. 134-135]. Такое понимание диалектики стало базой для формулирования и обоснования современных диалектических направлений (в том числе и марксистско-ленинской диалектики).

Одним из основных предметов изучения диалектики является развитие. Диалектика – наука о наиболее общих закономерностях

развития природы, общества и мышления.

Развитие невозможно представить без динамики, движения, изменения. Движение в широком смысле – это любое изменение, способ существования бытия [8, стр. 269]. Изменения не единичны, а имеют комплексный, системный характер. Системность изменений подразумевает изменение качества, поэтому развитие характеризуется прежде всего качественными изменениями.

Эти качественные изменения не беспорядочны. Они происходят в системе и потому подразумевают наличие взаимозависимости между предыдущими и последующими изменениями, их преемственность. В связи с этим формулируется обоснованный вывод о существовании направленности в преобразованиях и, соответственно, в развитии. При этом развитие с философской точки зрения, с учетом системных качественных изменений и направленности, есть процесс необратимый. Необратимость изменений понимается как появление качественно новых возможностей, не существовавших ранее.

Таким образом, в общем исходном смысле развитие – это направленные, необратимые качественные изменения системы. При необходимости учесть специфику диалектической концепции развития это определение может быть расширено путем указания на внутренний механизм развития. В таком случае развитие – это направленные, необратимые качественные изменения, обусловленные противоречиями системы [1, стр. 434].

Поскольку развитие в широком понимании является одной из основ диалектики, что такое диалектика для науки? Видимо, всё.

Развитие научного знания предполагает постоянное изменение, движение, динамику знаний. В диалектическом развитии раскрываются такие обязательные свойства научного знания, как предметность, определенность, точность, системность, логичность, проверяемость, теоретическая и эмпирическая обоснованность, практическая полезность. Совокупность этих свойств определяет и гарантирует объективность научного знания. Именно диалектика является методом, жизненно необходимым для любой науки, в том числе (а может быть, и в первую очередь) для правовых дисциплин.

Без развития наука мертва. Без постоянной

реализации основанных на диалектике функций познания, объяснения, эвристики, прогноза и практической реализации любая теория прекратит свое существование. Сначала она остановится в развитии, вскоре наметится ее заметное отставание от жизненных потребностей, а затем она уйдет в небытие. Правда, объективное (опять же диалектическое) мировое развитие знаний может заставить вернуться к забытой теории, но этот процесс весьма трудоемок и затратен.

В качестве примера хочется вспомнить, что в СССР кибернетика длительное время считалась лженаукой и не разрабатывалась. Спустя чуть ли не полвека объективное протекание жизни и развитие научных знаний заставили вернуться к этой забытой теории. Однако за время длительного простоя произошло очень значительное отставание России в познании сущности информационных технологий, производстве компьютеров, других ЭВМ и т. д. Это, в свою очередь, предопределило отставание правовой науки в вопросах информации и информационных технологий, наблюдаемое во многих правовых дисциплинах. Так, информационное право с явным опозданием признано у нас самостоятельной отраслью права. В уголовном праве только в 1996 г. появились статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, причем около двух лет эти статьи почти не применялись, так как уголовный процесс не был готов к таким видам доказательств, как вредоносная программа, приобщенная к материалам уголовного дела в электронном виде. Имелось, соответственно, и заметное отставание в криминалистике: не было методических рекомендаций по тактике производства следственных действий и методики раскрытия компьютерных преступлений. Отставание наблюдалось и в науке ОРД. Оперативные сотрудники не были готовы к выявлению указанных преступлений, уровень их познаний в информационной сфере явно не соответствовал уровню хакеров. Сейчас, когда информационные технологии активно применяются для совершения многих преступлений (мошенничества, незаконного обналичивания денежных средств, незаконной банковской деятельности, легализации денежных средств, полученных преступным путем, коррупционных преступлений и т. д.), наука ОРД

вновь не находится в авангарде в деле обеспечения практики методическими рекомендациями по оперативному документированию подобных преступлений.

Вот к чему приводит отход от диалектических принципов развития, отрицание того, что в науке развитие играет первостепенную роль и мешать ему не следует.

В настоящее время известно немало общенаучных методов. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в их применении присутствует диалектика. Даже если взять такой обязательный метод науки, как системный подход, то и здесь четко прослеживаются изменение и развитие. Система не константна. Она развивается и изменяется как минимум в двух направлениях. Первое направление – расчленение на более мелкие подсистемы, определенная витиеватость системы; второе направление – противоположное, заключающееся в укрупнении подсистем, слиянии их, включении частей в целое. Итак, система тоже динамична в своем развитии и требует познания именно с точки зрения диалектики.

Следует учитывать, что теорию ОРД в первую очередь интересуют методы в применении к праву, т. е. системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой и др. Эти методы едва ли в состоянии обойтись без диалектики.

Кроме принципа развития, в диалектике выделяют еще принцип материального единства мира и принцип всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений, а также законы, которые следует хотя бы кратко рассмотреть.

Принцип материального единства мира подразумевает, что весь имеющийся реальный мир упорядочен, представляет собой систему, а не хаотичную массу. Этот принцип выражается в том числе и в реальном существовании различных форм движения материи, включая социальную форму, характеризующую человека и общество, их взаимодействие.

В развитии и материальном единстве мира важное место занимает взаимосвязь. Диалектика опирается на идею всеобщей связи, которая, в свою очередь, подразумевает взаимную обусловленность явлений. Связь есть отношение, а основой всякого отношения выступает взаимодействие. Отсюда и проистекает идея взаимообусловленности как необходимое дополнение к идеи всеобщей связи, вместе же они

выражают тот факт, что в мире, в реальном бытии нет ни одного явления, которое так или иначе не было бы связано с другим явлением [11, стр. 302].

Например, такое социальное явление, как преступность, подразумевает существование борьбы с ней, наличие уголовного права и уголовного процесса. Уголовный процесс не может существовать без оперативно-розыскной деятельности, равно как и оперативно-розыскная деятельность неразрывно связана с уголовным процессом, уголовным правом, борьбой с преступностью и т. д. Изменение одного объекта или явления неизбежно влечет изменения в другом объекте. Появление компьютерных преступлений вызывает необходимые изменения в уголовном праве, развивает уголовный процесс, требует новых подходов к оперативно-розыскной деятельности. Исключение из Уголовного кодекса состава «спекуляция» подразумевает, с одной стороны, исключение этого действия из числа преступлений, с другой стороны – изменение направления оперативно-розыскной работы.

Диалектика выработала для познания развития природы, общества и мышления свои законы. Основными законами диалектики являются:

- закон единства и борьбы противоположностей;
- закон взаимного перехода количественных и качественных изменений;
- закон отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей указывает на сосуществование разных сил и тенденций, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг другу. Иначе говоря, диалектика связывает развитие во всех областях реального мира с противоречиями, свойственными любому явлению, процессу, объекту. Диалектические противоречия носят внутренний характер; в постоянном конкурирующем взаимодействии движущих сил явления изменяются и, соответственно, развиваются***. Внутреннее единство и противоречия связей внутри науки, их постоянное осмысление, конкуренция мнений, в конечном счете, обусловливают научное развитие. В этом смысле указанный закон является методологической основой для других научных законов.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений произведен от закона единства и борьбы противоположностей и в

общем виде может быть сформулирован так: количественные изменения того или иного объекта, явления, постепенно накапливаясь, умножаясь, на определенном этапе приводят к изменению качества этого объекта. Объективно наблюдавшийся в конце XX в. интерес к оперативно-розыскной науке со стороны специалистов, осуществление множества исследований постепенно приводят к качественному улучшению ее знаний. Названный закон в равной степени распространяется как на другие науки, так и на научные методы.

Диалектика сформулировала и третий свой основной закон, именуемый «закон отрицания отрицания». Его сущность состоит в том, что он рассматривает развитие в виде сменяющих друг друга уровней (ступеней, качеств), связанных между собой таким образом, что каждый последующий уровень развития является отрицанием предыдущего. Оперативно-розыскная деятельность длительное время не рассматривалась как научная дисциплина. Затем она стала рассматриваться как часть криминалистики, т. е. произошло отрицание предыдущих знаний. Наконец, она отпочковалась от криминалистики и получила определенную самостоятельность на ведомственном уровне, при этом снова произошло отрицание предыдущей ступени развития. В настоящее время обоснована общая единая теория ОРД, которую старые ведомственные позиции уже не полностью удовлетворяют.

Через описанные принципы и законы реализуется диалектика как универсальный метод познания. Диалектика лежала и лежит в основе развития юридических наук, в том числе теории и методологии ОРД. Отказаться от указанного подхода на современном этапе развития науки невозможно.

Здесь уместно привести мнение А.Ю. Шумилова: «Некоторые ученые, исследующие современный сыск и его различные проявления, из одной крайности (марксистско-ленинского понимания универсальности диалектического метода) бросились в другую. Так, Г.К. Синилов ныне считает (применительно к теории оперативно-розыскной психологии), что «диалектический метод познания, освобожденный от идеологических наслоений «всеобщности» и «универсальности», является равноправным в системе общеначальных методов». Так ли он

равноправен в этой системе? Разумеется, можно не согласиться с классиками марксизма-ленинизма, как это сделал уважаемый профессор (и это сейчас модно), однако зачем с водой выплескивать и ребенка? Разве диалектику «придумал» В.И. Ленин? Разве незадолго до него не Г.Ф. Гегель обосновал универсальный характер диалектического метода, причем сделал он это вне «системы общенаучных методов»?.. Если и допустить нахождение диалектического метода в «системе общенаучных методов» изучения сыска (а не над ними в силу его универсальности), то он находится, думается, на вершине пирамиды методов неметафизического познания (или, если угодно, системы)» [13, стр. 45].

Сходным образом, касаясь связи криминологии и ОРД, высказался А.П. Исиченко. По его мнению, поворот криминологии в сторону оперативно-розыскной деятельности лишний раз подтверждает правоту и жизненность ставшего вдруг «немодным» диалектико-материалистического подхода к изучению социальных явлений, предполагающего взгляд на исследуемый объект с позиции прошлого, настоящего и будущего. Ведь только с помощью оперативно-розыскных сил, средств и методов можно с достаточной полнотой проследить, как возникает преступный замысел, в каких конкретных действиях он реализуется на различных этапах подготовки и совершения преступлений, какие факторы обусловили его в конкретных условиях места и времени, каковы нарождающиеся тенденции, проявления преступности, сферы ее наиболее интенсивного распространения и т. д. В конечном счете, это поможет смотреть на проблему современной преступности «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило и... чем данная вещь стала теперь». Более того, такой подход позволит оперативно прогнозировать развитие преступности по намечающимся тенденциям в ее характере и направленности [3, стр. 14].

Важно понимать, что даже при критическом подходе именно к марксистско-ленинской диалектике не следует отвергать диалектику вообще либо преуменьшать ее огромное значение. При этом следует учитывать, что диалектический метод также развивается и изменяется, поэтому подходы к его содержанию не могут быть догматическими. В этом вновь

находит выражение принцип диалектики как постоянного развития, изменения и сравнения.

В-третьих, к сожалению, в правовой науке на суждения иногда оказывают влияние идеологизированность и политизированность. Мы относимся к ученым, стремящимся к так называемой «чистой науке», не подверженной чьему-либо влиянию. Возможно, что к этому же стремятся И.А. Климов и Г.К. Синилов. Однако, как яствует из их слов, стремясь уйти от идеологии, они, напротив, погрузились в нее. Так, названные авторы утверждают: «...Поскольку становление теории ОРД исторически совпало с периодом функционирования советского типа государственности, а его распад и реформирование происходят в настоящее время, то в этих условиях неизбежна эволюция взглядов на методологию теории ОРД» [4, стр. 33-34].

Получается, что, по мнению И.А. Климова и Г.К. Синилова, эволюция взглядов на философские, методологические аспекты теории зависит не от развития науки, а от реформирования государства, изменения конституционного строя и т. д. Тогда выходит, что при дальнейшем реформировании государства, которое, кстати, продолжается, вскоре будет господствовать очередная методологическая концепция, и эту концепцию теория ОРД также должна будет сразу взять за основу? А если это будет концепция агностицизма, или утопизма, или метамифологизма?

В своей докторской диссертации, посвященной в том числе вопросам методологии ОРД, И.А. Климов также не смог обойти идеологическую составляющую. Так, новеллой его диссертации стало «исключение из философской части методологии исторического материализма как излишне идеологизированного учения, недооценивающего личностные и межличностные отношения и фетишизовавшего классовую психологию» [4, стр. 34]. Заметим, что при кажущемся отходе от идеологии в основу мотивировки И.А. Климова положена не научная аргументация новых подходов к методологии ОРД, а то, что применявшимся метод исторического материализма «излишне идеологизирован». Фактически такую же, скорее идеологическую, а не научную полемику по вопросу диалектики ведет Г.К. Синилов, утверждая, что диалектический метод познания является равноправным в системе общенаучных методов, если этот метод освободить от

«идеологических наслоений «всеобщности» и «универсальности» [9, стр. 21].

И.А. Климову, Г.К. Синилову и другим специалистам в области ОРД следует обратить внимание на мнение В.С. Степина, высказавшегося по вопросу диалектики и идеологии так: «В начале 90-х гг., после распада СССР, появились оценочные суждения, согласно которым в нашей философии не было достижений, что она была оторвана от мировой философской мысли и все надо начинать с нуля. Такого рода суждения можно встретить даже в философских учебниках и энциклопедических словарях того времени. Они были чисто идеологическим феноменом, возникшим в русле огульной критики мировоззрения советской эпохи. То, что в советскую эпоху считалось позитивным, автоматически объявлялось негативным, знак «плюс» заменялся на знак «минус». Но подобные утверждения, впрочем, не требующие сколько-нибудь серьезной мыслительной работы, не выдерживают критики при обращении к реальным фактам. Показательно, что известный американский историк науки, профессор Массачусетского технологического института (Бостон) Лорен Грэхэм свое фундаментальное исследование исторического развития философии науки в СССР завершил обобщающим выводом о том, что данная область исследований в стране является «впечатляющим интеллектуальным достижением» и «по универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли» [2, стр. 415].

Видимо, следует говорить об определенном заблуждении И.А. Климова и Г.К. Синилова относительно сущности методологии. Методология, как известно, не терпит давления со

стороны и направлена на получение так называемых деперсонифицированных и интерсубъективных научных знаний. Методы, которые она изучает, нацелены на фиксацию объективных знаний, без примесей субъективного, личностного фактора. По справедливому мнению Т.Г. Лешкевич, современная методология – наиболее стойкая, сопротивляющаяся изменениям сфера, направленная на изучение методов научного познания и способов организации деятельности [6, стр. 107].

Здесь уместно вспомнить, мнение видного специалиста в области теории ОРД В.А. Лукашова, который писал, что диалектический метод познания позволяет сформулировать общенаучные методы, вскрыть философскую сущность объекта исследования во всех без исключения естественных, общественных и технических науках. Не является исключением и теория ОРД. Диалектический метод определяет подход к изучаемым объектам оперативно-розыскной практики как к определенному звену в сложной структуре правоохранительной деятельности, определяет методологический фундамент для общих и частных методов исследования. Опираясь на диалектическую методологию научного познания, теория ОРД раскрывает объективные закономерности оперативно-розыскной практики, их взаимодействие с другими формами и методами борьбы с преступностью в целом и учит оперативников использовать их комплексно [7, стр. 109].

При таких обстоятельствах, оценивая с позиции настоящего времени диалектический метод познания, мы заключаем, что он еще долго будет оставаться методологической основой для теории ОРД.

Примечания

* От лат. reflexio – отражение, обращение назад.

** На это, кстати, обратили внимание И.А. Климов и Г.К. Синилов, процитировав мысль А. А. Радугина [4, стр. 33].

*** Внутренние диалектические (так называемые «жизненные») противоречия следует отличать от формально-логических противоречий. Формально-логические противоречия имеют место в том числе тогда, когда об одном и том же объекте (или предмете), в одно и то же время, в одном и том же смысле высказываются противоположные суждения и умозаключения. Например, в 2009 г. высказывалось мнение об искоренении коррупции в органах внутренних дел, и практически одновременно говорилось об увеличении числа фактов проявления коррупции среди работников МВД. В данном случае речь идет не о диалектических противоречиях внутри системы, а о нарушении формальной логики, т. е. о логическом противоречии, искажении истины. С

точки зрения логики, очевидно, что истинной может быть только одна из указанных мыслей. Формально-логических противоречий философские науки требуют не допускать.

Список литературы

1. Алексеев П.В., Панин А. В. **Философия**. – М., 2005.
2. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. – М., 1991.
3. Исиченко А.П. **Оперативно-розыскная криминология**. – М., 2001.
4. Климов И.А., Синилов Г.К. Методология развития теории и совершенствование практики ОРД в условиях современного российского общества // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. – М., 2001.
5. Климов И.А., Синилов Г.К. Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории ОРД. – М., 1995.
6. Лешкевич Т. Г. **Философия науки**. – М., 2005.
7. Оперативно-розыскная деятельность / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М., 2001. (автор параграфа В.А. Лукашов).
8. Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. **Философия для аспирантов**. – СПб., 2001.
9. Синилов Г.К. Введение в оперативно-розыскную психологию. – М., 2006.
10. Степин В. С. **Философия науки. Общие проблемы**. – М., 2008.
11. **Философия** / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1999.
12. **Философский энциклопедический словарь**. – М., 2003.
13. Шумилов А. Ю. **Феномен научных школ профессионального сыска**. – М., 2007.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна,
профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
юридического института (Филиала) Академии
Генеральной прокуратуры РФ,
доктор юридических наук, профессор

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЕ ИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОТДЕЛЬНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ

***Аннотация.** В статье исследованы полномочия органов дознания, а также рассмотрена возможность их использования некоторыми должностными лицами. Авторы, подробно анализируя имеющиеся проблемы в сфере разделения полномочий при осуществлении такой формы предварительного расследования, как дознание, приводят и обосновывают ряд выводов, связанных с законностью исполнения некоторыми должностными лицами полномочий органов дознания.*

Ключевые слова: органы дознания; уголовно-процессуальное законодательство; реализация полномочий органов дознания.

ALEKSANDROV R.A.
KONDRAT I.N.
NIKOLAEVA T.G.

POWERS OF BODIES OF INQUIRY AND DISCHARGE OF THEIR DUTIES BY INDIVIDUAL OFFICIALS

***The summary.** The article researches the powers of bodies of inquiry as well as considers the possibility of their application by some officials. The authors analyzing in detail the existing problems in the area of separation of powers in case of implementation of such form of preliminary investigation as inquiry give and justify a number of conclusions related to the legality of execution of inquiry bodies powers by some officials.*

Key words: bodies of inquiry; criminal procedure legislation; implementation of the powers of bodies of inquiry.

В соответствии с ч. 3 ст. 40 УПК РФ возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий, помимо органов дознания, указанных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, возложено также на капитанов морских или речных судов, находящихся в дальнем плавании; руководителей геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания; глав дипломатических представительств и консульских учреждений.

Необходимость наделения данных должностных лиц уголовно-процессуальными функциями связывается законодателем с определенным обстоятельством, а именно удаленностью от традиционных органов дознания, в силу чего никто иной возбудить уголовное дело не может. Полномочия указанных должностных лиц имеют и свою границу – они ограничены судном, находящимся в дальнем плавании, зимовкой или экспедицией, а также территорией посольства или консульства.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 40 УПК РФ на капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании возлагаются полномочия по возбуждению уголовного дела и производству неотложных следственных действий по уголовным делам о любых преступлениях, совершенных на данных судах.

Ведомственными нормативными актами, регламентирующими производство дознания капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, является Кодекс торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ [4], Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ [3], Устав службы на судах рыбопромыслового флота РФ, утвержденный приказом Роскомрыболовства от 30 августа 1995 г. № 40 [6].

В соответствии со ст. 69 Кодекса торгового мореплавания в случае обнаружения на судне, находящемся в плавании, признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна выполняет функции органа дознания, руководствуясь при этом уголовно-процессуальным законодательством РФ, а также Инструкцией о производстве дознания на судах, находящихся в плавании, утвержденной Генеральным Прокурором РФ по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области транспорта и федеральным органом исполнительной власти в области рыболовства.

Немного иначе толкует полномочия капитана ст. 31 Кодекса внутреннего водного транспорта, которая предусматривает, что в случае обнаружения на судне, находящемся в плавании, признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении такого преступления, до передачи его компетентным органам в ближайшем порту или ближайшем населенном пункте.

В случае обнаружения на судне во время пребывания его в порту признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна обязан незамедлительно информировать об этом компетентные органы.

В случае же нападения на судно лиц в целях совершения ими противоправных действий капитан судна обязан действовать в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в области транспорта по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности и федеральным органом исполнительной власти в области внутренних дел.

Еще более радикально толкует права капитана судна глава 4 Устава службы на судах рыбопромыслового флота РФ, в соответствии с которой, капитан имеет право в случае совершения на судне, находящемся в плавании, уголовно наказуемого деяния, произвести дознание в установленном законодательством порядке; задержать и изолировать лицо, подозреваемое в совершении преступления, до прихода в первый отечественный порт для передачи его с материалами дознания соответствующим властям.

Не добавляет определенности в положении капитана как органа дознания и Инструкция о производстве дознания на судах, находящихся в плавании, в которой, по определению Кодекса торгового мореплавания, должны предусматриваться право и обязанности капитана судна в отношении производства дознания, обеспечения лицу, подозреваемому в совершении преступления, возможности защищаться установленными законом средствами и способами, охраны его личных и имущественных прав, а также основания и порядок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления,

условия его содержания на судне.

Следует отметить, что в настоящее время действует Инструкция о выполнении функций органа дознания на морских судах, находящихся в плавании, утвержденная Генеральным Прокурором СССР по согласованию с Министерством морского флота СССР и Министром рыбного хозяйства СССР 7 августа 1974 года, которая входит в определенные противоречия с как с Кодексом торгового мореплавания, так и уголовно-процессуальным кодексом РФ, в связи с чем, бесспорно, требуется ее переработка с учетом современных требований закона.

В силу действующей Инструкции, капитан или лицо, им уполномоченное, обязаны:

- а) принять предусмотренные законом меры в целях обнаружения преступления и лиц, его совершивших;
- б) принять меры к предупреждению и пресечению преступления.

Капитан или другое лицо, выполняющее функции органов дознания, в случае совершения на борту вверенного ему судна преступления любым членом экипажа, пассажирами и всеми другими находящимися на судне лицами, за исключением лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, обязаны выполнить неотложные действия по установлению и закреплению следов преступления. К числу этих действий относятся: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, а также другие действия, которые в условиях плавания судна могут иметь значение неотложных.

Капитан судна вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления до передачи его компетентным органам в первом порту РФ, в который зайдет судно. В случае необходимости капитан судна должен направить такое лицо вместе с материалами дознания в Российскую Федерацию на другом судне, плавающим под Государственным флагом РФ.

Капитан судна может передать компетентным органам иностранного государства, если это предусмотрено международным договором РФ, лицо, в отношении которого у капитана судна имеются разумные основания считать, что оно совершило преступление, направленное против безопасности морского судоходства, за

исключением гражданина РФ, а также лица без гражданства, постоянным местом жительства которого является Российская Федерация. В данном случае капитан судна обязан, если это практически осуществимо, по возможности до входа судна в территориальное море иностранного государства, направить в его компетентные органы уведомление о своем намерении передать им такое лицо и причинах его передачи, а также предоставить указанным органам имеющиеся доказательства.

О происшедшем капитан в течение суток имеющимися в его распоряжении средствами сообщает прокурору по месту приписки судна. Учет материалов дознания ведется капитаном в специально установленном для этого журнале.

Надзор за точным исполнением законов при производстве дознания осуществляют прокурор по месту приписки судна. При этом он может пользоваться любыми средствами связи, применяемыми на морском флоте. Но прокурору, осуществляющему надзор в этой области необходимо иметь представление о том, к какому порту приписано судно, под каким флагом оно ходит, зафрахтовано ли оно и кем, состав команды и т. д. и в соответствии с этим решать вопрос о правомерности производства процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений.

Как нам представляется, все эти вопросы, и возможные ситуации должны быть отрегулированы в будущей инструкции.

Расследование по делам об исчезновении кого-либо из лиц, находившихся на борту судна, несчастных случаев с людьми, аварий морских судов, промысловых происшествий, случаев не сохранности груза и коммерческого брака при отсутствии признаков преступления оформляется в соответствии с требованиями специальных инструкций о служебном расследовании этих происшествий.

В случае обнаружения на судне во время пребывания его в порту РФ признаков преступления, капитан судна обязан немедленно информировать об этом компетентные органы.

Производство отдельных функций органов дознания на борту другого российского судна может иметь место только с согласия его капитана. Капитан другого судна обязан оказывать при этом соответствующее содействие.

Ради справедливости следует отметить, что

все вышеуказанные нормативные акты были приняты достаточно давно, еще во времена действия УПК РСФСР, когда капитаны судов обладали полномочиями по производству дознания. Но, тем не менее, и УПК РФ действует уже не первый год, поэтому, на наш взгляд, нормативно-правовая база, регламентирующая полномочия капитанов морских или речных судов, находящихся в дальнем плавании как органа дознания, должна быть приведена в соответствие с нормами УПК РФ. При этом, как представляется, должны учитываться следующие моменты: необходимо уточнить понятие «суда, находящиеся в дальнем плавании», т.е. с какого момента капитан судна начинает обладать полномочиями органа дознания; имеет ли капитан право задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления? Если речь идет о процессуальном задержании с соблюдением всех процедурных правил и сроков, то, скорее всего, нет. УПК РФ не предусматривает исключений из требований закона о соблюдении срока задержания. Говорить же о том, что капитан судна как орган дознания вправе избрать к подозреваемому, находящемуся в дальнем плавании, меру пресечения, абсурдно. На наш взгляд, речь в данном случае может идти лишь о праве капитана изолировать лицо, если оно представляет опасность для окружающих или себя самого.

Анализ редакции ст. 40 УПК РФ вызывает определенное недоумение. Несмотря на то, что данная статья носит обобщающее название «Орган дознания», исчерпывающий перечень органов дознания содержится в ч. 1 данной статьи. Часть же третья, прямо не относя капитанов судов дальнего плавания, руководителей зимовок и партий, а также глав дипломатических представительств и консульских учреждений, о которых речь пойдет ниже, к органам дознания, тем не менее, наделяет их определенными полномочиями (и не маленькими!) данного органа.

Также следует отметить противоречие ч. 3 ст. 40 УПК и п. 24 ст. 5 УПК РФ (в плане неудачной редакции), где определяется, что органами дознания являются *государственные* (выделено нами) органы и должностные лица, а капитаны судов и начальники геологоразведочных партий могут и не состоять на государственной службе.

Что же касается ведомственных актов, регламентирующих деятельность руководителей геологоразведочных партий и зимовок как органов дознания, то таковые отсутствуют. Решение о геологоразведочной партии или зимовке принимается руководством соответствующего заинтересованного органа, приказом этого же органа назначается и начальник партии или зимовки, который несет полную ответственность за безопасность людей, сохранность имущества, выполнение работ и т. д. Процессуальные же проблемы, отмеченные при возбуждении уголовного дела и производстве неотложных следственных действий капитанами судов выше, в полной мере относятся и к руководителям зимовок и геологоразведочных партий.

П. 3 ч. 3 ст. 40 УПК РФ возлагает на глав дипломатических представительств и консульских учреждений право возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений.

Основополагающими международными актами, регламентирующими правовое положение глав дипломатических представительств и консульских учреждений, является Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года) [1] и Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года) [2], национальными актами в этой сфере являются: Положение о Консульском учреждении Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 ноября 1998 г. № 1330) и Положение о Чрезвычайном и Полномочном Посольстве Российской Федерации в иностранном государстве (утв. Указом Президента РФ от 7 сентября 1999 г. № 1180) [5].

В соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях, глава представительства есть лицо, на которое аккредитующим государством возложена обязанность действовать в этом качестве.

Главы представительств подразделяются на три класса, а именно:

- а) класс послов и нунцийев, аккредитуемых при главах государств, и других глав представительств эквивалентного ранга;
- б) класс посланников и интернунцийев, аккредитуемых при главах государств;
- в) класс поверенных в делах, аккредитуемых

при министрах иностранных дел (ст. 14).

Никакого различия между главами представительств, вследствие их принадлежности к тому или иному классу не проводится, кроме как в отношении старшинства и этикета.

В соответствии с Венской конвенции о консульских сношениях, «глава консульского учреждения» означает любое лицо, которому поручено действовать в этом качестве. Существует две категории консульских должностных лиц, а именно: консульские учреждения, возглавляемые штатными консульскими должностными лицами; консульские учреждения, возглавляемые почетными консульскими должностными лицами. Главы консульских учреждений делятся на четыре класса, а именно:

- а) генеральных консулов,
- б) консулов,
- в) вице-консулов,
- г) консульских агентов.

Уголовно-процессуальный закон РФ ограничивает полномочия глав дипломатических представительств и консульских учреждений территориями этих учреждений.

Помещениями дипломатического представительства являются здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания земельный участок. Помещения представительства неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в эти помещения иначе, как с согласия главы представительства. На государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства (ст. 22). Таким образом, территорией представительства являются как здание (или часть его), так и земельный участок, используемый для целей представительства. Следует учитывать, что той же неприкосновенностью и защитой, что и помещения представительства пользуется частная резиденция дипломатического агента (ст. 30).

Консульское учреждение означает любое генеральное консульство, консульство, вице-консульство или консульское агентство.

Консульские помещения это те помещения, которые используются исключительно для целей консульского учреждения, здания или части зданий и обслуживающий данное здание или части зданий земельный участок, кому бы ни принадлежало право собственности на них. Консульские помещения также неприкосновенны, поскольку власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе как с согласия главы консульского учреждения, назначенного им лица или главы дипломатического представительства представляющего государства. Тем не менее, в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего безотлагательных мер защиты, согласие главы консульского учреждения может предполагаться.

Таким образом, территория консульского учреждения также имеет свои границы.

Следовательно, помимо территории, никакими другими ограничениями в своих уголовно-процессуальных полномочиях главы дипломатических представительств и консульских учреждений не имеют, ни по категориям преступлений, ни по субъекту. Независимо от того, совершил ли преступление на территории представительства гражданин РФ, гражданин страны пребывания или иное лицо, глава этого представительства вправе вести уголовное судопроизводство в соответствии с правилами УПК РФ. Исключение составляют лица, обладающие правом дипломатической неприкосновенности.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, ведомственной нормативной базы, регламентирующих производство по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий указанными должностными лицами, приводит к выводу о том, что законодатель практически не уделяет внимания этим органам дознания. Ведомственная нормативная база не всегда совпадает с нормами уголовно-процессуального закона, а зачастую прямо противоречит ему.

Анализ статистики, интервьюирование и анкетирование прокуроров, осуществляющих

надзор в данной области, говорят о том, что случаев возбуждения уголовных дел вышеуказанными должностными лицами практически не имеется. Причин этому несколько, во-первых, отсутствие у названных лиц юридического образования вообще и знания норм уголовного права и процесса, в частности; во-вторых, нежелание «выносить сор из избы» и возможность разобраться со сложившейся ситуацией на месте, не прибегая к помощи правоохранительных органов; в-третьих, отсутствие опыта расследования и т. д.

Если же допустить, что капитаны судов, руководители зимовок и геологоразведочных экспедиций все-таки воспользуются своими полномочиями по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий, то при отсутствии навыков составления процессуальных документов (не говоря уже об отсутствии соответствующих бланков), производства следственных действий, невозможностью обеспечения прав участников процесса и т. п., их деятельность приведет к признанию всех полученных доказательств недопустимыми. Ведь УПК РФ и научная общественность не предусматривают никаких исключений из правил допустимости доказательств [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 19; 20; 21; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30].

Все вышесказанное позволяет судить о полной несостоятельности указанных должностных лиц в качестве органа дознания.

Выход нам видится не в том, чтобы наделять правом возбуждения уголовных дел и производства первоначального расследования тех или иных должностных лиц в период отсутствия прокурора или органа дознания и увеличивать, таким образом, перечень органов дознания. Истории науки уголовного процесса известны предложения по наделению такими правами егерей, лесников, инспекторов рыбоохраны, санитарных врачей и т. п.

Как представляется, ситуация должна разрешаться следующим образом: капитан судна или иное должностное лицо, обнаружив признаки преступления, отбирает объяснения у членов команды и иных лиц, принимает меры к сохранению следов преступления; по возможности изолирует лицо, представляющее опасность для себя самого или окружающих и по прибытии, передает все материалы прокурору либо органу дознания, который возбуждает уголовное дело и производит официальное расследование. Материалы же, подготовленные этими должностными лицами, признаются доказательствами по уголовному делу в виде иных документов или вещественных доказательств.

Список литературы

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях. Весна 18 апреля 1961 года // Права человека: Сб. нормативных актов в 7-ми томах / Сост. А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2009.
2. Венская конвенция о консульских сношениях. Весна 24 апреля 1963 года // Права человека: Сб. нормативных актов в 7-ми томах / Сост. А.М. Диноршоев. – Душанбе, 2009.
3. Кодекс внутреннего водного транспорта РФ 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 11. – Ст. 1001.
4. Кодекс торгового мореплавания РФ 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999 г. – № 18. – Ст. 2207.
5. Положение о Консульском учреждении РФ. Утвержден Указом Президента РФ от 05 ноября 1998 г. № 1330; Положение о Чрезвычайном и Полномочном Посольстве в иностранном государстве. Утвержден Указом Президента РФ от 07 сентября 1999 г. № 1180 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 1 (часть II). – Ст. 101.
6. Устав службы на судах рыбопромыслового флота. Утвержден Приказом Роскомрыболовства 30 августа 1995 г. № 40 // Российские вести. – 1995. – № 209, 213.
7. Александров Р.А., Берова Д.М., Кондрат И.Н. Шхагапсоев З.Л. Органы дознания и уголовно-процессуальные функции // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 167-174.
8. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.
9. Берова Д.М Уголовно-процессуальные функции / Под общ ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009.

10. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
11. Малышева О.А. К вопросу об уголовно-процессуальном статусе дознания // Российский судья. – 2004. – № 5.
12. Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. – М.: Человек, 2011.
13. Николаева Т.Г. Деятельность органов дознания в Федеративной службе исполнения наказаний // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – №4(28). – С. 165-168.
14. Кашицкая Р.В., Ларькина Е.В., Николаева Т.Г. Основы правового регулирования деятельности органов дознания в современной России: Монография / Под ред. Т.Г. Николаевой. – СПб., 2006.
15. Николаева Т.Г. Понятие и порядок производства дознания как формы предварительного расследования преступлений // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной Прокуратуры РФ. – СПб., 2001. – № 3.
16. Николаева Т.Г. Правовое регулирование деятельности органов дознания (теоретические основы и правоприменительная практика): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006.
17. Николаева Т.Г. Правовые основы деятельности органов дознания в Вооруженных силах РФ и иных воинских формирования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1 (29-1).
18. Николаева Т.Г. Развитие ускоренных досудебных производств в уголовном процессе России // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной Прокуратуры РФ. – СПб., 2004. – № 6.
19. Николаева Т.Г., Ларкина Е.В. Некоторые проблемы производства дознания и пути его совершенствования // Вестник Сиб. ун-та МВД России. – 2006. – № 1 (29-2). – С. 154-157.
20. Павлов Н.Е Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (проблемы соотношения и применения). – М., 1999.
21. Петуховский А.А. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. – М., 1988.
22. Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания: Сб. методических рекомендаций / Ред. В.Я. Грinya, Т.Г. Николаева, Г.Д. Белова, Е.М. Варпаховская, Н.В. Буланова, А.В. Савкин: Сб. методических рекомендаций. – М.: Генеральная Прокуратура РФ, Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2011. – 352 с.
23. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы / Науч. ред. Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1979.
24. Рохлин В.И., Николаева Т.Г. Некоторые проблемы процессуальной регламентации деятельности органов дознания // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 (28). – С. 173-176.
25. Рохлин В.И., Николаева Т.Г. Субъекты уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и их компетенция // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1 (2). – С. 179-182.
26. Рыжаков А.П. Орган дознания: понятие и проблемы // Юридический мир. – 2002. – № 1.
27. Рыжаков А.П. Органы дознания в уголовном процессе. – М., 1999.
28. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. – М.; Кемерово, 1997.
29. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Экзамен, 2003.
30. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – Тольятти, 1997.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор юридических наук
E-mail: gurbanoff@gmail.com

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук
E-mail: prokuratura@inbox.ru

РЕТУНСКАЯ Татьяна Павловна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета предпринимательства
и права,
кандидат юридических наук
E-mail: retunsk1@mail.ru

Специальность 12.00. 09 – Уголовный процесс

ДОКАЗЫВАНИЕ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

***Аннотация.** В статье рассматривается доказывание по уголовному делу с позиций философии познания. Доказывание и доказательство, по мнению исследователей, всегда были и остаются сердцевиной уголовного судопроизводства. За пределами доказательной деятельности реализация судебной власти, по их справедливому замечанию, невозможна.*

Авторы отмечают дискуссию до принятия УПК РФ в 2001 году и после по вопросам содержания и структуры доказывания, круга субъектов и их обязанностей, особенностей его реализации на различных этапах процессов и т. д. Активно участвуют в этой дискуссии, излагают и обосновывают свою позицию по различным положениям теории доказательств.

В заключительной части статьи приводятся весьма интересные и обоснованные авторские выводы.

Ключевые слова: философия познания; теория доказательств; процесс доказывания; содержание и структура доказывания; доказательства; уголовное судопроизводство; судебная власть.

**ALEKSANDROV R.A.
KONDRAT I.N.
RETUNSKAYA T.P.**

PROVING AS A COGNITIVE ACTIVITY IN A CRIMINAL CASE

***The summary.** The article deals with proof in a criminal case from the standpoints of cognitive philosophy. Proof and evidence, in the researchers' opinion, have always been and remain the core of criminal procedure. The implementation of judicial power, as they justly remark, the implementation of judicial power is impossible beyond the evidentiary activity.*

The authors note the debate prior to the adoption of RF Criminal Procedure Code in 2001 and after in on the issues of content and structure of proving, set of subjects and their duties, peculiarities of its implementation at different stages of procedures, etc. They take an active part in this debate, set forth and justify their standpoint on various proof theory propositions.

In the final part of the article rather interesting and justified authors' conclusions are given.

Key words: cognitive philosophy; proof theory; process of proving; content and structure of proving; evidence; criminal procedure; judicial power.

Доказывание – получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т. е. защиты прав и законных интересов потерпевших и ограждения личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ) [6; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 30]. За пределами доказательственной деятельности реализация судебной власти, а именно разрешение судом социальных конфликтов в сфере права, невозможна. Поэтому доказывание и доказательства, по мнению прошлых и новых исследователей, были и остаются сердцевиной уголовного судопроизводства. Понятие доказывания неотделимо от его философской основы – познания [3; 4; 5]. Оно всегда рождало теоретические споры о соотношении этих понятий; споры также касались содержания и структуры доказывания, круга субъектов и обязанности, особенностей его реализации на различных этапах процесса и т. д. Не утихли, а, наоборот, обострились эти дискуссии с принятием УПК РФ 2001 г., в основу которого законодатель положил системообразующий принцип состязательности (ст. 15). Разграничив процессуальные функции сторон, и определив роль суда как арбитра в их споре, закон наделил стороны обвинения и защиты широкими правами, превратив их, таким образом, в активных фигурантов доказывания, имеющих возможность убедить суд в правильности своей позиции. Это побудило исследователей подвергнуть критическому анализу многие положения теории доказательств с точки зрения их соответствия новым законоположениям. В этой ситуации попытаемся проанализировать взгляды исследователей по наиболее важным проблемам доказывания и на этой основе обосновать по nim свою позицию.

На протяжении многих лет в теории доказательств утверждалось представление о доказывании как познании (непосредственном и опосредованном) события прошлого, осуществляемом следователем, прокурором, судом в особой процессуальной форме – путем собирания, проверки и оценки доказательств. Также принято трактовать доказывание в широком и узком смыслах: в первом – как осуществление всей познавательной деятельности субъектов, ведущих процесс, охватывающей не только оценку, но и собирание, и проверку доказательств, во втором – лишь как логическую деятельность по обоснованию выдвигаемого тезиса [27, стр. 298-299]. Такое представление находит поддержку и в общей теории права. Например, по мнению С.С. Алексеева, «доказывание (в широком смысле) – это деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказательств истинности обстоятельств дела». Сюда автор включает собирание, исследование и оценку доказательств. «В... узком смысле понятие доказывания... состоит в деятельности по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц» [2, стр. 247, 248]. Соответственно, этим представлениям обязанность доказывания также принято трактовать в двояком смысле – как обязанность собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления истины и как обязанность обосновать свои выводы с помощью доказательств. Естественно, что та и другая обязанности лежат на органах государства, осуществляющих доказывание, – следователе, прокуроре, суде, хотя содержание ее для каждого из этих органов оказывается различным.

Однако существуют и иные взгляды на доказывание. В работах некоторых исследователей нередко употребляется термин

«уголовно-процессуальное доказывание», позволяющий считать, что существует и доказывание иного рода. С этим термином можно было бы согласиться, если обозначить им доказательственную деятельность в одной из трех сфер осуществления юрисдикции. Тогда другими разновидностями доказывания стало бы «гражданско-процессуальное» и «административно-процессуальное» доказывание, хотя с учетом общих черт процессуального познания соответствующие виды познавательной деятельности предпочтительнее именовать доказыванием в уголовном, в гражданском или административном процессе. Однако сторонники этого термина вкладывают в него более широкий смысл, полагая, что существует некое, не ограниченное сферой юрисдикции, а универсальное для любой познавательной деятельности людей доказывание. «Судебное доказывание, – писал А.А. Эйсман, – это частный случай доказывания вообще, т. е. особого способа передачи информации, связанного с обоснованием передаваемых сведений» [31, стр. 82]. Если встать на такую точку зрения, то действительно есть основания выделять юридическую разновидность «доказывания вообще», т. е. доказывание уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и т. д. Подобные универсальные представления разделяют Р.Г. Домбровский [9; 10; 11], В.С. Джатиев [8], А.А. Давлетов [7] и многие представители гражданско-процессуальной науки. Прежде всего, нет оснований утверждать, что в теории существует универсальное понятие доказывания. Как известно, для обозначения процедуры получения выводного знания логика использует понятие «доказательство», которое твердо устоялось в этой и других (прежде всего математических) областях науки, имеет, следовательно, универсальный характер. Поэтому нет необходимости вытеснить его другим, заимствованным из юриспруденции, понятием. Существует и противоположный взгляд, служащий основанием для выделения «процессуального доказывания». «Необходимо, – пишет Л.М. Карнеева, – четко различать **процессуальное доказывание** как строго регламентированную законом деятельность, включающую обнаружение, получение, проверку и оценку сведений, являющихся доказательствами, от **доказательства логического**, имеющего своим

предметом абстрактные представления и развивающегося по законам логики» [26, стр. 120]. Попытки разграничить познание и доказывание по временному признаку, представив их как качественно разные, хотя и выполняемые иногда одним субъектом операции, предприняты и в уголовно-процессуальной науке. В свое время подобные суждения высказывали Р.Г. Домбровский, а в последние годы – А.А. Давлетов и В.С. Джатиев. Они пытаются вывести внешнепредметную познавательную деятельность за пределы «процессуального доказывания», обозначив ее как «познание» или «исследование» доказательств [7, стр. 142, 143; 8, стр. 23; 11, стр. 158-175]. Показательны в этом отношении суждения Р.Г. Домбровского. «Собирание следователем фактических данных..., – пишет он, – является для него познавательным процессом, а не доказыванием» [10, стр. 18]. Автор утверждает, что следователь становится субъектом доказывания лишь тогда, когда результаты познания он излагает в постановлении о прекращении уголовного дела и обвинительном заключении [9, стр. 85].

Но дело не только в пренебрежении здравым смыслом. Рассматриваемая концепция беспомощна и в методологическом аспекте, так как пытается развести, разъединить процессы извлечения знаний и обоснования их истинности. Согласно этому, познание ограничивают извлечением знаний и в то же время гипертрофируют логический аспект познания – обоснование истинности знания (как об отдельных фактах, так и об их совокупности), составляющий существенный признак доказывания. Между тем нераздельность этих операций не вызывает сомнений в теории познания. Фактически оба эти вида деятельности составляют лишь разные стороны единого процесса познания [16, стр. 267, 268]. Иначе говоря, доказывание в узком смысле этого слова, т. е. обосновывающая деятельность мысли, есть неотделимый элемент познания, проникающий в систему **практических** операций по собиранию и проверке доказательств. Следовательно, познание не предшествует обоснованию вывода, а включает его в себя, хотя на отдельных этапах познавательного процесса извлечение знаний и обоснование их правильности имеют разный – больший или меньший – удельный вес. Так, при формировании конечных выводов – составлении

обвинительного заключения, произнесении обвинительной речи в суде – на первый план выступает логический, обосновывающий элемент познания, в то время как на этапе собирания и проверки доказательств ведущую роль играет извлечение знаний. Однако было бы непростительной ошибкой считать, что в этот момент «доказывание-обоснование» отсутствует, ибо, как давно подмечено в философской науке, логическая категория «доказательство» не является чем-то внешним по отношению к познанию, не состоит в оправдании уже полученных результатов, а внутреннее присущее процессу их получения [32, стр. 140]. Этую же мысль высказывает и П.В. Копнин: «...ошибочным является представление, что процесс достижения истины и доказательство ее являются абсолютно независимыми и не связанными между собой сферами» [13, стр. 159]. Приведем еще одну мысль в пользу сказанного. Собирая доказательства и удостоверяя результаты следственных действий, следователь осуществляет познание не только «для себя», как иногда полагают, а мыслит себя частью познающей системы, в которую входят и последующие адресаты доказывания – прокурор, суд. Именно для убеждения их в доброкачественности аргументов и правильности своих выводов следователь и осуществляет вышеизложенные действия, направленные, в конечном счете, на превращение «истины в себе» (неотраженной и неудостоверенной информации) в «истину для всех». Таким образом, обоснование правильности выводов, т. е. доказывание в логическом аспекте, лишь завершается составлением итогового процессуального акта или произнесением обвинительной речи, начинается же оно и протекает в процессе извлечения знаний, т. е. при собирании и проверке доказательств. И не имеет решающего значения тот факт, что обосновывающая деятельность следователя, дознавателя (и прокурора, утверждающего обвинительное заключение или обвинительный акт) обращена к суду не непосредственно, как это имеет место при произнесении обвинительной речи, а опосредованно – в виде формулирования и обоснования обвинительного тезиса, подлежащего исследованию судом. С учетом сказанного приходим к выводу, что попытки представить познание и доказывание в уголовном процессе как разделенные во времени и

сменяющие друг друга операции не соответствуют реальному положению вещей и исходным положениям гносеологии, утверждения же, что следователь ничего не доказывает, могут лишь дезориентировать практику. Ошибочность подобных представлений стала особенно наглядной с принятием УПК РФ, ст. 85 которого определяет доказывание как деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, ибо эту деятельность, несомненно, осуществляет орган расследования.

В свете сказанного отметим, что в литературе предприняты попытки разграничить познание и доказывание не по временному признаку, а по объему полезной информации, присущей тому и другому. Постижение следователем, дознавателем обстоятельств уголовного дела осуществляется им с учетом и непроцессуальной информации, которая сопровождает доказывание и повышает его эффективность. В этом смысле познание действительно шире доказывания. Однако в подобных суждениях речь идет о познании вообще, об обыденном познании, хотя и осуществляется им в связи с производством по уголовному делу. Такое познание лежит за пределами уголовного процесса и не может считаться уголовно-процессуальным. Уголовно-процессуальное же познание осуществляется в процессуальной форме и поэтому не может быть не чем иным, как доказыванием, т. е. оперированием доказательствами. Сказанное означает, что отсутствуют какие-либо основания к пересмотру сформировавшейся в процессуальной теории концепции, согласно которой доказывание в уголовном судопроизводстве не существует наряду с познанием: оно и есть познание обстоятельств дела, осуществляющееся в особой процессуальной форме [27, стр. 296]. Поэтому доказывание – это специфический юридический, процессуальный термин, обозначающий познавательную деятельность уполномоченного органа государства в сфере юрисдикции, осуществляющую по процессуальным правилам.

Попытки пересмотреть и по-новому определить, понятие доказывания предприняты в процессуальной литературе в последнее время в связи с чрезмерно широкой трактовкой принципа состязательности. Так, известны предложения, вообще отказаться от широкого понимания

понятия доказывания, определенного в ст. 85 УПК РФ, ограничившись его узким аспектом, и рассматривать эту деятельность лишь как логическое обоснование итоговых выводов органов расследования и суда. Предлагается понимать под доказыванием целенаправленную деятельность по логическому обоснованию собранными в установленном уголовно-процессуальным законом порядке по делу доказательствами утверждения о виновности (невиновности) обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления [28, стр. 8, 13]. Так, исходя из принципа состязательности и трактовки органов расследования как односторонних обвинителей, утверждается, что положения ст. 85 УПК РФ, установившей, что собирание, проверка и оценка доказательств есть доказывание, противоречат презумпции невиновности, которая возлагает обязанность доказывания на сторону обвинения. Поэтому предлагается пересмотреть понятие доказывания и понимать под ним «деятельность, направленную на обоснование обвинения», а ст. 85 исключить из УПК РФ [14, стр. 14]. Утверждается, что познавательная деятельность следователя, прокурора есть не доказывание, а деятельность органов уголовного преследования по установлению и обоснованию вины лица в совершении преступления [15, стр. 37]. Собирание же, проверка и оценка доказательств – это не доказывание в традиционном смысле, а не более чем виды, элементы деятельности, направленной опять-таки на доказывание обвинения [15, стр. 43]. Выходит, что они изначально не предназначены (а значит, непригодны) к установлению обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, что звучит как парадокс. Такая позиция затрагивает вызвавший острые дискуссии в литературе вопрос о процессуальной функции следователя (дознавателя), т. е. о том, следует ли считать его односторонним обвинителем или же надлежит исходить из того, что он должен объективно исследовать все обстоятельства дела, в том числе и те, которые ослабляют или опровергают обвинение. По этому вопросу высказались многие исследователи, и вряд ли есть смысл повторять и анализировать все «за» и «против». Приведем наиболее существенные, на наш взгляд, соображения, которые не позволяют видеть в органе расследования субъекта, призванного собирать только обвинительные доказательства.

Первое касается сущности российского уголовного процесса и пределов действия в нем принципа состязательности. И по этому вопросу нет единства среди ученых. Можно, опираясь на ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ, провозгласить, что судопроизводство в России осуществляется на основе состязательности, и с учетом того, что термин «судопроизводство» охватывает и досудебные стадии, утверждать, будто и предварительное расследование построено на основе последовательной состязательности. Но при этом игнорируется тот факт, что наш уголовный процесс в основе своей был и остается смешанным, в котором досудебное производство включает лишь отдельные элементы состязательности [24, стр. 31]. Из ст. 15 УПК РФ следует, что законодатель, провозглашая состязательность принципом процесса, в первую очередь имел в виду производство в суде, так как именно на суд возложена обязанность создать условия для осуществления сторонами их функций, о чем говорится в этой статье, между тем как на досудебном производстве он это делать не в состоянии. На предварительном расследовании также имеет место своеобразное состязательности разделение процессуальных функций, осуществляется судебный контроль, но отсутствует такой существенный признак состязательности, как равноправие сторон, которым они пользуются в суде (ч. 4 ст. 15). Поэтому говорить, что стадия целиком построена на основе состязательности нет ни логических, ни фактических оснований. Второе соображение касается правового регулирования роли следователя, из которого вовсе не следует, что он односторонний обвинитель. Так, положения п. 5 – 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обязывают следователя выявлять обстоятельства, реабилитирующие обвиняемого либо смягчающие степень его ответственности, что явно не согласуется с ролью органа расследования как одностороннего обвинителя. Представляется несомненным, что исследование и установление **всех** элементов предмета доказывания есть **всесторонность** исследования. Но есть и другое, не менее убедительное опровержение тезиса: «следователь – только обвинитель». Это постулат логики, именуемый косвенным апагогическим доказательством [12, стр. 46, 268]. Суть его в том, что утверждение какого-либо положения

возможно лишь при условии опровержения противоположного утверждения. Эту же мысль высказал и Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [1]. Суд указал, что, осуществляя уголовное преследование, прокурор, следователь и дознаватель обязаны принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и отвергнуты стороной обвинения. Из этого постулата следует, что следователь, как сторона обвинения, должен всесторонне исследовать обстоятельства дела и, оставаясь объективным, опровергнуть доводы стороны защиты. Если этого сделать не удалось, то основания для обвинения отпадают.

Предлагаемый узкий взгляд на доказывание лишь как на обоснование выводов аргументируется и новой ролью суда, который традиционно также рассматривался как субъект доказывания. Такое представление сохранилось и в УПК РФ, ч. 1 ст. 86 которого устанавливает, что собирание доказательств наряду с органами расследования осуществляется и судом путем производства процессуальных действий. Однако в трактовках этого предписания учеными наблюдаются существенные различия. Одни исследователи, считая, что в состязательном процессе суд осуществляет роль пассивного арбитра, лишь разрешающего правовой спор, утверждают, что он доказывания не осуществляет (хотя и признают право суда собирать новые доказательства), т. е. субъектом доказывания не является. Другие занимают противоположную позицию, полагая, что суд осуществляет доказывание и обязан принимать меры для установления истины по делу. Определение действительной роли суда в доказывании требуетзвешенного подхода, учета его особого положения в состязательном процессе, что исключает возможность безоговорочного присоединения к той или другой позиции спорящих ученых. При этом нельзя не учесть, что суд играет в доказывании достаточно активную роль.

Эта активность не может быть беспредельной, она ограничена тем, что состязательное судебное следствие мыслится как попеременное представление доказательств сторонами (ст. 274 УПК РФ), которые и должны в этом проявлять необходимую активность. Тем не менее, в исследовании доказательств не может не участвовать и суд, дополняя в необходимых случаях активность сторон. Этот аспект деятельности суда также получил отражение в законе. Как видно из ст. 240 УПК РФ, суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, производит другие судебные действия по исследованию доказательств. Но следует иметь в виду, что даже исследование доказательств, представленных сторонами, фактически представляет собой акт сбириания доказательств, так как суд, фиксируя в протоколе результаты познавательных действий, формирует новые доказательства, которые по своему содержанию могут совпадать с доказательствами, полученными органом расследования, но могут и отличаться от них. Как отмечает И.Б. Михайлова, в этом случае исследование судом доказательств, собранных на предварительном расследовании, как бы «надстраивает» их процессуальную форму, придает им более высокий юридический статус и этим превращает следственные доказательства в «судебные» [17, стр. 39]. Представляется несомненным право суда собирать новые доказательства помимо имеющихся в деле. Прежде всего, это вытекает из обязанности суда проверить представленные ему доказательства, в том числе и путем «получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» (ст. 87 УПК РФ). Было бы странным, если бы суд отверг доказательство, представленное стороной, ввиду его сомнительности, не пытаясь внести ясность посредством допроса новых свидетелей, назначения экспертизы и т. д. К тому же арсенал познавательных средств, имеющихся для этого в распоряжении суда, в новом УПК РФ существенно расширен возможностью проведения в суде освидетельствования, предъявления для опознания, следственного эксперимента. Сам характер этих следственных действий таков, что организовать и произвести их сможет только

«хозяин процесса», т. е. суд, а не стороны. Полагаем, наряду с этим, что новые доказательства могут собираться судом не только для проверки уже имеющихся, но и для устранения пробелов в доказательственном материале, касающемся существенных обстоятельств дела, когда стороны об этом по тем или иным причинам не ходатайствуют. Иное положение вынуждало бы суд выносить приговор, сознавая, что он не отражает действительных обстоятельств исследуемого события, т. е. является необоснованным. **Заметим попутно, что в США – стране, в которой судопроизводство осуществляется на основе классической состязательности, – ст. 614 Федеральных правил о доказательствах разрешает суду вызывать и допрашивать новых свидетелей.**

Поскольку доказывание, как отмечалось, не может быть сведено к логическим операциям по обоснованию выводов, а включает в себя познавательную деятельность, связанную с получением аргументов для обоснования этих выводов, т. е. доказательств, важно выяснить, каким образом в уголовном деле появляются эти аргументы, т. е. доказательства. Закон, ст. 85 УПК РФ, определяет доказывание как собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, образующих предмет доказывания. Следовательно, доказательства создаются на начальном этапе доказывания. Теперь никто из исследователей не возражает против тезиса о том, что готовых доказательств, т. е. показаний, заключений, вещественных доказательств, протоколов и иных документов (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), в природе не существует и существовать не может: объективно существуют лишь следы события, в которых содержится нужная информация. Но эта информация – еще не доказательств. И лишь в процессе познавательно-удостоверительной деятельности определенных субъектов доказывания, наеденных для этого соответствующими правомочиями, информации придается надлежащая процессуальная форма, и возникают, т. е. формируются, доказательства [29, стр. 7, 15, 16]. Рассмотрим более детально, что надлежит понимать под **формированием** доказательств. Не следует упрощать это понятие, считая, что формирование доказательства ограничивается запечатлением полученных

сведений путем применения надлежащих форм фиксации, т. е. протоколированием результатов очной ставки, других следственных действий. Формирование доказательств, как видно из вышеизложенных теоретических положений, в первую очередь состоит в преобразовании первичной доказательственной информации, т. е. извлекаемой субъектом доказывания из следов, оставленных событием [17, стр. 44]. Образы события, хранящиеся в памяти свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, знания, которыми обладает эксперт и специалист, – это еще не доказательства. Информации, сохранившейся в следах события, еще предстоит преобразоваться в доказательства в результате применения соответствующих познавательных процедур. Так, в результате допроса формируются показания (не случайно ст. 76 – 80 УПК РФ устанавливают, что показания – это сведения, сообщенные этими лицами **на допросе**), а в результате назначения экспертизы и исследований, проведенных экспертом, появляется заключение эксперта; протоколы следственных действий (ст. 83 УПК РФ) появляются в результате проведения осмотра, обыска и т. д.

С учетом сказанного следует уточнить, в какой момент доказательство можно считать собранным, т. е. сформированным. Представляется верной мысль, что таким является момент объективизации субъектом доказывания воспринятых им сведений, т. е. их закрепление с помощью предусмотренных законом средств фиксации. Закрепление доказательств – это завершающий элемент их формирования, без которого эту деятельность законченной считать нельзя. «Пока доказательство не рассмотрено и не закреплено процессуально, – писал М.С. Строгович, – нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено» [27, стр. 302]. На первый взгляд некоторым противоречием сказанному являются такие виды доказательств, как вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ) и иные документы (ст. 84 УПК РФ), которые как будто формируются не следователем и не судом, а объективным ходом события (т. е. в процессе, не регулируемом нормами доказательственного права) и включаются в материалы дела в первозданном виде. Но такое

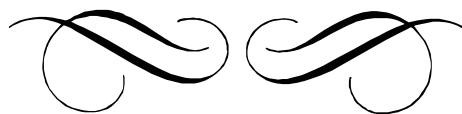
представление не учитывает реального процесса их получения. Так, хотя вещественные доказательства – это предметы, которые служат первозданными источниками информации, сочетаю в себе ее носителя (сам предмет) и сведения, имеющие значение для дела (его признаки – форму, размер, изменения и т. д.), в действительности такой предмет станет доказательством лишь при условии, что его относимость будет выявлена посредством процессуального действия – осмотра с выявлением признаков предмета и месторасположения и закреплением этих обстоятельств путем протоколирования и иных средств фиксации. Соответственно и этот вид доказательства формируется субъектом доказывания путем преобразования «вещной» информации в иную форму, в том числе с помощью описания. Признание предмета вещественным доказательством закономерно оформляется процессуальным актом – постановлением следователя, завершающим процесс его формирования. Нечто схожее наблюдается и при приобщении к делу иных документов. Они, на наш взгляд, могут быть признаны доказательством также только в ходе процессуальной деятельности с обоснованием необходимости их получения (постановление), фиксацией факта их обнаружения, изъятия и представления (протокол), хотя решение об истребовании документа часто не оформляется отдельным постановлением (в ряде случаев достаточно простой запрос). Но и здесь имеет место преобразование информации. В свете сказанного представляется очевидным, что даже непосредственно воспринимаемые следы события, реально существующие явления – место происшествия и его отдельные элементы (труп, повреждения на нем, орудия преступления), помещения и хранящиеся в них предметы, тело человека, документы и т. п. – в процессе формирования доказательств подвергаются преобразованию. Информация, заключенная в следах, при переносе ее в материалы дела меняет

свою первоначальную форму. Еще более многократному преобразованию подвергаются явления действительности, воспринимавшиеся будущими свидетелями, обвиняемыми, подозреваемыми: сначала они трансформируются в образы памяти, затем (на допросе) – в устные сообщения и, наконец, в протокольную запись. Таким образом, преобразование информации в иную форму – это универсальная по отношению к любому виду доказательств процедура, сопровождающая их формирование. Подводя итог сказанному, сформулируем некоторые выводы: 1. Попытка ограничить доказывание лишь обосновывающей деятельностью мысли не соответствует исходным теоретическим представлениям о нераздельности практических и логических познавательных операций, в том числе операций по извлечению знаний и обоснованию их правильности. 2. Также неправомерны попытки противопоставить доказывание и уголовно-процессуальное познание, как по хронологическому основанию, так и по объему используемых знаний, ибо эти явления тождественны. Доказывание не существует наряду с уголовно-процессуальным познанием; оно и есть познание обстоятельств дела, осуществляющееся в особой процессуальной форме. 3. Непродуктивны попытки пересмотреть традиционное представление о доказывании как познавательной деятельности, осуществляющей органами расследования и судом и направленной на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Отсутствуют как нормативно-правовые, так и содержательные аргументы для интерпретации доказывания как деятельности органов уголовного преследования, направленной лишь на обоснование обвинения ввиду того, что: следователь (дознаватель), не будучи односторонним обвинителем, обязан в процессе доказывания объективно отображать все обстоятельства дела, в том числе и несовместимые с обвинением; суд в рамках состязательности процесса также осуществляет познавательно-удостоверительную деятельность.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. –

2004. – №3520. 7 июля.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. – Свердловск, 1973.
 3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры: методология причинного анализа. – СПб., 2005.
 4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема. – СПб., 2002.
 5. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
 6. Бойков А.Д. Защита жертв преступлений в уголовном судопроизводстве РФ // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений. – М., 1998.
 7. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991.
 8. Джатисв В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов-на-Дону, 1991.
 9. Домбровский Р.Г. Криминалистическое познание как форма практической деятельности // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1982.
 10. Домбровский Р.Г. Логика и теория доказательств // Оптимизация расследования преступлений. – Иркутск, 1982.
 11. Домбровский Р.Г. Соотношение познания и доказывания в судебном исследовании // Ученые записки Латв. гос. ун-та. Т. 241. Вып. 11. Вопросы борьбы с преступностью. – Рига, 1975.
 12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М., 1975.
 13. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974.
 14. Лазарев В.А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятие теории доказательств // Юридический аналитический журнал. – Самара, 2006. – №1 (15).
 15. Лазарев В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. – Самара, 2007.
 16. Ларин А.М. Уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М., 1979.
 17. Михайловская И.Б. Соотношение следственных и судебных доказательств // Государство и право. – 2006. – №4.
 18. Мусаев М. Правовая и социальная защита жертв преступности в России. – М.: Человек, 2011.
 19. Мусаев М.А. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №4.
 20. Мусаев М.А. Жертвы преступных посягательств: проблемы регистрации и признания потерпевшими // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – №5.
 21. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
 22. Мусаев М.А. Патерналистская функция государства и проблемы имущественной и психологической реабилитации жертв преступлений // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 7-17.
 23. Мусаев М.А., Третьяков И.Л. Государственная власть и преступность в России // мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 77-87.
 24. Петрухин И.Л. От инквизиции – к состязательности // Государство и право. – 2003. – №7.
 25. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. – М., 1971.
 26. Советский уголовный процесс. – М., 1982.
 27. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1971.
 28. Татаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006.
 29. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1972.
 30. Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М., 1996.
 31. Эйман А.А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. – М., 1985.
 32. Элез И. Единство практического и теоретического в доказательстве истины // Проблемы научного метода. – М., 1964.

НИГМЕТОВ Николай Александрович,
старший преподаватель кафедры оперативно-
розыскной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: nigmetoff@inbox.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

СНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ С ТЕХНИЧЕСКИХ КАНАЛОВ СВЯЗИ КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена такому важному оперативно-розыскному мероприятию, как снятие информации с технических каналов связи. Автор пытается определить ту грань, которую нельзя перейти при проведении данного мероприятия с позиций конституционного обеспечения прав и законных интересов граждан. Он стремится сформировать гармонию интересов человека, общества и государства.

Проблема представлена в контексте противодействия информационному экстремизму в сегодняшней России. Экстремизм является наиважнейшей проблемой современного мирового сообщества. Об этом свидетельствуют и статистические данные, приводимые в работе, и беспокойство руководителей современных государств, в том числе и России, и реальное положение дел в Мире.

В исследовании подробно изучается информационный экстремизм, анализируются положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», выступление Президента России Д.А. Медведева на коллегии МВД России 10 февраля 2012 года, научные публикации по рассматриваемой проблеме С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнашенкова, В.Н. Лопатина, В.Н. Медведева, В.П. Сальникова.

Высказывается беспокойство по поводу обеспечения неприкосновенности прав и законных интересов российских граждан.

Ключевые слова: человек; общество; государство; закон; права и законные интересы граждан; безопасность государства; экстремизм; информационный экстремизм; противодействие экстремизму; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; снятие информации; технические каналы связи.

NIGMETOV N.A.

INFORMATION RETRIEVAL FROM TECHNICAL COMMUNICATION CHANNELS AS OPERATIONAL-INVESTIGATIVE MEANS AND COUNTERACTION TO INFORMATION EXTREMISM IN PRESENT-DAY RUSSIA

The summary. The article is concerned with such important operational-investigative means as information retrieval from technical communication channels. The author attempts to determine the precise boundary that cannot be crossed in carrying out of this measure from the standpoints of constitutional ensuring of citizens' rights and legitimate interests. He aims to create harmony of the interests of individual, society and state.

The problem is presented in the context of counteraction to the information extremism in

today's Russia. Extremism is the most important problem of the modern world community. This is confirmed by the statistical data presented in the paper, the concern of leaders of modern states, among others of Russia, and with it the real state of Affairs in the World.

The research studies in detail information extremism, analyzes the provisions of Federal Law "On Operational-Investigative Activity", the speech of President of Russia D.A. Medvedev to the board of RF Ministry of Internal Affairs on February 10, 2012, scientific papers on the problem at issue of S.I. Zakhartsev, Yu.Yu. Ignashenkov, V.N. Lopatin, V.N. Medvedev, V.P. Sal'nikov.

A concern about securing inviolability of Russian citizens' rights and legitimate interests.

Key words: individual; society; state; закон; citizens' rights and legitimate interests; state security; extremism; information extremism; counteraction to extremism; operational-investigative activity; operational-investigative means; information retrieval; technical communication channels.

В современной России проблема противодействия экстремизму является по настоящему актуальной, так как, невзирая на предпринимаемые органами государственной власти усилия, растет количество преступлений экстремистской направленности, которые представляют собой серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности в нашей стране. Экстремизм становится одной из важнейших проблем и на международной арене, что вызывает особые опасения в век высоких военных технологий, когда личность, становится способной направить весь арсенал современных достижений науки для решения собственных целей и задач. Об этой негативной тенденции свидетельствует и статистические данные.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России только в 2010 году было совершено 581 преступление террористического характера и 656 преступлений экстремистской направленности [18], а только за первое полугодие 2011 года было совершено 370 преступлений террористического характера и 346 преступлений экстремистской направленности. В январе – октябре 2011 года зарегистрировано 506 преступлений экстремистской направленности [17], что в целом свидетельствует о росте числа таких преступлений в России.

Рост данного вида преступности во время своего выступления 10 февраля 2012 года на расширенном заседании коллегии МВД России отметил Президент РФ Д.А. Медведев, и обратил внимание на то, что одной из актуальных задач остаётся предупреждение и своевременное пресечение актов экстремизма. «Мы живём в

исключительно сложном государстве, наверное, самом сложном государстве, которое только можно себе представить, федеративном, многонациональном, многоконфессиональном, самом большом в мире по территории. И на сотрудниках полиции лежит особая ответственность за сохранение мира и согласия в нашем обществе.

Лиц, которые желают разжечь межнациональную рознь в угоду своим политическим или личным амбициям, к сожалению, у нас хватает, как это ни печально. И в качестве повода могут использоваться самые различные проблемы, в том числе и ошибки в сфере обеспечения правопорядка. Много примеров. Так, кстати, было и год назад, когда катализатором массовых волнений послужило бездействие правоохранительных органов. Нельзя допускать подобных ситуаций, нельзя давать им разгораться. Это риск для существования страны, поэтому нужно самым решительным образом пресекать любые попытки разыграть национальную карту» [6].

В последние годы властями РФ был предпринят ряд правовых и организационных мер, направленных на противодействие экстремизму, например, принят Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2], внесены соответствующие изменения и дополнения в УК РФ и КоАП РФ, в МВД РФ создано Главное управление по противодействию экстремизму и, тем не менее, количество преступлений против жизни, здоровья, общественной безопасности, совершаемых из экстремистско-националистических побуждений, не сократилось.

Наиболее распространенным видом экстремизма является информационный экстремизм. Особенno актуальной данная проблема стала благодаря развитию коммуникативных технологий и становлению глобального информационного пространства. Под информационным экстремизмом понимается вид противоправной деятельности, осуществляющей с использованием информационных технологий и сопряженной с формами социально-психического и деструктивного влияния, в результате которых достигаются публично нелегитимные цели, и наносится вред законным интересам, правам и свободам граждан [21, стр. 73-74].

Экстремистский характер злоупотребления правом проявляется в информационной сфере тогда, когда институциональные субъекты реализуют свои субъективные права на производство, распространение и доступ к информации, осуществляя при этом воздействие, ставящее целью изменение личностных установок, идеологии, принципов, мировоззрения, приводящее к соответствующему индивидуальному или групповому поведению, а также созданию общественного мнения, выгодного воздействующей стороне. В российских условиях эта деятельность провоцирует этнополитическую, социально-экономическую, институционально-правовую и духовно-нравственную нестабильность, способствует ослаблению национальной государственности, порождает сепаратистские настроения, религиозную и иную нетерпимость и т. п. [19, стр. 7-9].

Информационный экстремизм характеризуется следующими параметрами: 1) радикальностью действий в достижении целей, реализации интересов; 2) антисоциальностью, поскольку нарушает исторически сложившиеся формы и модели социально-правового взаимодействия, подрывает существующий баланс интересов, создавая между ними конфликтогенное пространство взаимодействия; 3) аморальностью, так как всегда идет в разрез с духовно-нравственными нормами, направлен на их нивелировку и разрушение, поскольку кризис духовно-нравственного пространства, фрагментарность его функционирования открывает простор для интенсивного развития экстремистской деятельности; 4) институциональностью, он «вызревает» и институционализируется в пограничных условиях

и маргинальных пространствах; 5) искажением политico-правового мышления, поскольку субъект экстремистской деятельности обладает чаще всего деформированным сознанием, что обуславливает его отчуждение от социально-культурных и политico-правовых норм и ценностей; 6) противоправностью результатов, поскольку функционирование информационного экстремизма в ряде случаев соответствует закону, но реализует предоставленные возможности в противоположных целях. Информационный экстремизм посредством современных технологий массовой коммуникации имеет безличный, анонимный характер [19, стр. 9-10].

Данный вид экстремизма чаще всего реализуется посредством глобальной сети Интернет. Наиболее популярные элементы интернет-пространства как форумы и микроблоги (twitter), используются информационными экстремистами как «площадки» для публикаций экстремистских установок, идей и других противоправных замыслов. Действия, происходящие на форумах, на активных стадиях осуществления экстремистских действий приносят наиболее ощутимый эффект в тех случаях, когда власть пытается ограничить доступ населения к реальной информации о происходящих событиях. Если деятельность интернет-форумов не заблокирована (а если она и блокируется, то только тогда, когда форумы становятся самым популярным источником получения информации), они начинают вполне успешно играть роль «народных» средств массовой информации [8].

Для достижения целей политическими экстремистами twitter используется весьма активно. Этому способствует возможность отправки личных сообщений, доступных лишь адресату [5].

Выходя в Интернет, экстремистские идеи как раковая опухоль начинает давать метастазы в тех районах, в которых об этих идеях даже не имели понятия [6].

В рамках расширенной коллегии МВД РФ, к одним из приоритетных направлений деятельности полиции президент Российской Федерации Д.А. Медведев отнес создание «принципиально новых» подразделений, которые будут ориентированы на выявления и раскрытие очень сложных в технологическом плане преступлений. Интернет нередко содержит информацию о готовящемся преступлении и сам может являться

площадкой для противоправных действий, в том числе и экстремистского толка [15].

В системе МВД России большое значение в противодействии экстремизму имеет работа оперативных подразделений полиции, которые осуществляет борьбу с преступностью путем предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений по делам, о которых предварительное следствие обязательно. Оперативно-розыскные возможности полиции используются для предупреждения экстремистских акций в местах массового пребывания людей, проведения крупномасштабных оперативно-профилактических и контртеррористических операций; спасения людей, пострадавших при террористических акциях; контроля за соблюдением установленных правил осуществления частной детективной и охранной деятельности; оборота служебного и гражданского оружия и др.

Подразделения по противодействию экстремизму (Главное управление по противодействию экстремизму МВД России; управление, отдел Главного управления на транспорте МВД России по указанному направлению деятельности; центры, группы по противодействию экстремизму в территориальных органах МВД России) – осуществляют оперативно-розыскную деятельность в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1].

В компетенцию подразделений по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации входит выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, нарушением правил их эксплуатации, пресечением незаконного оборота радиоэлектронных и специальных технических средств. Эти подразделения также занимаются контролем за электромагнитными и другими полями, возникающими в результате передачи данных по сетям электронной связи, работы компьютерных сетей, телекоммуникационных информационных систем.

Исходя из вышеперечисленного оперативно-розыскные мероприятия, направленные на противодействие экстремизму, должны учитывать изменения в современном обществе, рост

значимости Интернета и коммуникационных систем.

Снятие информации с технических каналов связи – это оперативно-техническое мероприятие, заключающееся в перехвате с помощью специальных технических средств открытой (незашифрованной) информации, передаваемой проверяемыми лицами по техническим каналам связи [11; 13]. Термин «технические каналы связи» в других законодательных актах, кроме Закона об ОРД, не встречается, поэтому его содержание весьма неопределенno. В ведомственной инструкции, объявленной Приказом МВД России от 10 июня 1994 г., к техническим каналам отнесены телексные, факсимильные, селекторные, радиорелейные каналы передачи данных, линии абонентского телеграфирования и т. п.

Правомерно отнести сюда компьютерные сети и различные радиопереговорные устройства, основанные на использовании радиоволн. Данное мероприятие осуществляется только на основании соответствующего судебного решения с использованием оперативно-технических сил и средств органов внутренних дел и Федеральной службы безопасности. Порядок снятия информации с технических каналов связи и оформление их результатов регламентируются отдельными межведомственными и ведомственными нормативными актами. Гласное снятие информации проводится непосредственно сотрудником оперативного подразделения с привлечением при необходимости лиц, оказывающих ему добровольное содействие, в том числе и специалистов. Результаты снятия информации оформляются при проведении лично сотрудником оперативного подразделения справкой или рапортом; при участии других лиц, в том числе специалистов, актом. В случаях использования при снятии информации компьютерных дисков и иных физических носителей копированной информации это оформляется в виде приложения к вышеуказанным документам или отдельными документами (справками, актами и т. п.). Полученные носители информации могут быть впоследствии представлены следователю для использования в процессе доказывания по уголовным делам при отсутствии в них сведений, составляющих государственную тайну.

При снятии информации с компьютерных сетей,

с жесткого диска компьютера необходимо соблюдать предельную осторожность и допускать к производству этих действий специалиста высокого класса, поскольку программы, содержащие интересующую правоохранительные органы информацию, нередко настроены на самоуничтожение в случае несанкционированного доступа. Преодолеть действующую систему защиты оперативный работник самостоятельно, как правило, не в состоянии.

Снятие информации с технических каналов связи эффективное и полезное для органов ОРД оперативно-розыскное мероприятие. Можно сказать даже перспективное, учитывая развитие современных информационных отношений и повышение оснащенности преступного мира. Также это инструмент по обеспечению

информационной безопасности нашей страны [3; 4; 12; 14; 16; 20]. Самое главное, чтобы органы, осуществляющие ОРД, нашли ту тонкую грань, что разделяет конституционные права и свободы человека и гражданина и государственную безопасность, обеспечение правопорядка. В этом должностным лицам этих органов должен помогать закон и их профессиональное правосознание и разумный механизм контроля.

Анализу актуальных проблем, связанных с использованием данного оперативно-розыскного мероприятия, посвящены весьма удачные книги [7; 9; 10], однако необходимость дальнейшего исследования этих вопросов очень важна. Главное здесь: обеспечение прав и законных интересов граждан и безопасность общества и государства.

Список литературы

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 августа 2011 г. № 938 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Российская газета. – 2009. – Федеральный выпуск №4829. 16 января.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание. – СПб., 1999.
4. Возженинов А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
5. Гапич А.Э. Микро-блоги twitter: особенности использования политическими экстремистскими движениями // Материалы конференции: «Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия. 9-10 декабря 2010 г.» / Ред. кол. Л.В. Карнаущенко, Е.О. Кубякин, Е.М. Куликов, В.Н. Ракачев. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2010. – С. 49-52.
6. Глухарев Д.С. Борьба с экстремизмом в современном медиа пространстве // Материалы конференции: «Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия. 9-10 декабря 2010 г.» / Ред. кол. Л.В. Карнаущенко, Е.О. Кубякин, Е.М. Куликов, В.Н. Ракачев. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2010. – С. 52-54.
7. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005.
8. Жуков Д.Н. Молодежь и интернет-форумы: некоторые особенности взаимодействия // Материалы конференции: «Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия. 9-10 декабря 2010 г.» / Ред. кол. Л.В. Карнаущенко, Е.О. Кубякин, Е.М. Куликов, В.Н. Ракачев. – Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2010. – С. 72-74.
9. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
10. Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
11. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. – М., 2011.
12. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб., 2000.
13. Основы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.Б. Рушайло. – СПб.: Лань, 2000.
14. Правовое обеспечение национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2005.

15. Расширенная коллегия Министерства внутренних дел. 10 февраля 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.kremlin.ru.
16. Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Механизм обеспечения национальной безопасности в России: некоторые вопросы правовой теории и идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 27-34.
17. Состояние преступности в России за 1 полугодие 2011 года. – М.: ГИАЦ МВД РФ, 2011.
18. Состояние преступности в России за 2010 год. – М.: ГИАЦ МВД РФ, 2010.
19. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
20. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность российского государства: политico-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008.
21. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – М., 2009.

БАЙРАМОВ Рамзи Раджабович,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института управления и
права,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bairamov-rr@mail.ru

НИКУЛЕНКО Андрей Вячеславович
преподаватель кафедры уголовного права Санкт-
Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: nikulenka@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ (ОПЫТ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Аннотация. В статье анализируется зарубежное законодательство, регламентирующее основания причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние.

Ключевые слова: причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние.

BAIRAMOV R.R.
NIKULENKO A.V.

MODERNIZATION OF THE CRIMINAL LAW OF THE DAMAGE CAUSED DURING THE ARREST THE PERSON WHO COMMITTED SOCIALLY DANGEROUS ACT ON THE BASIS OF THE EXPERIENCE OF NEIGHBORING COUNTRIES

The summary. The article analyzes foreign legislation governing the grounds of injury during the arrest the person who committed socially dangerous act.

Key words: injury during the arrest the person who committed socially dangerous act.

Как еще в начале прошлого века справедливо говорил Н.Д. Сергеевский, «научное исследование не может ограничиваться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств... Вся задача при пользовании чужеземным материалом заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет, – он должен

служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом слепого подражания» [17, стр. 2-3].

Уголовное законодательство, действующее на территории бывшего СССР, содержит нормы, регламентирующие основания и условия причинения вреда при задержании. Этому способствовало принятие на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.

– Модельного уголовного кодекса для стран СНГ [8, стр. 100].

Указанный нормативный акт законодательно регламентировал основания и пределы причинения вреда при задержании в статье 41, которая, кстати, названа «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние», то есть, распространяя сферу ее действия не только на преступника, но и лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу, например, возраста или невменяемости [2, стр. 67-75; 3, стр. 14-24; 4, стр. 7-31].

Однако, в последующий период, при принятии собственных уголовных законов большинство стран – участниц СНГ воспроизвели в той или иной мере не текст данной статьи, а соответствующую норму УК РФ, с ее, как представляется, значительно большими недостатками [6, стр. 312].

О задержании лица, совершившего именно преступление, а не общественно опасное деяние (как в Модельном УК), говорится в УК Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Украины [20; 21; 22; 23; 25; 28; 29; 30; 32; 33].

По иному пути пошел Узбекистан. Действующая редакция Уголовного кодекса Узбекистана была принята 22 сентября 1994 года и вступила в силу с 1 апреля 1995 года (утверждена Законом РУ от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII). Следует отметить, что это первый УК, принятый на постсоветском пространстве. Ст. 39 УК Республики Узбекистан прогрессивно (по сравнению с УК РФ) называется «Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние». Кроме того, Узбекский УК содержит указание на учет личности задерживаемого, силы и возможности задерживающего, его душевное состояние и другие обстоятельства, связанные с фактом задержания при решении вопроса о соответствии средств и методов задержания [31, стр. 78].

Вызывает интерес еще один немаловажный факт – УК Узбекистана предусмотрена уголовная ответственность с 13 лет. В соответствии со ст. 17 Узбекского УК, она наступает за убийство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 97). Таким образом, расширяется сфера уверенного действия института причинения вреда при задержании, хотя Узбекский УК и так в ст. 39

говорит не о преступлении, а именно – об общественно опасном деянии. С учетом современных российских криминологических реалий, отечественному законодателю следует обратить внимание на указанную норму (имеется в виду ст. 17 – возраст уголовной ответственности).

Тем не менее, узбекские правоведы считают, что необходимо увеличить количество и расширить сферы применения уголовно-правовых поощрительных норм [15, стр. 325-354].

Глава VIII УК Кыргызской Республики «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», в отличие от УК РФ, не содержит в качестве такового физическое или психическое принуждение, а в остальном фактически копирует соответствующие статьи российского УК в их первоначальной редакции [25, стр. 61-65; 19, стр. 155-173]. Однако в нем отсутствует указание на такое условие, как невозможность задержания лица иным, ненасильственным способом. Впрочем, такого условия нет и в уголовных кодексах Армении, Грузии, Молдовы и Украины [7, стр. 140].

УК Республики Казахстан весьма своеобразно поступил с соответствующей нормой. Статья 33 названа «Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство» [24, стр. 54-55]. Однако, как подмечает С.Ф. Милюков, «в части первой данной статьи говорится о причинении вреда лицу, совершившему именно преступление, а не общественно опасное посягательство. Последним термином законодатель пользуется в части третьей, а части второй мы видим одновременно их оба. Ясно, что такая терминологическая путаница способна породить серьезные проблемы при применении рассматриваемых норм в следственной, прокурорской и судебной практике» [7, стр. 142].

УК Республики Таджикистан повторяет ошибку Узбекского УК указанием на «явное несоответствие средств задержания опасности деяния и лица, его совершившего», как превышение мер, необходимых для задержания. Этим указанием существенно ограничиваются возможности применения оружия и специальных средств при задержании. Хотя в нем учтены силы и возможности задерживающего, его душевное состояние другие обстоятельства [29, стр. 55]. Аналогичные недостатки присущи УК Азербайджанской Республики [20, стр. 63-64; 16,

стр. 32-46].

Уголовное законодательство Молдовы и вовсе закрепило в отдельной статье (статья 35 УК Республики Молдова) перечень «обстоятельств, устраниющих уголовный характер действия». Право на задержание в указанном уголовном законе вообще не ограничивается какими-либо условиями: «Не является преступлением действие, предусмотренное уголовным законом, совершенное с целью задержания лица, совершившего преступление и передачи его правоохранительным органам» [28, стр. 132-135]. «Представляется, что такая лапидарность неоправданна, поскольку она открывает дорогу для произвола со стороны задерживающих (прежде всего представителей власти)» [7, стр. 141].

Ст. 38 УК Украины гласит: «Не признаются преступными действия потерпевшего и других лиц непосредственно после совершения посягательства, направленные на задержание лица, совершившего преступление, и доставление его в соответствующие органы власти, если при этом не было допущено превышения мер, необходимых для задержания такого лица».

Таким образом, получается, что причинять вред при задержании лица, совершившего преступление даже в недалеком прошлом уже нельзя. Однако О.О. Дудоров несколько расширяет пределы ее действия: «Задержание осуществляется непосредственно после совершения преступления. Употребленный в законе термин «непосредственно» не следует понимать в том смысле, что лицо, совершившее преступление, может быть задержано только на месте совершения преступления сразу же после его совершения. Положения ст. 38 распространяются также на случаи, когда такое лицо покинуло место преступления, а потерпевший или другие лица вынуждены были осуществлять его преследование, и задержали его через некоторое время вне места совершения преступления» [9, стр. 343]. По мнению других ученых, задержание может быть произведено лишь в момент или непосредственно после совершения преступного посягательства. Поэтому задержание, произведенное спустя какое-то время, т. е. не непосредственно после совершения преступного посягательства, является неправомерным [1, стр. 311-316].

Если лицо, осуществляющее задержание,

вследствие сопротивления лица, совершившего преступление, не могло по обстоятельствам дела осознавать несоответствие принятых ею мер обстановке задержания, ответственность за превышение мер, необходимых для задержания, не наступает» [9, стр. 344].

УК Республики Беларусь (ст. 35) позволяет задерживать лицо с причинением ему вреда, когда оно пытается или может скрыться от следствия и суда. Превышение мер, необходимых для задержания, влечет за собой уголовную ответственность в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. Законодательно закреплено право на задержание лица, совершившего преступное деяние, наряду со специально уполномоченными лицами, потерпевшими и другими гражданами (ч. 3 ст. 35).

Принципиально важным отличием УК Беларуси является наличие ст. 37 «Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния», которая гласит: «Если вследствие заблуждения лицо считало, что находится в состоянии необходимой обороны либо крайней необходимости, либо осуществляло задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было и не могло осознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются по правилам ст. 34, 35, 36 настоящего Кодекса (то есть как совершенные при указанных обстоятельствах).

Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности» [22; 13, стр. 52].

Наличие указанной нормы в уголовном законе Беларуси позволяет говорить о его лучшей проработанности по сравнению с УК России, тем более что подобные предложения отечественному законодателю были высказаны в 2002 и 2004 гг. [12, стр. 15; 10, стр. 16-17].

Обращаясь к уголовному законодательству стран Прибалтики, не вошедших в СНГ, прежде всего, следует обратиться к УК Литовской Республики. В Литовском УК, помимо содержащихся в УК РФ, включены и другие законодательные новеллы, а именно: ст. 30 – исполнение профессиональных обязанностей,

ст. 32 – исполнение задания правоохранительной инстанции, ст. 35 – научный эксперимент. Статьей 29 указанного уголовного закона «задержание лица, совершившего преступное деяние» предпринята попытка детального регламентирования пределов правомерности причинения вреда при задержании. Так, например, часть первая гласит: «лицо не подлежит ответственности согласно с настоящим Кодексом за действия, если при погоне, задержании, пресечении побега или иных действиях причинило имущественный ущерб, небольшой тяжести, а равно тяжкий вред здоровью по неосторожности лицу, совершившему преступное деяние и активно пытающегося избежнуть задержания, а также при задержании на месте преступления лица, совершившего умышленное убийство или покушение на убийство – за тяжкий вред здоровью, если иными средствами задержать лицо, совершившее преступное деяние, не представлялось возможным». Там же предпринята еще одна попытка, но уже законодательного разграничения задержания и необходимой обороны: «в отношении лица, оказавшего сопротивление при задержании лица, совершившего преступное деяние, применяются правила необходимой обороны, предусмотренные статьей 28 настоящего Кодекса» [27, стр. 144-145]. Таким образом, законодательно закреплено, что сопротивление при задержании должно оцениваться именно по правилам о необходимой обороне, как более льготном (в том числе по Литовскому законодательству) для правомерно действующих лиц.

На наш взгляд, детальное регламентирование указанной нормы, хотя и не способно охватить особенности всех жизненных ситуаций, тем не менее, в явных случаях, таких как убийство, позволяет причинять задерживаемому вплоть до умышленного тяжкого вреда здоровью. Это позволяет лицу, осуществляющему задержание, не тратить время на выбор соответствующих совершенному преступлению мер.

Следует отметить, что литовский законодатель обоснованно предусмотрел возможность причинения материального вреда задерживаемому в процессе задержания. Причем степень (размер материального ущерба) этого вреда не детализирована, что позволяет сделать вывод о его непреступности в любом размере. Таким образом, не подлежит возмещению вред

причиненный, например, дорогому автомобилю задерживаемого лица.

«Эстония, в отличие от других бывших союзных республик, пошла не по пути принятия нового уголовного кодекса, а ввела в 1992 г. новую редакцию УК Эстонской ССР, сохранив тем самым многие положения законодательства советского периода» [7, стр. 143]. Ст. 13.1 «Задержание преступника» откровенно лаконична: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но направленное на задержание преступника» [34, стр. 47].

Однако с 1 сентября 2002 г. вступил в силу новый Уголовный (или дословно Пенитенциарный) кодекс Эстонской республики [11]. Уголовное законодательство Эстонии в связи с принятием нового Пенитенциарного кодекса существенным образом изменилось [14]. Оно предусматривает составы преступлений и проступков, а также возможность наказания юридического лица. Кодекс основан на немецком уголовном праве, зиждется на известной с 19-го века деликтной структуре, где состав преступления представляет собой не основание, но лишь первый уровень деликтной структуры (объектный состав и субъективный состав). Второй уровень – противоправность деяния (отсутствие обстоятельств, исключающих ответственность). Третий уровень – вина в нормативном понимании (возможность поставить деяние в упрек).

Пенитенциарный кодекс Эстонии содержит § 27, дающий определение противоправного деяния. Обстоятельствами, исключающими противоправность деяния, являются: необходимая оборона – § 28, крайняя необходимость – § 29, коллизия обязательств – § 30. Ошибка в обстоятельстве, исключающем противоправность деяния, специально регулируется § 31. «Если лицо ошибочно полагает, что действует правомерно, то содеянное, хотя и умышленное, не считается противоправным и ответственность лица решается согласно правилу наказуемости неосторожного преступления. Если же лицо при совершении деяния не знало об обстоятельствах, объективно исключающих противоправность содеянного, оно будет наказано за покушение на преступление» [18, стр. 380-391].

Следует отметить явный регресс эстонского законодательства применительно к теме

настоящего исследования. Норма о причинении вреда при задержании в нем попросту отсутствует.

Интересна статья 31 УК Латвийской Республики [5, стр. 174-189] «Задержание с причинением лицу вреда». По мнению С.Ф. Милюкова, в ней смешаны понятия причинения вреда при задержании и необходимой обороны [7, стр. 143]. Часть первая указанной статьи гласит: «Задержанием с причинением лицу вреда признается действие, направленное против лица, совершающего или совершившего преступное деяние. Уголовная ответственность за это действие не наступает, если не допущено явное несоответствие причиненного лицу вреда характеру действия, неподчинения или сопротивления».

Очевидно, что латвийский законодатель явно перестарался, стремясь предусмотреть условия правомерности причинения вреда при задержании. Понятие «явного несоответствия» носит оценочный характер и может служить основанием для произвола правоприменителя. Включение же в текст нормы указания на сопротивление сводит на нет попытку выделения указанного обстоятельства из необходимой обороны.

Часть третья гласит: «Если действия, которыми был причинен вред задерживаемому

лицу, не являлись необходимыми для его задержания, ответственность за причиненный вред наступает на общих основаниях» [26, стр. 70-71].

Указанная норма «убивает» всю законную инициативу граждан по задержанию преступника. Ведь соответствие мер задержания характеру деяния, как мы уже говорили, носит оценочный характер. Таким образом, следовало бы учитывать это обстоятельство в качестве смягчающего, что, впрочем, и сделано – п. 8 ч. 1 ст. 47 (Обстоятельства, смягчающие ответственность) относит к ним: «преступное деяние совершено с нарушением условий правомерности необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступное деяние, оправданного профессионального риска, выполнения преступного приказа и распоряжения».

Таким образом, в той или иной степени обстоятельства, исключающие преступность деяния содержатся в уголовном законодательстве большинства стран бывшего СССР. Однако современное российское законодательство уделяет больше внимания регламентации правомерного причинения вреда правоохраняемым интересам, не влекущего уголовной ответственности.

Список литературы

1. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право Украины: Общая часть: Учебник / Под ред. М.И. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тация. – Киев, 2003.
2. Волженкин Б.В. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Государство и право. – 1996. – № 5. – С. 67-75.
3. Волженкин Б.В. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ и новое уголовное законодательство России // Проблемы уголовного права в связи с реформой уголовного законодательства. Сборник научных трудов. – М., 1997. – С. 14-24.
4. Волженкин Б.В. Модельный Уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств – участников содружества независимых государств // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сборник научных статей. – М., 2002. – С. 7-31.
5. Крастиньш У. Новый Уголовный закон Латвии // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сб. науч. ст. – М., 2002. – С. 174-189.
6. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Новейшие подходы к изучению правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 3.
7. Милюков С.Ф. Модернизация института задержания преступника: возможности использования зарубежного опыта // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летнему юбилею юридического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, 20-21 ноября 2008 года). Вып. 5, ч. 5: Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика. – Воронеж, 2009.
8. Модельный уголовный кодекс: рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств

- // Приложение к информационному бюллетеню Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.
9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Украины / Под ред. М.И. Мельника, М.И. Хавронюка. – Киев: Канон, А.С.К., 2001.
10. Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004.
11. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики. Провозглашен Президентом Республики 26 июня 2001 года. Постановление № 1099. Вступил в действие с 01 сентября 2002 г. Источник публикации: RTI. 2001. 06 июля. 61. 364 // Государственный вестник на русском языке. Правовые акты Эстонии. № 1. 31 января 2003 года, а также: Правовые акты Эстонии. № 17. 2005. 6 декабря.
12. Попов К.И. Актуальные вопросы ответственности за превышение пределов необходимой обороны // Черные дыры в российском законодательстве. – 2002. – № 2.
13. Рабаданов А.С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния по уголовному законодательству России и зарубежных стран: Учебное пособие / Под общ. ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов, 2003.
14. Риккас Е.В. Убийство при отягчающих обстоятельствах по уголовному законодательству Эстонской Республики (Сравнительно-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
15. Рустамбаев М.Х., Якубов А.С. Уголовное законодательство Узбекистана: история создания, действительность, перспективы развития // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сборник научных статей / Под ред. Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой. – М., 2002.
16. Самандаров Ф.Ю., Гюльалиева Р.А. Некоторые вопросы Общей части в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сб. науч. ст. – М., 2002.
17. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. Изд. 8-е. – СПб., 1910.
18. Соотак Я. Общая характеристика Уголовного кодекса Эстонской Республики // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сб. науч. ст. – М., 2002. – С. 380-391.
19. Сыдыкова Л.Ч. Особенности Уголовного кодекса Кыргызской Республики // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии. Сб. науч. ст. – М., 2002. – С. 155-173.
20. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. – СПб., 2001.
21. Уголовный кодекс Республики Армении. – СПб., 2004.
22. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб., 2001.
23. Уголовный кодекс Грузии. – СПб., 2002. – 409 с.
24. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – СПб., 2001.
25. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – СПб., 2002.
26. Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб., 2001.
27. Уголовный кодекс Литовской Республики. – СПб., 2003.
28. Уголовный кодекс Республики Молдова. – СПб., 2003.
29. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. – СПб., 2001.
30. Уголовный кодекс Туркменистана // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 1997. – № 2. – Ст. 9.
31. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб., 2001.
32. Уголовный кодекс Украины. – СПб., 2001.
33. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по сост. на 5 апреля 2010 г.). – Харьков, 2010.
34. Уголовный кодекс Эстонской Республики / Науч. ред. В.В. Запевалов. – СПб., 2001.

ПИРОВ Мухриддин Таварович,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-
Петербургского университета МВД России,
старший оперуполномоченный Отдела по
оперативно-розыскной работе Управления
внутренней безопасности МВД Республики
Таджикистан
E-mail: piroff@mail.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности расследований таких опасных преступлений, как торговля людьми и использование рабского труда. Автор ведет речь о юридической оценке действий виновных лиц; о планировании, организации и управлении расследованием; об определении предмета и пределов доказывания; о выборе и использовании наиболее эффективных приемов тактики и методики расследования; о некоторых других специфических особенностях.

Опираясь на творчество известных советских и российских криминалистов Р.С. Белкина, И.А. Возгрина, Н.П. Яблокова он выделяет в стадии предварительного следствия три этапа: первоначальный, последующий и заключительный. Применительно к каждому из этих этапов анализирует различные следственные ситуации. Формулирует те ситуации, которые объективно подтверждаются правоприменимой практикой и могут служить основой для организации эффективного расследования преступления.

Автор акцентирует внимание на то, что применительно к рассматриваемым видам преступлений возможно формирование программ расследования в отношении отдельных квалифицированных составов.

Ключевые слова: расследование преступлений; торговля людьми; использование рабского труда; методика; специфические особенности; планирование, организация, управление расследованием; предмет и пределы доказывания; приемы тактики и методики расследования; этапы расследования.

PIROV M.T.

HUMAN TRAFFICKING AND THE USE OF SLAVE LABOR: SPECIFIC FEATURES OF CRIMES INVESTIGATION

The summary. The article considers the specific features of investigations of such dangerous crimes as human trafficking and the use of slave labor. The author concerns as follows: legal assessment of guilty persons' actions, planning, organization and management of investigation; definition of fact in proof and its limits; selection and use of the most efficient tactics technique and methods of investigation; some other specific features.

Based on the works of famous Soviet and Russian criminalists R.S. Belkin, I.A. Vozgrin, N.P. Yablokov he distinguishes three phases in the stage of preliminary investigation: initial, later and final. With reference to each of these phases he analyzes various investigative situations.

The author formulates the situations which are objectively confirmed by the law enforcement practice and can serve as a basis for the organization of effective investigation of the crime.

The author focuses on the fact that with respect to the considered types of crimes it is possible to form investigation programs for certain qualified components.

Key words: investigation of crimes; human trafficking; use of slave labor; technique; specific features; planning, organization, management of investigation; fact in proof and its limits; tactics technique and methods of investigation; investigation phases.

Расследование преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда, имеет свои специфические особенности, в силу чего у следователей и лиц, производящих расследование, возникает немало трудностей, связанных с юридической оценкой действий виновных лиц, планированием; организацией и управлением расследованием, определением предмета и пределов доказывания, выбором и использованием наиболее эффективных приемов тактики и методики и рядом других проблем.

Говоря о следственных ситуациях, складывающихся при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 127.1 и 127.2 УК РФ необходимо отметить, что их принято выделять, применительно к каждому этапу расследования преступления. В вопросах последовательности этапов, мы придерживаемся позиции таких ученых-криминалистов, как Р.С. Белкин, И.А. Возгрин и Н.П. Яблоков [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Исходя из этого, мы так же считаем необходимым выделять в стадии предварительного следствия три этапа: первоначальный, последующий и заключительный.

Применительно к каждому из данных этапов возможно выделение следственных ситуаций, опосредуемых информационной базой, складывающейся на каждом из них. Границы данных этапов весьма размыты и подвижны. В связи с этим, они могут определяться отдельно, применительно к каждому виду преступления. Вопрос о границах этапа является дискуссионным, даже применительно к первоначальному этапу. Так, С.Р. Абрамова считает, что по делам о торговле несовершеннолетними началом этапа следует считать возбуждение уголовного дела либо производство осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела [1, стр. 23].

Мы разделяем данную позицию отчасти, так как возбуждение уголовного дела составляет самостоятельную стадию досудебного

производства, за которой не всегда следует стадия предварительного расследования. Кроме того, этапы расследования, с тактической позиции, как нам представляется, целесообразнее выделять после принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это связано с тем, что именно от следственной ситуации, складывающейся после сбора первоначальной информации о преступлении, следователю становится понятно каким образом должно быть организовано производство расследования.

На первоначальном этапе расследования следственные ситуации, во многом, зависят от способа выявления преступления, наличия данных о потерпевшем и преступниках. Существующие в научной литературе подходы к выделению следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования, в целом, не имеют существенных разногласий, что может говорить о едином подходе к выделению самих ситуаций. Это, в свою очередь, положительно сказывается на формировании единой и непротиворечивой методике расследования рассматриваемых видов преступлений. Так, Г.К. Смирнов выделяет три группы информационных элементов (компонентов):

1-я группа включает в себя информационные элементы о пострадавшем. В ней выделяются следующие следственные ситуации:

- а) место нахождения пострадавшего (страна, регион, точный адрес) известно;
- б) место нахождения пострадавшего не известно; в) известны ли все пострадавшие.

2-я группа объединяет информационные элементы о расследуемом событии. Сюда автором включены такие элементы, как: а) носит ли расследуемое преступление единичный характер или является элементом канала торговли людьми; б) если преступление входит в канал торговли людьми, то является ли он действующим или прекратил свое существование; типичен ли для него гласный или негласный способ совершения

отдельных преступлений; является ли он структурированным или неструктурным, транснациональным или региональным, предполагает ли типичный для данного канала торговли людьми, способ совершения единичных составляющих его преступлений применение в отношении жертв насилия, опасного для жизни или здоровья в целях обеспечения их повиновения; известны ли: его субъектный состав, маршрут, способы вовлечения, перевозки жертв, скрытия преступлений, направления движения денежных средств, распределения прибыли, используемой торговцами людьми техники для связи, вид эксплуатации и иные элементы, имеются ли у кого-либо из участников канала торговли людьми связи с представителями органов государственной власти, местного самоуправления; в) если расследуемое событие носит характер единичного преступления, на каком этапе реализации преступного умысла оно находится: подготовки, совершения, уже совершено.

В 3-ю группу включаются информационные элементы о причастных к расследуемому событию лицах, в частности: а) известны ли все лица, преступные формирования или действующие внешне легально компании, а также должностные лица, причастные к совершению расследуемого преступления; б) известны ли функции и роли каждого из соучастников в расследуемом событии; в) известно ли место их нахождения в настоящее время; г) задержан ли кто-либо из них «с поличным» в ходе проведенных ОРМ; д) осведомлен ли кто-либо из них о проводимой проверке на предмет их причастности к расследуемому событию; е) имеются ли данные об организации ими иных каналов торговли людьми [20, стр. 22-23].

М.П. Шруб, на первоначальном этапе расследования, выделяет следственные ситуации, которые представляют систему, опосредованную тремя группами факторов – объем и содержания сведений о личности преступника, личности потерпевших и механизме преступления. Для каждой из ситуаций определяются перечень и порядок действий следователя, направленных на сбор и фиксацию доказательств [21, стр. 17].

Е.В. Кушпель, при формировании следственных ситуаций, исходит лишь из повода к возбуждению уголовного дела [19, стр. 72-76]. Не смотря на кажущуюся узость данного подхода, он, тем не менее, воплощает в себе выделенные нами

элементы. Это связано с тем, что повод к возбуждению уголовного дела, по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 127.2 УК РФ напрямую связан со способом выявления данных преступлений. В случае реализации проактивной стратегии поводом к возбуждению уголовного дела станет рапорт об обнаружении признаков преступления. В случае реализации реактивной стратегии, поводом, как правило, является заявление о совершенном преступлении. В ходе реализации той или иной стратегии будут получены данные о потерпевшем и преступнике.

Поскольку, существующие в науке подходы к выделению следственных ситуаций едины, мы считаем возможным сформулировать те ситуации, которые объективно подтверждаются правоприменительной практикой и могут служить основой для организации эффективного расследования преступлений. Кроме того, это позволит практическим сотрудникам действовать более наступательно при выявлении рассматриваемых преступлений. Это, в свою очередь, даст возможность получить больше первоначальной исходной информации, для ее последующего анализа и разработке дальнейших рекомендаций.

Основой для выделения следственных ситуаций, мы считаем способ выявления преступления, в ходе которого будет получена информация о потерпевшем и преступнике. Кроме того, торговля людьми и использование рабского труда, это преступления, которые характеризуются системностью их совершения. Исходя из этого, возможно выделение следующих следственных ситуаций:

- 1) Имеется информация об одном или нескольких лицах, ставших жертвами торговли людьми или использовании рабского труда, которые оказывают следствию помощь, характере сделки по переходу потерпевшего из свободного состояния в рабское, характере, времени и примерном месте эксплуатации. При этом, отсутствует точная информация о лицах, принимавших участие в сделке по переходу человека из свободного состояния в рабское и лицах, эксплуатирующих лицо;
- 2) Имеется информация об одном лице, ставшем жертвой торговли людьми или использовании рабского труда, который

оказывает следствию помощь, характере сделке по переходу потерпевшего из свободного состояния в рабское, и о некоторых лицах, принимающих участие в данной сделке. При этом, отсутствует информация о характере, времени и месте эксплуатации и об остальных участниках преступной группы, а так же точном числе потерпевших;

- 3) Имеется информация об одном или нескольких лицах, ставших жертвами торговли людьми или использовании рабского труда, которые не оказывают следствию помощь, характере, месте и примерном времени эксплуатации, об отдельных участниках преступной группы. При этом, отсутствует точная информация о лицах, принимавших участие в сделке по переходу человека из свободного состояния в рабское и всех лицах, эксплуатирующих рабов, характере сделке по переходу потерпевшего из свободного состояния в рабское, точном периоде эксплуатации пострадавших.

Необходимо также отметить, что в любой из следственных ситуаций, при которой задержаны лица, причастные к совершению преступления, на первоначальном этапе они отказываются сотрудничать со следствием и отрицают факт причастности к преступлению. Это надо учитывать при алгоритмизации следственной работы и тактике проведения допроса подозреваемых.

Ведя речь об организации расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1, 127.2 УК РФ, надо отметить, она основывается на той следственной ситуации, которая складывается по конкретному уголовному делу. Нужно иметь ввиду, что приведенные выше следственные ситуации основаны на усредненных данных обобщенных случаев. То есть, следственные ситуации представляют из себя идеальные теоретические конструкции, которые способствуют эффективной организации преступления в случае, когда у следователя сложится ситуация, по общим чертам схожая с описанной. Но как индивидуально и неповторимо каждое преступление, так индивидуальна и следственная ситуация, сложившаяся в связи с расследованием преступления.

Следственная ситуация, как указано выше,

содержит в себе признаки наиболее часто встречавшихся обстоятельств. В силу их повторяемости и общей схожести, становится возможно создать оптимальную программу расследования для следственных ситуаций, которые будут схожи с представленными. Исходя из этого, следователь должен помнить, что может сложиться следственная ситуация, не изученная комплексно криминалистикой. Это возможно в тех случаях, когда ситуация является достаточно единичной, в связи с чем невозможно выделить ее особенные черты. Это становится причиной того, что отсутствует возможность по разработке адекватной программе расследования, поскольку в силу редкой проявляемости ситуации, программу невозможно апробировать. Лишь когда ситуация будет повторяться достаточно часто, изначально предложенную программу можно будет проверить на ее эффективность и скорректировать с учетом практики реализации и допускаемых ошибок.

Кроме того, даже если сложившаяся по делу ситуация, в общих чертах, будет совпадать с описанной, следователь должен будет учитывать индивидуальные особенности преступления и информационную базу, сложившуюся в ходе сбора доказательств. Таким образом, следователь, перед реализацией той или иной программы расследования, должен будет соотнести следственную ситуацию, сложившуюся у него по делу, со следственной ситуацией предлагаемой методикой расследования. С.Р. Абрамова, исходя из общности характера следственной ситуации, предлагаемой криминалистической методикой расследования и в силу подвижности границ между первоначальным и последующим этапами, предлагает комплексную программу расследования, объединенную в следующую схему:

- 1) правильная оценка степени типичности следственной ситуации, сложившейся на первоначальном (последующем) этапе расследования торговли несовершеннолетними (подмены ребенка, незаконного усыновления);
- 2) определение типовых задач расследования, характерных для типовых следственных ситуаций первоначального (последующего) этапа расследования; 3) определение комплекса средств и методов решения типовых задач применительно к типовым

следственным ситуациям [1, стр. 24-25].

Изучая материалы по организации расследования рассматриваемых видов преступления, мы столкнулись с тем, что исследуемые составы преступных деяний настолько специфичны, что возможно выделение частных методик, применительно к отдельным квалифицированным составам. Это еще раз подчеркивает особенность данных преступлений. Так, Е.В. Кушпель предлагает следующие следственные ситуации и программу организации расследования торговли детьми, исходя из того, что родители сами, в силу различных причин, продали ребенка, а затем явились с явкой с повинной.

В случаях, если по делу складываются такие типичные следственные ситуации, когда личность покупателя или посредника и их местонахождение известны, возможна следующая программа расследования: допрос лица, продавшего ребенка; наложение ареста на имущество, послужившее вознаграждением; допросы возможных свидетелей; задержание покупателя, его личный обыск, допрос, предъявление для опознания заявителям; медицинское освидетельствование ребенка специалистом по детской педиатрии; предъявление грудного ребенка на опознание родителям (после этого на период разбирательства по делу ребенок помещается в детское учреждение, соответствующее его возрасту); обыск по месту жительства продавца и покупателя с целью обнаружения вещей ребенка и документов на него; выемка и осмотр документов; очные ставки. На последующем этапе решается вопрос об ответственности продавца и покупателя. При обнаружении подложных документов на ребенка, например свидетельства о рождении, следует выяснить, кто оформил этот документ. Необходимо также поручить оперативным работникам провести проверку данного факта.

Если складывается следственная ситуация, когда покупатели(-ль) явились жителями другого города, республики, гражданами другого государства, вместе с ребенком выехали за пределы данного населенного пункта и местонахождение их неизвестно, возможна следующая программа действий: повторно, более тщательно, допросить продавцов ребенка об обстоятельствах сделки, о покупателе и приметах ребенка; осмотреть место осуществления сделки и жилище ребенка; изъять и осмотреть

фотографии ребенка, предметы с его следами, документы, включая медицинские; составить словесный портрет покупателя; информировать о факте продажи- покупки ребенка, его приметах и известных приметах покупателя территориальные и транспортные органы внутренних дел и население через средства массовой информации; фотографий ребенка и субъективный портрет покупателей(-ля) разослать в соответствующие органы; по результатам осмотра и выемок назначить необходимые экспертизы; организовать информирование органов ЗАГСа, получить от них сведения о регистрации или попытках регистрации детей, сходных с разыскиваемым ребенком; проверить лиц, задерживавшихся органами милиции за бродяжничество, нарушающих паспортный режим, допустивших другие правонарушения и имевших при себе детей соответствующего пола и возраста; изучить личность родителей, продавших ребенка; принять меры к установлению личности преступника и его местонахождения; провести поисковые, заградительные мероприятия на авто- и железнодорожных вокзалах, в аэропортах, поездах, на автодорогах и т. д. [19, стр. 72-76].

Необходимо отметить, что организация расследования, в этом случае, будет осложнена особенностями расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами. Кроме того, предложенные Е.В. Кушпель ситуации настолько индивидуальны, что достаточно сложно говорить об их типичности. Это связано с тем, что явка с повинной не характерна для преступлений рассматриваемого вида.

Исходя из общности характера следственных ситуаций, мы считаем возможным привести программу общих действий, реализуемых применительно к каждой из ситуаций.

При наличии информационного массива, характеризующего первую следственную ситуацию, следователю необходимо:

- 1) Подробно допросить потерпевшего и его родственников на предмет отсутствия пострадавшего, характере выполняемой им работы, действиях потерпевшего, предшествовавших его исчезновению, лицах и организациях, в которые он обращался перед тем, как был подвергнут эксплуатации. Принятие мер безопасности в отношении указанных лиц;
- 2) Освидетельствование потерпевшего,

решение вопроса о проведении в отношении него судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы;

- 3) Обыски в организациях, куда обращался потерпевший, перед тем как был обращен в рабство;
- 4) Допросы представителей данных организаций и решение вопроса о применении к ним процессуальных мер принуждения;
- 5) Направление поручения в орган дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, эксплуатирующих потерпевшего и место данной эксплуатации;
- 6) Направление запросов в государственные органы с целью выяснения вопросов о том, обращалось ли данное лицо за получением виз;
- 7) Направление запросов в порты и на вокзалы, с целью установления того, приобретало ли данное лицо в какой-либо период проездные документы и до какого-места назначения;
- 8) Направление поручений в орган дознания тех регионов, куда прибыл потерпевший согласно проездным документам или его показаниям, с целью установления тех мест, где принудительно содержался потерпевший, согласно его показаниям.

Переход от первоначального к последующему этапу, в данной следственной ситуации зависит от того, установлено ли место, где потерпевший подвергался эксплуатации. Программа дальнейших действий, при установлении данного места, будет выглядеть следующим образом: 1) Установление личности лиц, имеющих отношение к содержанию потерпевшего и его эксплуатации и дальнейшее прослушивание телефонных и иных переговоров данных лиц, а также получение сведений о соединениях их мобильных телефонов; 2) Видеофиксация действий лиц посещающих данное место и полный сбор характеризующей их информации; 3) Обыски по месту содержания потерпевшего; 4) Задержание лиц, имеющих отношение к содержанию и эксплуатации потерпевшего, опознание данных лиц; 5) Освобождение остальных потерпевших, если таковые имеются, и допросы их в качестве потерпевших, их освидетельствование и решение вопроса о назначении судебных экспертиз, указанных выше. Кроме того, необходимо

допросить их родственников и выполнить иные действия, связанные с документальным подтверждением того, что лица обращались в какие-либо организации, после чего перешли в рабское состояние и того, что лица приобретали проездные документы; 6) Допросы задержанных лиц и решение вопроса о заключении их под стражу; 7) Решение вопроса о привлечении данных лиц к уголовной ответственности; 8) Наложение ареста на имущество, включая средства, находящиеся на банковских счетах; 9) Проведение обысков в тех местах, куда обращались другие потерпевшие и допросы представителей данных организаций, решение вопроса о привлечении их к уголовной ответственности.

Применительно ко второй следственной ситуации, когда реализуется проактивная стратегия, программа действий может выглядеть следующим образом:

- 1) Задержание лиц, принимающих участие в торговле человеком и их личный обыск, с составлением соответствующего протокола;
- 2) Осмотр места совершения сделки;
- 3) Изъятие и осмотр предметов и документов, имеющих отношение к факту сделки;
- 4) Освидетельствование потерпевшего, его допрос и допрос его родственников, назначение необходимых судебных экспертиз;
- 5) Обыски по месту жительства лиц, принимавших участие в сделке.

Дальнейшие действия и переход к последующему этапу расследования зависят от наличия доказательств, подтверждающих причастность лиц к совершенному преступлению и наличия данных, указывающих на других лиц, принимающих участие в торговле людьми и эксплуатирующих рабский труд. Таким образом, последующий этап структурно разбивается на два направления – привлечение установленных лиц к уголовной ответственности и розыск иных лиц, имеющих отношение к преступной деятельности.

Особенность третьей следственной ситуации характеризуется тем, что потерпевшие не сотрудничают со следствием в силу того, что опасаются за свою жизнь, так как осведомлены о разоблачении только части преступной группы и нахождении на свободе остальных участников преступления. В этом случае программа реализуемых действий во многом схожа с

последовательностью действий во второй следственной ситуации. Сложность возникает с установлением контакта с потерпевшими и разъяснения им того, что к ним будут применены меры, обеспечивающие их безопасность.

Мы указывали, что применительно к рассматриваемым видам преступлений возможно формирование программ расследования в отношении отдельных квалифицированных составов. В отдельных случаях специфика реализуемых действий будет зависеть от особенностей совершенной сделки в отношении человека, особенно несовершеннолетнего. Так, Е.В. Кушпель указывает, что сложнее установить характер вознаграждения, когда покупатель расплачивается за ребенка оказанием каких-либо услуг, возможно, с использованием своего служебного положения или родственных связей. В подобной ситуации важно (помимо анкетных данных) собрать всю имеющуюся информацию, характеризующую как продавца, так и покупателя. Далее в этой ситуации необходимо:

- допросить участников сделки; провести очные ставки между ними;
- провести обыск по месту жительства и работы продавца и покупателя;
- допросить свидетелей;
- поручить сотрудникам оперативных служб проверить связи данных лиц для установления наличия или отсутствия организованной группы;
- при проведении сделки в родильном доме проверить записи в регистрационных книгах, журналах о возможном отказе матерей от детей при их выписке; выяснить, куда был направлен и поступил ли в то или иное детское учреждение брошенный ребенок.

Информацию о раскрытии и расследовании подобных преступлений следует доводить до сведения граждан через средства массовой информации при должном контроле за достоверностью ее изложения без свойственных прессе преувеличений [19, стр. 72-76].

Специфика и сложность организации расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 127.2 УК РФ зависит от наличия одного или нескольких следующих факторов:

- 1) В торговле людьми и их рабской эксплуатации задействована территория нескольких субъектов Российской Федерации;

- 2) Потерпевший является несовершеннолетним;
- 3) Какие-либо преступные действия совершились за территорией России;
- 4) Потерпевший является иностранным гражданином;
- 5) Лицо, причастное к преступной деятельности является иностранным гражданином.

В случае совершения преступных действий на территории двух или более субъектов России, эффективность расследования напрямую зависит от организации взаимодействия с правоохранительными, надзорными и контролирующими органами тех субъектов, где не ведется основное расследование. Нам представляется целесообразным командирование членов следственной группы на территорию тех субъектов, где совершились отдельные преступные действия, с целью личного проведения следственных действий. При этом правоохранительные органы принимающей стороны обязаны обеспечить оперативное сопровождение и силовое обеспечение выполняемых действий.

Если потерпевший является несовершеннолетним, следователю необходимо принимать меры, направленные на установление взаимодействия с организациями и учреждениями, обеспечивающими соблюдение прав ребенка. Это необходимо как с целью установления психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим и сбором информации о его материально-бытовом положении, так и решении вопроса о передаче ребенка на попечение данных учреждений и его реабилитации. Особое значение здесь имеет именно возраст пострадавшего, что усложняет проведение самих следственных действий и сказывается на психическом развитии ребенка.

В случае если отдельные преступные действия совершились за границей, необходимо организовать взаимодействие с правоохранительными органами иностранного государства. Кроме того, в отдельных случаях необходимо решение вопроса об осуществлении уголовного преследования на территории иностранного государства, поскольку сделка в отношении человека могла совершаться на территории данного государства, а эксплуатация и (или) иные преступления в отношении него на территории

иного государства.

При проведении следственных действий с иностранными гражданами необходимо обеспечить участие переводчика. В отношении

лиц, причастных к преступной деятельности, выяснить у них наличие дипломатического иммунитета и установить их должностное положение.

Список литературы

1. Абрамова С.Р. Методика расследования торговли несовершеннолетними, подмены ребенка и незаконного усыновления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблема, тенденции, перспектива. От теории к практике. – М.: Юрид. лит., 1988.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. – М.: Метатрон XXI, 2000.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. – М.: Юрист, 1997.
5. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. – М.: Наука, 1966.
6. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основа, теория, библиография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
7. Возгрин И.А. К вопросу о соотношении оперативно-розыскной деятельности и доказывания в уголовном процессе // Правовое государство и органы внутренних дел: Сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. С.Ф. Зыбина. – СПб., 1995.
8. Возгрин И.А. Криминалистика. Материалы к кандидатскому экзамену. – СПб., 1996.
9. Возгрин И.А. Криминалистическая методика. – Минск: Высшая шк., 1983.
10. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 1. – СПб., 1992.
11. Возгрин И.А. Научные и основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 2. – СПб., 1992.
12. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 3. – СПб., 1983.
13. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 4. – СПб., 1983.
14. Возгрин И.А. Общие положения криминалистической тактики. – Л., 1988.
15. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1976.
16. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1977.
17. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организаций). – СПб., 2000.
18. Криминалистика: Учебник для вузов. В 2-х томах / Под общ. ред. И.А. Возгрина, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
19. Куштель Е.В. Проблемы выявления и расследования торговли несовершеннолетними // Вестник криминалистики. Выпуск 1. – М.: Спарк, 2006. – С. 72-76.
20. Смирнов Г.К. Методика расследования торговли людьми: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
21. Шруб М.П. Теоретические и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2006.
22. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2000.
23. Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник для вузов. – М.: Норма-Инф-ра, 2000.
24. Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2001. – №1.
25. Яблоков Н.П. Укрепление законности и борьба с преступностью // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1997. – №1. – С. 20-30.
26. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Система криминалистики: наступит ли ее кризис? // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2002. – №6. – С. 54-65.
27. Яблоков Н.П., Самошина З.Г. Становление российской криминалистики и ее представитель Е.Ф. Гуринский // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 1998. – №5. – С. 65-76.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правового обеспечения
управленческой деятельности МГИМО (У) МИД
России,
кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: prokuratura@inbox.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право;
налоговое право; бюджетное право

КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫЕ ОРГАНЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье изучается правовое регулирование организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации. Тщательно анализируются положения Конституции РФ, Федерального закона от 7 февраля 2011 г. ФЗ-№6 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации». Автор обращается к федеральным законам «О муниципальной службе», «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», «О Счетной палате Российской Федерации» и другим правовым актам, внимательно рассматривает доклад С.В. Степашина на XVII конференции Ассоциации контрольно-счетных органов России 17 марта 2011 года.

Выявляются цели законов, основы правового статуса контрольно-счетных органов, их состав, критерии определения штатной численности, порядок назначения на должность председателя, заместителя председателя и аудиторов, полномочия органов и их должностных лиц. Поддерживается позиция С.В. Степашина о том, что в законе ФЗ-№6 от 7 февраля 2011 г. удалось реализовать многие положения, которые необходимы для становления системы внешнего финансового контроля и эффективной деятельности контрольно-счетных органов.

Интересно в статье представлена проблема подотчетности и независимости контрольно счетных органов субъектов федерации и муниципальных образований, которая представляет и теоретический и практический интерес.

Ключевые слова: организация; деятельность; правовое регулирование; субъект федерации; муниципалитет; контрольно-счетные органы; конституция; федеральный закон; правовой акт; юридический акт; правовой статус; штатная численность; полномочия; внешний финансовый контроль; подотчетность; независимость.

KONDRAAT E.N.

CONTROLAND ACCOUNTING BODIES OF CONSTITUENT ENTITIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL REGULATION OF ORGANIZATION
AND ACTIVITY

The summary. The article studies the legal regulation of organization and activity of control and accounting bodies of the Russian Federation constituent entities. A thorough analysis is given to the provisions of RF Constitution, Federal Law of February 7, 2011 ФЗ-№6 "On general principles of organization and activity of control and accounting bodies of the Russian Federation constituent entities". The author refers to Federal Laws "On municipal service", "On protection of rights of legal entities and individual entrepreneurs in the course of exercising state control (supervision) and municipal control", "On Accounting Chamber of the Russian Federation" and other legal acts, considers in detail the report of S.V. Stepashin at the 17th conference of the Association of Control and accounting bodies of Russia on March 17, 2011.

The purposes of laws, the fundamental principles for the legal status of the control and accounting bodies, their composition, criteria for determining staff size, the procedure of appointment to the position of chairman, deputy chairman and auditors, the powers of the bodies and their officials are revealed. The support is given to S.V. Stepashin's standpoint that the law ФЗ-№6 of February 7, 2011 managed to implement many provisions which are required for the formation of the system of external financial control and efficient activities of control and accounting bodies.

The issue of accountability and independence of control and accounting bodies of constituent entities of the Federation and municipal entities is noteworthy presented in the article, this issue is of theoretical and practical interest.

Key words: organization; activity; legal regulation; constituent entity of the Federation; municipality; control and accounting bodies; Constitution; Federal Law; legal act; juridical act; legal status; staff size; powers; external financial control; accountability; independence.

Кроме Конституции РФ фундаментом правового регулирования организации и деятельности контрольно-счетных органов является Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Президент РФ подписал его 10 февраля 2011 года [1].

Закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» направлен на совершенствование правовых основ внешнего государственного и муниципального финансового контроля и повышение эффективности и результативности деятельности контрольно-счетных органов.

Цель закона – установить общие принципы организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и их основные полномочия (статья 1).

Законом определяются основы статуса контрольно-счетных органов (статья 3). Так, контрольно-счетные органы являются постоянно

действующими органами внешнего государственного и муниципального финансового контроля, образуются соответственно законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации и представительным органом муниципального образования и подотчетны им. Контрольно-счетные органы обладают организационной и функциональной независимостью, осуществляют свою деятельность самостоятельно, их деятельность не может быть приостановлена.

Состав контрольно-счетных органов как на уровне субъекта Российской Федерации, так и на муниципальном уровне также определяется законом (статья 5). При этом субъекты Российской Федерации и муниципальные образования наделяются правом уточнять состав контрольно-счетных органов и определять их структуру.

Законом устанавливаются критерии определения штатной численности контрольно-счетных органов. В частности, для контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации при определении штатной численности предлагается учитывать численность населения,

постоянно проживающего на территории субъекта Российской Федерации, долю субъекта Российской Федерации в консолидированном бюджете Российской Федерации и количество муниципальных образований, входящих в состав субъекта Российской Федерации. Штатную численность контрольно-счетных органов муниципальных образований предлагается определять в соответствии с нормативами штатной численности контрольно-счетных органов муниципальных образований, установленными законом субъекта Российской Федерации с учетом видов и особенностей муниципальных образований (статья 5).

В законе содержатся положения, касающиеся порядка назначения на должность председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетных органов. Назначение на указанные должности осуществляется соответственно законодательный орган или представительный орган. При этом устанавливается перечень субъектов, которые имеют право вносить предложения о кандидатах на должность председателя (статья 6).

Законом устанавливаются основные требования к кандидатурам на должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетных органов (статья 7), в частности к образованию и опыту работы, а также ограничения, связанные с замещением указанных должностей: наличие неснятой или непогашенной судимости, признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным решением суда, отказ от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, выход из гражданства Российской Федерации или приобретение гражданства иностранного государства либо получения вида на жительство или иного документа, подтверждающего право гражданина Российской Федерации на постоянное проживание на территории иностранного государства.

Кроме того, граждане, замещающие соответственно государственные или муниципальные должности в контрольно-счетном органе, не могут состоять в родстве или свойстве с руководителями государственных и муниципальных органов, судебных и правоохранительных органов, расположенных на

территории субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Председателям, заместителям председателя и аудиторам контрольно-счетных органов запрещается заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Для должностных лиц контрольно-счетных органов устанавливаются гарантии их статуса (статья 8). В законопроекте содержатся положения о недопустимости воздействия в какой-либо форме на указанных лиц, а также положения, касающиеся их государственной защиты.

Законом определяются основные полномочия контрольно-счетных органов (статья 9). В целях надлежащего осуществления должностными лицами контрольно-счетных органов своих должностных полномочий законопроектом предлагается установить их права и обязанности (статья 14).

Так, должностные лица контрольно-счетных органов вправе беспрепятственно входить на территорию и в помещения, занимаемые проверяемыми органами и организациями, иметь доступ к их документам и материалам, знакомиться со всеми необходимыми документами, касающимися финансово-хозяйственной деятельности проверяемых органов и организаций, требовать от руководителей и других должностных лиц проверяемых органов и организаций представления письменных объяснений по фактам выявленных нарушений, а также вносить представления и направлять предписания в определенных законопроектом случаях (статья 16). Ввиду широких полномочий контрольно-счетных органов законопроектом устанавливаются и гарантии прав проверяемых органов и организаций (статья 17).

В статьях 13 и 15 закона предусматривается обязанность государственных и муниципальных органов, проверяемых органов и организаций, банков и иных кредитных организаций и их должностных лиц выполнять законные требования и запросы должностных лиц контрольно-счетных органов.

Контрольно-счетные органы могут самостоятельно планировать свою деятельность (статья 12), разрабатывать и утверждать стандарты внешнего государственного и муниципального финансового контроля, однако разработку основополагающих стандартов в

указанной сфере предлагается отнести к компетенции Счетной палаты Российской Федерации (статьи 2 и 11).

Принципам взаимодействия контрольно-счетных органов и координации их деятельности посвящена статья 18 закона.

Для информирования общественности контрольно-счетные органы обязаны размещать в сети Интернет и в средствах массовой информации информацию о своей деятельности (статья 19).

Финансирование контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации осуществляется за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, а финансирование контрольно-счетного органа муниципального образования – за счет средств местного бюджета. Финансирование контрольно-счетных органов должно предусматриваться в объеме, позволяющем обеспечить возможность осуществления возложенных на них полномочий (статья 20).

Вступление данного федерального закона в силу было предусмотрено с 1 июля 2011 г.

С.В. Степашин в докладе на XVII конференции Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 17 марта 2011 года подчеркнул, что в законе удалось реализовать многие положения, которые необходимы для становления системы внешнего финансового контроля и эффективной деятельности контрольно-счетных органов.

Первое. Закон закрепил термин «внешний» финансовый контроль в отношении деятельности контрольно-счетных органов, понятийно отделив их от органов контроля в системе исполнительной власти.

Второе. В положениях закона последовательно проводится тезис об организационной и функциональной независимости контрольно-счетных органов субъектов Федерации, в определенной степени удалось обеспечить ее и для контрольно-счетных органов муниципальных образований.

Закреплены правовые гарантии деятельности контрольно-счетных органов и статуса должностных лиц. Однако, к сожалению, положения о государственной защите должностных лиц субфедеральных контрольно-счетных органов в настоящее время не имеют достаточного механизма реализации в федеральном законодательстве.

Третье. Закон наделил контрольно-счетные органы необходимой компетенцией для осуществления системного внешнего аудита, включая полномочия по анализу эффективности использования бюджетных средств, эффективности принимаемых исполнительной властью бюджетных решений. Получили закрепление те права должностных лиц при осуществлении внешнего финансового контроля, которые не могли быть установлены региональным законодательством [34].

В тоже время следует отметить, что ряд весьма принципиальных проблем еще требуют решения.

В частности, Закон ограничивает полномочия контрольно-счетных органов в отношении организаций, получающих из бюджета субсидии и кредиты. Осуществление внешнего финансового контроля в отношении этих организаций ставится в зависимость от волеизъявления главных администраторов, заключающих договоры о предоставлении субсидий. Решить эту проблему необходимо соответствующим образом изменив IX главу Бюджетного кодекса, новую редакцию которой Минфин России разрабатывает.

В целях совершенствования правового статусу контрольно-счетного органов субъектов РФ Счетной палатой был подготовлен законопроект о внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона №6-ФЗ. Помимо соответствующих поправок в Бюджетный кодекс, 184-й и 131-й федеральные законы, им предусматривалось изменение статьи 287 Уголовного кодекса. Основная цель этих поправок была – дополнить перечень государственных органов, за непредоставление информации которым следует уголовная ответственность, включив в него законодательные органы субъектов Федерации, представительные органы местного самоуправления и контрольно-счетные органы [34].

Счетная палата РФ подготовила также изменения в Федеральный закон «О муниципальной службе» [4] в части дополнения перечня лиц, замещающих муниципальные должности, должностными лицами контрольно-счетных органов. Предложены поправки в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля

(надзора) и муниципального контроля» [5], в части дополнения перечня контрольных органов, на которые не распространяется действие данного закона – контрольно-счетными органами муниципальных образований.

С.В. Степашин подчеркнул, что главная задача в организации регионального финансового контроля на сегодняшний день – приведение в соответствие с Федеральным законом №6-ФЗ законов субъектов Федерации и правовых актов муниципальных образований о контрольно-счетных органах. В целях обеспечения единства в правовом регулировании внешнего финансового контроля Счетной палатой разработан проект модельного закона «О контрольно-счетной палате субъекта Российской Федерации». Проект рассмотрен Комиссией АКСОР по правовому обеспечению деятельности контрольно-счетных органов, которую возглавляет В.А. Двуреченских. После одобрения модельного закона XVII конференцией Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 17 марта 2011 года он разослан в законодательные органы с соответствующими рекомендациями.

В модельном законе предпринята попытка обеспечить максимум возможных гарантий осуществления независимого внешнего финансового контроля:

- предложено ввести право контрольно-счетного органа на законодательную инициативу;
- предусмотрен шестилетний срок полномочий председателя, заместителя председателя и аудиторов, а также замещение ими государственных должностей субъекта Федерации;
- конкретизирован перечень информации, которая должна предоставляться контрольно-счетному органу;
- включена статья о материальном и социальном обеспечении сотрудников контрольно-счетного органа. Неоднократно в своей деятельности контрольно-счетные органы сталкивались с проблемой смены председателя при смене руководства региона. Чтобы исключить субъективизм в этой сфере предлагается ввести норму, по которой срок полномочий руководителей контрольно-счетного органа должен превышать срок полномочий региональных

законодательных собраний, в чью компетенцию входит назначение этих должностных лиц. В законе №6-ФЗ этот вопрос остался нерешенным [34].

В последующем Советом Федерации были подготовлены изменения в Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» [2] в части предоставления ей возможности влиять на процесс назначения и освобождения от должности председателей контрольно-счетных органов.

В модельный закон включены положения о праве законодательного органа субъекта Федерации запрашивать мнение Счетной палаты о соответствии представленных на должность председателя кандидатур установленным законом о Счетной палате квалификационным требованиям к этой должности.

В резолюции ХУ11 Конференции содержится пункт о поручении правовой комиссии АКСОР разработать методику определения штатной численности в приемлемые сроки [34].

Принятие федерального закона способствует развитию института независимого внешнего финансового контроля на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и повышению эффективности контроля за использованием субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями финансово-бюджетных средств [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 35; 36].

В характеристике КСО в субъектах Российской Федерации можно выделить несколько характеристик правового статуса.

1. Контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации является постоянно действующим органом внешнего государственного финансового контроля. В связи с этим стоит заметить, что закон № 6-ФЗ впервые вводит понятие, которого до сих пор не было в законодательстве – «контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации». В Бюджетном кодексе Российской Федерации применяются другие понятия, такие как «орган государственного (муниципального) финансового контроля» и «контрольный орган», термин же «контрольно-счетный орган» отсутствует. Указанное терминологическое несоответствие должно быть устранено путем внесения изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации. Кроме того, с целью недопущения

различного толкования ключевых понятий бюджетного законодательства Российской Федерации, отражающих сущность государственного финансового контроля, целесообразно включить в число терминов, определяемых в Бюджетном кодексе Российской Федерации, понятие контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации.

2. Контрольно-счетный орган муниципального образования является постоянно действующим органом внешнего муниципального финансового контроля и образуется представительным органом муниципального образования.

В соответствии со ст. 38 Федерального закона № 131-ФЗ [3] контрольный орган муниципального образования (контрольно-счетная палата, ревизионная комиссия и другие) образуется в целях контроля за исполнением местного бюджета, соблюдением установленного порядка подготовки и рассмотрения проекта местного бюджета, отчета о его исполнении, а также в целях контроля за соблюдением установленного порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности.

В настоящее время в муниципальных образованиях, количество которых составляет почти 24 тысячи и в которые поступает практически 20 процентов средств консолидированного бюджета, единая система финансового контроля фактически отсутствует. В части ст. 38 131-ФЗ контрольный орган муниципального образования формируется на муниципальных выборах или представительным органом муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования. Кроме того контрольный орган муниципального образования Федеральным законом № 131-ФЗ не отнесен к числу обязательных органов местного самоуправления, которые должны создаваться в каждом муниципальном образовании. Концепция комментируемого закона основывается на ином подходе, согласно которому контрольно-счетный орган муниципального образования является постоянно действующим органом внешнего муниципального финансового контроля. Исключение возможности его создания в муниципальном образовании нормами закона не предусматривается.

Законом № 6-ФЗ предусматривается формирование контрольно-счетного органа

исключительно представительным органом муниципального образования.

Контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации и контрольно-счетный орган муниципального образования подотчетны соответственно законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации или представительному органу муниципального образования.

Очень важным пунктом является положение о том, что контрольно-счетные органы обладают организационной и функциональной независимостью и осуществляют свою деятельность самостоятельно, обладают правами юридического лица.

Независимость является концепцией, которую сравнительно просто определить. В законодательных актах и положениях независимость ведомства обычно означает, что оно не принимает указаний от органов государственного управления. Подотчетность – более расплывчатое понятие, которое не так просто определить. Такая нечеткость препятствует включению конкретных рабочих механизмов подотчетности в правовые основы, регламентирующие деятельность органов финансового контроля.

Для решения проблемы подотчетности и ее взаимосвязи с независимостью требуется прояснить несколько принципов.

- Независимость ведомства никогда не бывает абсолютной. Исполнительная ветвь власти, которая в условиях демократии подотчетна избирателям, делегирует полномочия ведомству. Поэтому ведомство должно отчитываться о своей деятельности и при необходимости принимать меры по исправлению имеющих место недостатков.
- Подотчетность не является синонимом контроля. Она предусматривает формирование системы взаимодополняющих и пересекающихся механизмов надзора и инструментов контроля, при которых никто фактически не контролирует независимое ведомство, и при этом ведомство остается «под контролем».
- Подотчетность и независимость дополняют друг друга. Подотчетность укрепляет независимость ведомства, придавая его действиям легитимность. Ведомство

формирует свою репутацию, разъясняя обществу, как оно выполняет свой мандат, а также предоставляя общественности возможность высказать мнение о проводимых ведомством мерах. Орган финансового контроля с надежной репутацией с большей вероятностью будет пользоваться доверием общества, и в спорных случаях его позиция будет приниматься на веру. Кроме того, надежная репутация также усиливает независимость ведомства.

Механизмы подотчетности делятся на несколько категорий. Действенный набор механизмов должен включать сбалансированное сочетание мер из различных таких категорий.

- Предварительной подотчетностью называется представление отчетности до начала действий ведомства (например, в рамках консультаций с заинтересованными сторонами по вопросам политики в области надзора и регулирования).
- Фактической подотчетностью называется отчетность после принятия мер (например, в форме годовых отчетов).
- Разъяснительная подотчетность требует указывать причины принятых мер и объяснять эти меры.
- Корректирующей подотчетностью называется обязательство рассматривать и удовлетворять жалобы, принимая меры по исправлению недостатков политики или нормотворчества.
- Процедурная подотчетность касается требований в отношении обязательных для исполнения процессуальных норм.
- Материально-правовая или функциональная подотчетность призвана обеспечить обоснованность мер регулирования и надзора с точки зрения целей ведомства [37].

Парламентские органы оказывают влияние на надзорную деятельность посредством своих законодательных полномочий, то есть они отвечают за создание правовых основ, в рамках которых действуют КСО. Подотчетность КСО законодательной власти имеет три цели: обеспечить адекватность мандата ОРН, установить, насколько действительно осуществляются полномочия, делегированные органам финансового регулирования, и достаточно ли их для достижения намеченных целей, а также

обеспечить канал обмена информацией на случай, если возникнет необходимость внести поправки в законодательство. Законодательные органы не должны непосредственно воздействовать на КСО или давать конкретные указания о том, каким образом КСО должны осуществлять свою надзорную деятельность.

Согласно рекомендациям МВФ КСО следует отчитываться перед парламентскими комитетами, а не перед полным составом парламента. Комитеты обычно имеют более высокую квалификацию по конкретным вопросам и больше возможностей для независимых действий.

- Парламенту должно быть разрешено делать специальные запросы.
- Законодательной власти не следует разрешать переуступать свою надзорную функцию исполнительной власти.
- Парламентским представителям не следует разрешать участие в советах или комитетах, наделенных операционными или политическими функциями. Хотя иметь парламентского представителя в совете ОРН может быть и полезно, существует опасность несоблюдения этим представителем границы между подотчетностью и контролем, если он входит в состав директивных органов, которые также имеют дело с конфиденциальной информацией [37, стр. 10].

Согласно № 6-ФЗ деятельность контрольно-счетных органов не может быть приостановлена, в том числе в связи с досрочным прекращением полномочий законодательного (представительного) органа.

Контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации обладает правами юридического лица.

Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс и (или) смету.

В соответствии со ст. 52 ГК юридическое лицо действует на основании устава, либо

учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. В случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо, не являющееся коммерческой организацией, может действовать на основании общего положения об организациях данного вида.

Учредительный договор юридического лица заключается, а устав утверждается его учредителями (участниками).

В учредительных документах юридического лица должны определяться наименование юридического лица, место его нахождения, порядок управления деятельностью юридического лица, а также содержаться другие сведения,

предусмотренные законом для юридических лиц соответствующего вида. В учредительных документах некоммерческих организаций и унитарных предприятий, а в предусмотренных законом случаях и других коммерческих организаций должны быть определены предмет и цели деятельности юридического лица. Предмет и определенные цели деятельности коммерческой организации могут быть предусмотрены учредительными документами и в случаях, когда по закону это не является обязательным.

Какое место занимают КСО субъектов в системе юридических лиц видно из следующей схемы [38].

Из этой схемы следует, что КСО субъектов РФ выступают в форме «учреждения».

Наделение КСО субъектов РФ правами и обязанностями юридического лица означает, что при участии в гражданском обороте, к ним применимы нормы ГК РФ и др. законов, определяющих участие юридических лиц.

Как юридическое лицо КСО должно быть зарегистрировано. В соответствии с Законом о регистрации юридических лиц (ЮЛ):

1) государственную регистрацию ЮЛ (и коммерческих, и некоммерческих организаций) осуществляет федеральный орган исполнительной власти, специально уполномоченный Правительством РФ. Таким органом является ФНС (а также территориальные налоговые органы). За государственную регистрацию

уплачивается государственная пошлина (в соответствии с нормами главы 25.3 НК, а ранее – со ст. 4-6 Закона о госпошлине). Государственная регистрация ЮЛ представляет собой акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемый посредством внесения в единый государственный реестр сведений о создании (реорганизации, ликвидации) ЮЛ. Ведение этого реестра осуществляется регистрирующим органом (ст. 1-4);

2) в государственном реестре содержатся следующие сведения и документы о ЮЛ:

- полное и (в случае, если имеется) сокращенное наименование, в т.ч. фирменное наименование, для коммерческих организаций на русском

- языке. В случае, если в учредительных документах ЮЛ его наименование указано на одном из языков народов Российской Федерации и (или) на иностранном языке, в государственном реестре указывается также наименование ЮЛ на этих языках;
- б) организационно-правовая форма;
 - в) адрес (место нахождения) постоянно действующего исполнительного органа ЮЛ (в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа ЮЛ, иного органа или лица, имеющих право действовать от имени ЮЛ без доверенности), по которому осуществляется связь с ЮЛ;
 - г) способ образования ЮЛ (создание или реорганизация);
 - д) сведения об учредителях ЮЛ;
 - е) копии учредительных документов ЮЛ;
 - ж) сведения о правопреемстве – для ЮЛ, созданных в результате реорганизации иных ЮЛ, для ЮЛ, в учредительные документы которых вносятся изменения в связи с реорганизацией, а также для ЮЛ, прекративших свою деятельность в результате реорганизации;
 - з) дата регистрации изменений, внесенных в учредительные документы ЮЛ, или в случаях, установленных законом, дата получения регистрирующим органом уведомления об изменениях, внесенных в учредительные документы;
 - и) способ прекращения деятельности ЮЛ (путем реорганизации или путем ликвидации);
 - к) размер указанного в учредительных документах коммерческой организации уставного капитала (складочного капитала, уставного фонда, паевого фонда);
 - л) ф.и.о. и должность лица, имеющего право без доверенности действовать от имени ЮЛ, а также паспортные данные такого лица или данные иных документов, удостоверяющих личность в соответствии с законодательством Российской Федерации, и идентификационный номер налогоплательщика при его наличии;
 - м) сведения о лицензиях, полученных ЮЛ (п. 1 ст. 5).

Государственная регистрация ЮЛ осуществляется в срок не более чем 5 рабочих

дней со дня представления соответствующих документов в орган государственной регистрации. Она осуществляется по месту нахождения указанного учредителем в заявлении о государственной регистрации постоянно действующего исполнительного органа, в случае отсутствия такого исполнительного органа – по месту нахождения иного органа или лица, имеющих право действовать от имени ЮЛ без доверенности (ст. 8). При этом установлено, что в орган государственной регистрации необходимо представить:

- а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утв. Правительством РФ. В заявлении подтверждается, что представленные учредительные документы соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям к учредительным документам ЮЛ данной организационно-правовой формы, что сведения, содержащиеся в этих учредительных документах, иных представленных для государственной регистрации документах, заявлении о государственной регистрации, достоверны, что при создании ЮЛ соблюден установленный для ЮЛ данной организационно-правовой формы порядок их учреждения, в т. ч. оплаты уставного капитала (уставного фонда, складочного капитала, паевого фонда) на момент государственной регистрации, и в установленных законом случаях согласованы с соответствующими госорганами и (или) органами местного самоуправления вопросы создания ЮЛ;
- б) решение о создании ЮЛ в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- в) учредительные документы ЮЛ (подлинники или нотариально удостоверенные копии);
- г) выписку из реестра иностранных ЮЛ соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного ЮЛ учредителя;
- д) документ об уплате государственной пошлины (ст. 14);
- 4) указанные документы в орган

государственной регистрации представляют уполномоченные лица.

В качестве последних (далее – заявители) могут выступать следующие физические лица:

- руководитель постоянно действующего исполнительного органа регистрируемого ЮЛ или иное лицо, имеющие право без доверенности действовать от имени этого ЮЛ;
- учредитель (учредители) ЮЛ при его создании;
- руководитель ЮЛ, выступающего учредителем регистрируемого ЮЛ;
- конкурсный управляющий или руководитель ликвидационной комиссии (ликвидатор) при ликвидации ЮЛ;
- иное лицо, действующее на основании доверенности или иного полномочия, предусмотренного федеральным законом, или актом специально уполномоченного на то госоргана или органа местного самоуправления.

Заявитель удостоверяет своей подписью заявление, представляемое в регистрирующий орган, и указывает свои паспортные данные или в соответствии с законодательством Российской Федерации данные иного удостоверяющего личность документа и идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

Подпись заявителя на указанном заявлении должна быть нотариально удостоверена.

Датой представления документов при осуществлении государственной регистрации является день их получения регистрирующим органом.

Заявителю выдается расписка в получении документов с указанием перечня и даты их получения регистрирующим органом. Расписка должна быть выдана в день получения документов регистрирующим органом.

При поступлении в регистрирующий орган документов, направленных по почте, расписка высыпается в течение рабочего дня, следующего за днем получения документов регистрирующим органом, по указанному заявителем почтовому адресу с уведомлением о вручении.

Регистрирующий орган обеспечивает учет и хранение всех представленных при государственной регистрации документов.

Регистрирующий орган не вправе требовать представление других документов, кроме

документов, установленных настоящим законом.

Нотариальное удостоверение документов, представляемых при государственной регистрации, необходимо только в случаях, предусмотренных федеральными законами (ст. 9);

5) решение о государственной регистрации ЮЛ, принятное регистрирующим органом, является основанием для внесения соответствующей записи в государственный реестр.

Моментом государственной регистрации признается внесение регистрирующим органом соответствующей записи в государственный реестр.

5. Частью 8 статьи 3 комментируемого закона установлена обязательность наличия у контрольно-счетного органа муниципального образования гербовой печати и бланка с изображением герба муниципального образования. Однако в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ муниципальное образование вправе, а не обязано иметь герб как официальный символ.

Нормами комментируемой статьи закона представительным органам отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, предоставлено право заключать соглашения с контрольно-счетными органами муниципальных районов о передаче им полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля. В то же время в данных нормах закона не уточняется, какие полномочия по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля может передавать представительный орган поселения: собственные полномочия или полномочия контрольно-счетного органа поселения. Кроме того, указанные соглашения целесообразно заключать не с контрольно-счетными органами муниципальных районов, а с представительными органами муниципальных районов.

В статье 1 ФЗ-№6 «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» от 10 февраля 2011 года» [1] подчеркивается, что установление общих принципов организации, деятельности и основных полномочий контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и контрольно-счетных органов муниципальных образований позволяет заложить правовую основу для объединения усилий всех органов государственной власти и органов местного самоуправления по

созданию единой системы всеобъемлющего государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации. Создание такой системы позволит в полном соответствии с принципом бюджетного федерализма, закрепленным Конституцией Российской Федерации, охватить внешним и внутренним контролем управление всеми государственными и муниципальными финансовыми и материальными ресурсами, что в свою очередь будет способствовать укреплению государственности, социально-экономическому развитию общества и обеспечению достойного уровня жизни граждан России

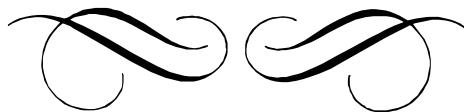
Внешний государственный и муниципальный финансовый контроль является неотъемлемым элементом демократического правового общества, поскольку обеспечивает предоставление обществу объективной информации об использовании государственных и муниципальных финансовых ресурсов и ответственность органов власти за законность и эффективность финансового управления.

Разработка и принятие такого закона – важный шаг в создании общей правовой базы функционирования государственных органов субъектов РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – №7. – Ст. 903.
2. Федеральный закон от 11 января 1995 г. №4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №3. – Ст. 167.
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
4. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
5. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. – 2008. – №4823.
6. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / Под ред. А.Н. Козырина. – Система ГАРАНТ, 2009.
7. Андрюшин С.А., Дадашев А.З. Научные основы организации системы общегосударственного финансового контроля // Финансы. – 2002. – № 4.
8. Афанасьев М.П., Кривогов И.В. Финансы правового государства // Вопросы государственного и муниципального управления. – Т. 2. – М.: АБиК М-ва финансов РФ, 2007. – №2-3.
9. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М.: Юриспруденция, 2000.
10. Грачева Е.Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль в системе социального управления // Финансовое право. – 2003. – № 2.
11. Грачева Е.Ю. Финансовое право: схемы с комментариям. – М.: Проспект, 2009.
12. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право России. – М., 2000.
13. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право России: Учебное пособие для вузов. – М., 2003.
14. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: вопросы и ответы. – М.: Новый юрист, 2000.
15. Грачева Е.Ю., Толстопятенко Г.П., Рыжкова Е.А. Финансовый контроль: Учебное пособие. – М., 2004.
16. Грачева Е.Ю., Хорина Л.Я. Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации: Курс лекций. – М., 2004.
17. Залог социальной стабильности (интервью с Председателем Счетной палаты РФ С.В. Степашиным) // Банковский ряд. – 2006. Весна. Спецвыпуск.
18. Ильина Ю. Принципы финансового контроля // Аудит и налогообложение. – 2005. – № 10.
19. Карандина Е.А. Федеральное казначейство в системе государственного финансового контроля Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
20. Кондрат Е.Н. Виды и формы финансового контроля: некоторые вопросы классификации // Юридическая наука. – 2012. – №2. – С. 89-96.

21. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: основополагающие начала (принципы) // Юридическая наука. – 2012. – №1. – С. 103-109.
22. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – №1. – С. 65-72.
23. Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 80-89.
24. Кондрат Е.Н. Финансовый контроль в субъектах Российской Федерации: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – №3. – С. 118-124.
25. Коровников А.В., Столяров Н.С., Сурков К.В., Шлейников В.И. Контрольно-счетные органы в Российской Федерации (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2001.
26. Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году) // Контроллинг. – 1991. – № 1. – С. 56-65.
27. Научно-практический комментарий «Система органов государственного финансового контроля: полномочия, основные направления деятельности и вопросы их координации» / Под ред. А.А. Ялбулганова. – М.: Новая правовая культура, 2007.
28. Пансков. В.Г. О некоторых вопросах государственного финансового контроля в стране // Финансы. – 2002. – № 5.
29. Пожарский Д.В. Контрольно-надзорная деятельность как функция современного государства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – №4. – С. 33-35.
30. Принципы эффективного и ответственного управления общественными финансами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfinfin.ru/common/img/uploaded/library/2006/10/pfggopf_rus.pdf
31. Сборник, посвященный 10-летию ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации. – М., 2010.
32. Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. – М.: Юриспруденция, 2009.
33. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. – М.: Наука, 2008.
34. Тезисы доклада С.В.Степашина на XVII конференции Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 17 марта 2011 года// http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/-17.03.2011.AKSOR_SVS-tree_files-f1-386.pdf
35. Финансовое право: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Быля, О.Н. Горбунова, Е.Ю. Грачева и др. / Отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. – М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2007.
36. Финансовое право: Учебник / Под ред. Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. – М.: Проспект, 2003.
37. Хюпкес Ева, Квинтин Марк и Тейлор Майкл У. Механизмы подотчетности органов регулирования финансового сектора // Вопросы экономики. № 39. Международный валютный фонд. 2006.
38. http://allstude.ru/Ekonomika/Hozyaiystvennaya_organizaciya.html

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

АЛИЕВ Якуб Ломалиевич,
профессор кафедры организации работы полиции
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: alievyakub@mail.ru

АРТАМОНОВА Галия Калимоловна,
профессор кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС
России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: artamonova@mail.ru

БЕРОВА Джульетта Михайловна,
заместитель начальника Северо-Кавказского
института повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: berova-dm@inbox.ru

ШХАГАПСОЕВ Заурби Лелович,
начальник Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиала)
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: shkhagapsoev@mail.ru
Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ПОЛИЦИЯ, ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЕ: СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей применения мер принуждения государственными органами в России XIX века. Выделяя конкретный исторический период, авторы путем комплексного анализа в аспекте политики государства, проводимой в ходе судебной реформы, акцентируют внимание на наиболее значимых и имеющих принципиальное значение моментах, связанных с реализацией как полицией, так и другими государственными учреждениями принудительных мер.

Ключевые слова: меры принуждения; полиция; государственные органы; судебная реформа.

ALIEV Ya.L.
ARTAMONOVA G.K.
BEROVA D.M.
SHKHAGAPSOEV Z.L.

POLICE, OTHER GOVERNMENT AGENCIES AND COERCION: JUDICIARY REFORM IN RUSSIA IN THE 19TH CENTURY

The summary. The article is concerned with consideration of the peculiarities of application of coercive measures by the state authorities in Russia in the 19th century. Distinguishing the specific period in history the author through a comprehensive analysis in the aspect of the state policy carried out in the course of judiciary reform focuses on the most important points which are of the fundamental significance related to the implementation of coercive measures by both the police and other government agencies.

Key words: coercive measures; police; government agencies; judiciary reform.

Судебная реформа в России 1864 г. стала следствием затянувшегося кризиса судебной системы, вызванного прежде всего нежеланием Николая I поступаться принципом абсолютизма и в этой части государственного механизма. Те же некоторые позитивные локальные решения в судопроизводственной сфере, которые принимались до этого времени, не могли существенно повлиять на положение дел во всей России. Требовались коренные преобразования. Важным было то обстоятельство, что необходимость преобразований понимал и поддерживал сам император Александр II и основное его окружение. И действительно, для дореформенного суда была характерна множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, невозможность порой определить круг дел, который должен подлежать рассмотрению того или иного судебного органа. Дела бесконечно перекочевывали из одного суда в другой, зачастую возвращаясь в первую инстанцию, откуда вновь начинали долгий путь вверх, на что нередко уходили десятилетия. Другой порок дореформенного суда – взяточничество. Это, наряду с произволом и невежеством чиновников, типичное для всех звеньев государственного аппарата явление здесь приобрело настолько чудовищный, всепоглощающий размах, что его вынуждены были признать даже самые ярые защитники самодержавно-крепостнических порядков [3, стр. 320].

Подавляющее большинство судебных чиновников рассматривали свою должность как средство наживы и самым бесцеремонным образом требовали взятки со всех обращавшихся в суд. Не были исключением и полицейские чины, участвующие в

судопроизводственных процессах. Попытки правительства бороться со взяточничеством не давали никаких результатов, поскольку этот порок охватил весь государственный аппарат. Крайне низкая общая грамотность судей, не говоря уже о грамотности юридической, обусловила фактическое сосредоточение всего дела правосудия в руках канцелярских чиновников и секретарей [1, стр. 15-16]. В дореформенном суде господствовала инквизиционная (розыскная) форма судопроизводства. Процесс проходил в закрытом режиме. Принцип письменности предполагал, что суд решает дело не на основе живого, непосредственного восприятия доказательств, личного ознакомления со всеми материалами дела, непосредственного устного допроса обвиняемого подсудимого, свидетелей, а опираясь на письменные материалы, полученные во время следствия, да и доказательства оценивались по формальной системе. Их сила заранее определялась законом, который твердо устанавливал, что может, а что не может быть доказательством. Закон же устанавливал и степень достоверности допускаемых доказательств, деля их на несовершенные и совершенные, т. е. такие, которые давали основание для окончательного приговора и не могли быть опровергнуты подсудимым. Но и среди них особо выделялось признание – «лучшее свидетельство всего света». Для получения его широко применялась пытка, формально запрещенная в 1801 году, но на практике просуществовавшая на протяжении всей первой половины XIX в. [7, стр. 8].

Результатом длительной подготовки судебной реформы стало утверждение императором 19 ноября 1864 г. следующих основных актов: Учреждение судебных установлений [8], Устав

гражданского судопроизводства [9], Устав уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [10]. В рамках этой реформы не могли не затрагиваться и вопросы регулирования и применения мер принуждения и полицейских арестов. Их регулирование в пореформенной России непосредственно увязывалось с полномочиями полиции в части личного задержания, а последние, в свою очередь, зависели от характера общественно-политического развития в нашей стране во второй половине XIX – начале XX вв. В этой связи следует заметить, что судебная реформа при общей в целом положительной оценке для государственного развития страны, имела весьма противоречивый ход. Официальный акт об ее завершении был издан только 1 июля 1899 г., а за это время и судебные уставы, и соответствующие полномочия полиции изменились, причем по многим вопросам кардинально и, увы, в антидемократическом направлении [5, стр. 95-96]. Период контрреформ связывается с подъемом революционного движения, на который власти реагировали преимущественно усиlemeniem административно-правовых и уголовно-правовых репрессий, а в их рамках – расширением полномочий полиции в части личного задержания в порядке полицейского ареста.

Прежде всего отметим, что с судебной реформой предварительное следствие по уголовным делам было отделено от полиции – за ней осталось в основном только дознание. Если же точнее, то речь идет о том, что в следственной части обязанности полиции ограничивались: «1) производством дознания или расследований о преступлениях и проступках вообще и сообщением о них мировым судьям, или судебным следователям по принадлежности; 2) пресечением преступлений во время, на месте их совершения, до прибытия судебного следователя, и принятием мер к пресечению обвиняемому способов уклониться от следствия и суда; и 3) заменою судебного следователя, в случае его отсутствия, во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства». Кроме того, принципиально важным является то обстоятельство, что полиция была лишена формальных судебных полномочий, частью которых она обладала до судебной реформы. Указанные процессуальные изменения процессуальных полномочий полиции

укладывались в русло проводимых реформ. В этом же смысле следует расценивать и организационно-структурную реорганизацию органов правопорядка в России.

Реорганизация полиции, и прежде всего уездной, как необходимость вытекала из основной (крестьянской) реформы. «Временные правила об общем устройстве полиции в городах и уездах, по общему учреждению управляемых», которые были утверждены «впредь до издания общего учреждения полиции» 25 декабря 1862 г. и, несмотря на изначально предполагаемую временность, оказались нормативно-правовым актом долговременного действия – в литературе указывается, что большинство норм этого акта действовали до конца империи [6, стр. 17]. В частности, Правила определяли, что в целях объединения земских и городских полиций в каждом уезде создается уездное полицейское управление во главе с уездным исправником. Если раньше земский исправник выбирался дворянским собранием (с одобрения губернатора), то теперь уездный исправник стал назначаться «от правительства» (губернатором или генерал-губернатором). Уездное полицейское управление, его общее присутствие, включало исправника с помощником и выборных сословных заседателей (от дворян, сельских обывателей и горожан). Уездный исправник, согласно «Временным правилам», являлся председателем общего присутствия полицейского управления и начальником уездной полиции, ему подчинялись все полицейские чиновники в уезде. Он принимал окончательное решение по всем вопросам, входящим в компетенцию полиции, в том числе и по вопросам полицейских арестов и других мер принуждения.

В связи с крестьянской реформой власть была озабочена, прежде всего, устройством полиции в уездах, то есть в сельских местностях, где, с учетом ранее имевшихся у помещиков ряда полицейских полномочий, среди которых наиболее весомым было право производить наказательный арест, особенно ощущалась недостаточность полицейского надзора. Территория многих станов была весьма обширна, и становому приставу с двумя-тремя рассыльными приходилось испытывать значительные трудности при исполнении своих разнообразных обязанностей. При таких условиях вся полицейская деятельность лежала на сотских и десятских. Однако состав

этой категории был очень плохим, как в силу условий назначения (по выборам), так и в связи с крайне малыми должностными окладами, а иногда и при полном их отсутствии. Кроме того, согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», крестьяне получали «права состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу» (ст. 2). Однако зачислялись они в разряд так называемых податных сословий, которые, в отличие от привилегированных (дворянство и духовенство), должны были платить подушную подать, нести рекрутскую и другие повинности. Особенно широкие права помещики сохраняли по отношению к временнообязанным крестьянам. Согласно Положению, в селениях бывших помещичьих крестьян создавались органы крестьянского «общественного» управления. Низовым звеном этих органов являлось сельское общество, состоявшее из крестьян, «водворённых на земле одного помещика».

Помещики объявлялись «попечителями сельских обществ». Каждый из них получил «право надзора за охранением общественного порядка и общественной безопасности на пространстве принадлежащего ему имения» и соответственно имел прямое влияние на решение вопросов о личном задержании, правда, его полномочия уже не касались процессуальных полицейских арестов. Тем не менее помещики сохранили права вотчинной полиции, то есть в полицейском отношении им подчинялись сельские власти. Помещик имел право требовать смены сельского старости либо других лиц сельской администрации. Более того, в течение первых девяти лет помещику предоставлялось право, «если он признает присутствие какого-либо крестьянина в обществе вредным или опасным, предложить самому обществу об исключении того крестьянина и представлении его в распоряжение правительства». Если общество не соглашалось с помещиком, он мог поставить об этом вопрос перед уездной полицией и добиться высылки из общества неугодного ему крестьянина. В одном и том же селении могло быть несколько сельских обществ, принадлежавших раз личным владельцам.

Сельское общественное управление составляло сельский сход. Решения сельского схода должны были проводиться в жизнь сельским старостой, который наделялся определёнными полицейскими

функциями и в данной части подчинялся как волостному начальству, так и чинам уездной полиции. В его обязанности входило «принимать необходимые меры для охранения благочиния, порядка и безопасности лиц и имуществ от преступных действий». Ему же предоставлялось право ведения предварительного дознания и задержания виновных до прибытия полиции или судебного следователя. Староста, следовательно, являлся фактически представителем полицейской власти, и его функции в основном сводились к обеспечению «надлежащего порядка» и обеспечению исправной уплаты различного рода неустоек и повинностей. Более того, сельские старосты наделялись и административно-судебными функциями: они имели право наказывать крестьян своей общины за маловажные проступки, подвергал виновных аресту или общественным работам до двух дней, либо облагать штрафом.

Согласно Временным правилам во главе городских полиций стояли полицмейстеры, назначаемые губернаторами. Основным элементом городской полиции был участок, руководимый участковым приставом. В его подчинении был один офицер и письмоводитель. Участки разделялись на околотки, во главе которых стояли околоточные надзиратели. Те, в свою очередь, руководили городовыми постовой службы и дворниками, выполняли обязанности общего наблюдения за поддержанием порядка на улицах, проверяли правильность ведения домовых книг и прописки паспортов. В крупных городах полицией руководили градоначальники, назначаемые правительством и обладавшие обширными полномочиями. Они организовывали охрану правопорядка, борьбу с преступностью, руководили почтой и местной фабричной инспекцией, заведовали казёнными зданиями и сооружениями, утверждали постановления органов городского самоуправления, выполняли многие другие обязанности. Организация полицейских сил в городах Санкт-Петербурге и Москве имела свои особенности, продиктованные столичной значимостью и оперативной обстановкой в этих городах. Непосредственно руководил полицией в каждом из нихober-полицмейстер, подчинённый градоначальнику. При нём находились три полицмейстера, выполнявшие инспекторские функции, и два чиновника особых поручений. Основным звеном столичной полицейской

структуры был участок, во главе которого стоял пристав. Именно в участок доставлялись арестованные. В участке, кроме того, полагались помощники пристава и другие нижние полицейские чины. Участки делились на околотки, возглавлявшиеся околоточными надзирателями. Каждый околоток охватывал от трех до четырех тысяч населения.

Отдельная Инструкция околоточным надзирателям была утверждена в 1867 г. [2, стр. 110-112] На околоточных надзирателей возлагался «ближайший надзор за соблюдением в пределах вверенного им околотка правил относительно общественного благоустройства и благочиния, обязанность предупреждать и останавливать нарушителей этих правил, водворять порядок и право, в случае неисполнения их законных требований составлять о том протоколы». Околоточные руководили городовыми постовой службы, дворниками, наблюдали за внешним порядком, освещением улиц и дворов, правильностью ведения ломовых книг, пропиской паспортов, своевременным открытием и закрытием торговых заведений, выполняли многие другие обязанности, относящиеся к жизни околотка. Кроме того, они должны были производить дознания «по собственному побуждению... во всех тех случаях, когда усмотрят какой-либо повод подозревать, что совершено преступление». Околоточные имели право преследовать и задерживать подозреваемых в совершении преступлений или проступков. При этом им разрешалось входить в любое помещение, где скрылся подозреваемый. Но обыски и выемки они могли делать лишь по поручению участкового пристава. Как видно, околоточные надзиратели располагали довольно обширными полномочиями в сфере полицейского ареста.

Патрульно-постовую службу в Петербурге, Москве, других больших городах, наряду с другими обязанностями, несла и жандармерия.

Соответственно жандармы также наделялись полномочиями производить полицейские аресты в виде предупредительных личных задержаний.

С 1866 г. в Санкт-Петербурге при градоначальнике было создано сыскное отделение полиции (в других городах это было сделано позже), которое вело дознание и розыск по уголовным преступлениям, а также исполняло задания градоначальника в сфере предупреждения преступности, и в этих рамках также обладала полномочиями производить полицейские аресты [4, стр. 54-55].

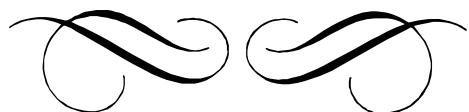
В первые же годы реформ проявились основные недостатки в организации и деятельности полиции, не были исключением и вопросы производства полицейских арестов и других принудительных мер. Однако, как показывает история, вместо совершенствования организационно-правовых форм деятельности полиции и решения процессуальных вопросов их деятельности, в сфере применения мер принуждения все большую роль стали играть политические карательные органы.

Изложенное позволяет констатировать, что с началом буржуазных реформ в России с начала 1860-х гг. институт применения мер принуждения, в том числе полицейского ареста, претерпел изменения, которые имели противоречивый характер. С одной стороны основания и порядок производства ареста полицейскими органами стали регулироваться в различных законодательных актах более подробно, особенно это касалось уголовно-процессуального ареста, достаточно детально регламентированного в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Однако с другой стороны принимались законы, которые предоставляли огромные полномочия как правоохранительным органам, так и губернаторам, в том числе в вопросах личного задержания. Такое положение отражало остроту общественно-политического развития нашей страны в рассматриваемую историческую эпоху.

Список литературы

1. Гессен И.В. Судебная реформа. – М., 1905.
2. Инструкция околоточным надзирателям 1867 г. // История полиции России. Краткий очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. – М., 1998.
3. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России // А.Ф. Кони. Собр. соч. Т. 4. – М., 1967.

4. Матиенко Т.Л. Сыскная полиция в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
5. Немытина М.В. Применение судебных уставов 1864 года // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. – Воронеж, 1988.
6. Невский С.А., Волынская О.В., Карлеба В.А. Очерки истории правоохранительных органов и борьбы с преступностью в России. – Краснодар, 2004.
7. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. – М., 1991.
8. Учреждение судебных учреждений // Судебные уставы 19 ноября 1864 г. – СПб., 1864.
9. Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 19 ноября 1864 г. – СПб., 1864.
10. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Судебные уставы 19 ноября 1864 г. – СПб., 1864.

МИРЗОЕВ Саломатшо Бозорбоевич,
ассистент кафедры судебного права и
прокурорского надзора Таджикского
национального университета
E-mail: mirzoeff@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА И КОНТРОЛЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье представлена история становления конституционного надзора и контроля советского периода нашей страны. Автор анализирует положения Конституции РСФСР 1918 г., Конституций СССР 1924 и 1936 годов, последней Конституции Советского Союза. Он обращается к Договору об образовании Союза ССР, к Положениям (1924 и 1929 гг.) о верховном Суде СССР, тщательно изучает научную литературу, посвященную данной исторической проблеме.

По мнению исследователя, в рамках советской государственно-правовой системы сложился определенный опыт конституционного контроля и надзора. Этот опыт требует своего изучения, научного анализа и учета в современных условиях. Он подчеркивает, что советская система судебного и квазисудебного конституционного контроля и надзора, сложившаяся на основе и в рамках соответствующей государственно-правовой доктрины, имела крайнюю идеологическую направленность. Вместе с тем, изучение данного опыта, особенно деятельности комитетов конституционного надзора, созданных в период перестройки, имеет определенное значение.

Исторический опыт обеспечения конституционного надзора и контроля в СССР подтолкнул необходимость создания Конституционных судов в России, других постсоветских государствах, соответствующих структур в субъектах федераций.

Ключевые слова: конституционный надзор и контроль; конституция; закон; договор; положение; правосудие; охрана законов; суд; комитет; конституционное правосудие; идеологическая направленность; исторический период; советская система; постсоветское пространство.

MIRZOEV S.B.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET CONSTITUTIONAL SUPERVISION AND CONTROL SYSTEM (HISTORIC-LEGAL ASPECT)

The summary. The article presents the history of formation of the constitutional supervision and control in the Soviet period of our country. The author analyzes the provisions of RSFSR Constitution of 1918, USSR Constitution of 1924 and 1936, the last Constitution of the Soviet Union. He refers to the Treaty on the Creation of the USSR, the Statutes on Supreme Court of the USSR (1924 and 1929), makes an extensive study of the research literature concerned with this historical issue.

In the researcher's opinion a certain experience of constitutional control and supervision was formed within the Soviet state and legal system. This experience requires a study, scientific analysis and consideration under present-day conditions. He emphasizes that the Soviet system

of judicial and quasi-judicial constitutional control and supervision formed on the basis and within the framework of the corresponding state and legal doctrine had an extreme ideological orientation. However the study of this experience, in particular the activities of the constitutional supervision committees which were established in the Perestroika period, is of a certain importance.

The historical experience of ensuring the constitutional supervision and control in the USSR spurred on to the need for the establishment of Constitutional courts in Russia, other post-Soviet states, corresponding structures in constituent entities of the Federation.

Key words: constitutional supervision and control; Constitution; law; agreement; provision; justice; protection of laws; court; committee; constitutional justice; ideological orientation; period in history; Soviet system; post-Soviet area.

Попытка создать трехзвенную систему конституционного контроля и надзора на федеративном уровне была предпринята Конституцией СССР 1924 года. В состав правомочий советского конституционного контроля и надзора было вверено разрешение спорных вопросов в сфере противоречий между общесоюзным и республиканским законодательством, а также в деятельности соответствующих органов управления. С этой целью Верховный суд СССР был наделен особыми полномочиями. Верховный суд, в частности, был уполномочен давать заключение о конституционности «постановлений союзных республик», разрешать споры между субъектами Советской Федерации, а также рассматривать дела «по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности». Однако право окончательного решения коллизионных вопросов в области государственного строительства принадлежало двухпалатному Центральному Исполнительному Комитету СССР, действовавшему между съездами высшего органа государственной власти Союза. ЦИК СССР был двухпалатным государственным органом и включал Союзный Совет и Совет Национальностей. Примерно с начала 1930-х годов функции конституционного контроля в деятельности Верховного Суда СССР были ретушированы, а в последующих советских конституциях институт конституционного правосудия был исключен из предмета советского государственного права [9].

Как известно, судебный конституционный контроль в постсоветских странах возник на основе рецепции европейской модели конституционного контроля. В то же время, в рамках советской государственно-правовой

системы сложился опыт конституционного контроля и надзора. Советская система судебного и квазисудебного конституционного контроля и надзора сложилась на основе и в рамках советской государственно-правовой доктрины, отражала характерные для того времени особенности форм государственности, в частности, политического режима, имела крайнюю идеологическую направленность. Несмотря на это, изучение советского опыта конституционного контроля и надзора, особенно деятельности комитетов конституционного надзора, созданных в период политической перестройки, имеет познавательное значение.

Таджикистан был составной частью Советской Федерации, входил в состав советских государственных образований в качестве сначала автономной, затем советской социалистической республики и в этом своем качестве испытал соответствующее влияние института советского конституционного контроля и надзора. Более того, сложившаяся в Советском государстве система конституционного контроля и надзора ранее была неизвестна населению и государственной практике Таджикистана. Советское строительство в условиях Таджикистана сопровождалось использованием, наряду с экономической моделью, также советских политико-юридических норм и институтов, включая конституционный контроль и надзор. В советском Таджикистане, который в досоветское время пребывал в условиях исламской государственно-правовой системы, социалистические преобразования происходили в условиях трансформации традиционного общества, затронувшей все сферы общественной и государственной жизни.

Принятие первых советских конституций в

рамках Союзного государства и в Таджикистане способствовало становлению конституционного контроля и надзора. Наряду с созданием советского государства, была сформирована также качественно новая правовая система. Все преобразования в Таджикистане были составной частью государственно-правовых преобразований в рамках сначала Российского, затем Советского союзного государства. Поэтому формирование конституционного контроля и надзора было неотъемлемой частью конституционных преобразований на всем советском государственно-правовом пространстве. С учетом данного положения становление историко-правовых предпосылок конституционного контроля и надзора в условиях советского Таджикистана необходимо изучать в неразрывной связи с аналогичными процессами, которые происходили в рамках Советского союзного государства.

В литературе выделяют ряд этапов в развитии советской системы конституционного контроля. Данные этапы различаются по характеру тех полномочий, которыми были наделены соответствующие органы Советского государства. Иными словами, периодизация становления и развития советской системы конституционного контроля и надзора равнозначна периодизации истории конституционного развития.

Так, по Конституции РСФСР 1918 г. [3] несколько органов осуществляли функцию конституционного надзора: Всероссийский съезд Советов, Центральный Исполнительный Комитет и его Президиум. По мнению одних авторов, указанные органы осуществляли «парламентский контроль» [8, стр. 62], а по мнению других – «конституционный контроль» [15, стр. 64]. При этом Всероссийский Съезд Советов являлся основным органом, наделенным контрольными полномочиями.

По словам С.Э. Несмияновой, в начальные годы советской власти на практике «право отмены конституционных актов осуществлялось Президиумом ВЦИК. Свои предварительные заключения о конституционности того или иного правового акта давал отдел законодательных предложений, наделенный функциями конституционного контроля» [17, стр. 38].

Следующий этап был связан с созданием Советского союзного государства в 1922 г. Соответственно учреждаются новые союзные органы конституционного контроля и надзора на

уровне советской федерации – Всесоюзный съезд советов, Центральный Исполнительный Комитет СССР и его Президиум. В соответствии с п. 2 ст. 1 Договора об образовании Союза ССР [5] указанные органы наделялись правом отмены постановлений съездов Советов, ЦИК и СНК союзных республик в случае нарушения ими Союзного Договора.

Впоследствии полномочия указанных выше органов государства в сфере конституционного надзора были зафиксированы в Конституции СССР 1924 г. [4] По Конституции СССР 1924 года создается многозвенная система конституционного надзора. Контрольными полномочиями наделяются Съезд Советов СССР, Совет Народных Комиссаров СССР, Центральный Исполнительный Комитет СССР и Президиум ЦИК СССР. Причем контрольные полномочия указанные органы осуществляли наряду с другими не менее важными для них полномочиями. Иными словами, указанные выше органы не были специализированными. Помимо того, их полномочия носили в большей мере надзорный характер.

На основе Конституции СССР 1924 г. принимаются также иные нормативные правовые акты, подкрепляющие функции конституционного контроля и надзора союзных органов. Так, по Положению о Совете Народных Комиссаров СССР данный орган наделялся полномочием по разрешению разногласий между Советами Народных Комиссаров союзных республик (ст. 3). Согласно ст. 54 Положения о ЦИК СССР постановления Президиума ЦИК СССР в случае сомнения в их конституционности могли быть опротестованы на сессии ЦИК СССР как Президиумами Союзного Совета и Совета Национальностей, так и ЦИК союзных республик. Всесоюзный съезд Советов также непосредственно рассматривал споры, связанные с применением Конституции. Тем не менее, Президиум ЦИК СССР как постоянно действующий орган осуществлял повседневный контроль за конституционностью актов, в частности, имел право приостанавливать или отменять действие постановления правительства, акты союзных наркоматов, ЦИК и СНК союзных республик в случае их противоречия союзной Конституции. Президиум ЦИК СССР был вправе приостанавливать неконституционные постановления съездов Советов союзных

республик с последующим внесением на рассмотрение ЦИК СССР в промежутках между Всесоюзными съездами Советов. При этом большое количество дел, связанных с вопросами конституционности, возникало по протестам ЦИК союзных республик, в частности, обусловленных неясностями и пробелами в области разграничения компетенции между Союзом ССР и союзными республиками. Таким образом, ЦИК СССР и его Президиум не только наблюдали за исполнением Конституции, но и обладали правом отмены противоречащих Конституции актов в промежутках между съездами Советов СССР [17, стр. 38].

На начальном этапе система конституционного контроля и надзора учреждается на общесоюзном уровне. Органы Союза ССР обеспечивали соблюдение интересов, как Союза ССР, так и союзных республик.

Итак, поскольку СНК СССР и его Президиум наделялись полномочиями приостановления либо отмены неконституционных актов, их деятельность осуществлялась в порядке конституционного контроля, а не надзора. Тем не менее, указанные органы государства, как и иные общесоюзные органы, наделенные полномочием конституционного контроля, не были специализированными органами конституционного контроля.

Следует отметить, что Конституция СССР 1924 года внесла новеллу в систему конституционного контроля и надзора в условиях советской системы правления. По Конституции СССР 1924 г. Верховный Суд СССР был наделен полномочиями проверки конституционности актов в сфере надзора за соблюдением Конституции СССР. Контрольные полномочия Верховного Суда СССР были предусмотрены ст. 43 Конституции СССР (пункты «в» и «г»), а также Положениями о Верховном Суде СССР от 1923 и 1929 гг. [6; 7].

Верховный Суд осуществлял конституционный надзор по судебной линии – «путем дачи руководящих разъяснений верховным судам союзных республик в отношении общесоюзного законодательства; опротестования перед Президиумом ЦИК СССР, по постановлению прокурора, постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик как противоречащих общесоюзному законодательству или затрагивающих интересы других союзных республик. По линии общего надзора за законностью – посредством дачи Президиуму

ЦИК СССР по его требованию заключений о законности тех или иных актов союзных республик с точки зрения союзной Конституции; о приостановлении и отмене постановлений, действий и распоряжений центральных органов и отдельных наркоматов Союза ССР по мотивам несогласованности таковых с Конституцией» [17, стр. 40].

Верховный Суд СССР осуществлял функцию конституционного надзора за соблюдением Конституции СССР в период с 1923 г. по 1933 г. Однако Верховный Суд СССР функцию конституционного надзора осуществлял не самостоятельно, а в качестве консультативного органа при Президиуме ЦИК СССР. Поэтому его считают вспомогательным органом по проверке конституционности законов. Верховный Суд СССР был уполномочен давать заключения о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции СССР по требованию ЦИК СССР [10, стр. 94].

Впоследствии контрольная деятельность Верховного Суда СССР была обделена некоторой долей самостоятельности. Верховный Суд СССР по Положению «О Верховном суде СССР» от 1929 года был наделен правом самостоятельного вхождения в Президиум ЦИК СССР с ходатайством о рассмотрении вопросов о неконституционности постановления ЦИК союзных республик. Верховный Суд СССР мог поставить перед Президиумом ЦИК СССР вопросов о приостановлении и отмене постановлений наркоматов и иных центральных органов, за исключением постановлений самого Центрального Исполнительного Комитета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР, Совета труда и обороны [19, стр. 29].

Помимо того, Верховный суд СССР по инициативе прокурора Верховного Суда или по собственной инициативе мог входить с ходатайством в Президиум ЦИК СССР с представлениями о приостановлении и отмене постановлений ЦИК союзных республик и их президиумов в случае их несоответствия Конституции и общесоюзовым законам. Верховный Суд в области общего надзора за законностью имел право разъяснить общесоюзное законодательство по предложениям Президиума ЦИК СССР и по запросам СНК СССР [17, стр. 43].

Таким образом, полномочия Верховного Суда

СССР в отношении актов центральных органов и актов союзных республик были выстроены с учетом федеративной природы Советского государства, в частности, соблюдения требований в сфере разграничения полномочий Союза ССР и союзных республик. На это обстоятельство обращается внимание в ряде исследований. Так, по словам С.Э. Несмияновой, «Верховный суд СССР мог давать заключения в отношении в отношении актов союзных республик только лишь по требованию Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР. Что же касается постановлений и распоряжений центральных органов и союзных наркоматов, то в случае их несогласованности он выносил представления об их приостановлении или отмене по собственной инициативе. Однако Верховный суд не был уполномочен ставить вопрос о конституционности правовых актов Всесоюзного съезда Советов, Центрального Исполнительного Комитета СССР и его Президиума» [17, стр. 40].

В целом, по Конституции 1924 года Верховный суд СССР не принимал обязательных решений, а обращался в Президиум ЦИК СССР. К тому же прокурор Верховного суда мог ставить вопрос о конституционности тех или иных актов органов государственной власти не только перед Верховным судом СССР, но и непосредственно перед Президиумом ЦИК СССР. Причем «около двух третей протестов, направленных им в течение первых четырех лет работы в Президиум ЦИК с мнением о неконституционности постановлений и распоряжений, изданных государственными органами, были признаны основательными... С начала 30-х годов эти функции Верховного Суда стали все более ограничиваться, а в 1930 г. вообще сняты. Мотивировкой послужило то, что их будет выполнять Прокуратура СССР. На деле конституционный контроль был просто-напросто упразднен» [21, стр. 74].

Несмотря на предпринятую в Советском государстве попытку обделения Верховного Суда функцией конституционного надзора, все же главенствующую роль в данной сфере играли союзные органы государства, в частности, СНК и его Президиум. Причем если союзные органы государства обладали функцией конституционного контроля, то Верховный Суд осуществлял конституционный надзор, поскольку не мог самостоятельно приостанавливать или отменять

неконституционные акты. Более того, Верховный Суд был учрежден при Центральном Исполнительном Комитете СССР и благодаря такому своему статусу являлся вспомогательным органом ЦИК при реализации последним функции конституционного контроля.

На указанную специфику правового статуса Верховного Суда СССР указывают многие авторы. Так, по словам С.Э. Несмияновой, Президиум ЦИК СССР при осуществлении конституционного контроля часто пользовался помощью Верховного суда, которые по Конституции СССР 1924 г. совместно с прокурором Верховного суда СССР наделялся функциями по осуществлению конституционного надзора. Верховный суд учреждался при Центральном Исполнительном Комитете СССР и был обязан давать по требованию последнего заключения о конституционности отдельных постановлений ЦИК и СНК союзных республик, СНК СССР [17, стр. 39].

По словам Б.М. Лазарева, учреждение и деятельность Верховного Суда СССР в сфере конституционного контроля была первой в советском государстве попыткой «учреждения органа конституционного надзора. Но в начале 30-х годов он прекратился. Такой надзор и складывавшаяся административно-командная система были несовместимы» [13, стр. 153].

Тем не менее, Верховный Суд СССР за довольно короткий срок широко применил функцию конституционного надзора. Так, за 1924 г. в Верховный Суд поступило 2197 нормативных актов для проверки их конституционности, а в 1928 году число таких актов увеличилось до 6272. Несмотря на это постановления Пленума Верховного суда СССР по вопросам соответствия нормативных актов Конституции имели консультативное значение и лишь в случае их утверждения постановлениями Президиума ЦИК СССР приобретали обязательную силу. Верховный суд давал заключения о конституционности актов по требованию ЦИК СССР. Неконституционные акты отменял не Верховный Суд, а ЦИК СССР [17, стр. 41].

Несмотря на то, что система конституционного контроля и надзора на начальном этапе была создана на уровне Союзного государства, все же союзные республики были представлены в общесоюзных органах. Так, председатели верховных судов союзных республик участвовали

в работе пленарных заседаний Верховного Суда СССР. Помимо того, союзным республикам в лице их высших государственных органов, а также через прокурора Верховного Суда СССР было предоставлено право опротестования постановления Пленума Верховного суда СССР.

С начала 1930-х годов Верховный Суд СССР постепенно терял полномочия судебного конституционного контроля. Одним из факторов, способствовавшим этому, послужило учреждение в 1933 г. Прокуратуры СССР. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об учреждении Прокуратуры СССР» последний был уполномочен осуществлять надзор за соблюдением Конституции СССР, постановлений Правительства СССР, актов отдельных ведомств СССР.

По Конституции СССР 1936 г. [1] создание специализированного органа конституционного контроля и надзора предусмотрено не было. В соответствии со статьями 14 и 16 Конституции высшие органы государственной власти Союза ССР были уполномочены следить за соответствием законодательства союзных республик общесоюзному законодательству. В результате функция по контролю соблюдения Конституции перешла к Верховному Совету СССР и его Президиуму. Причем конституционный контроль был предварительным. В конституциях союзных и автономных республик, разработанных на основе союзной конституции, также предусматривался контроль за соблюдением конституций на уровне республик. Данный контроль возлагался на Верховные Советы союзных и автономных республик и их Президиумы.

По Конституции СССР 1936 г. вводится новая система проверки конституционности нормативных правовых актов. Она характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, вводится система контроля за соответствием законодательства союзных и автономных республик общесоюзному законодательству. Общесоюзное законодательство включало Конституцию СССР и общесоюзные законы. В результате была существенно расширена сфера контроля. Теперь законодательство союзных и автономных республик проверялось на предмет его соответствия не только Конституции СССР, но и иным законодательным актам Союза ССР.

Полномочие по осуществлению такого контроля возлагается на высший представительный орган государства – Верховный Совет СССР, а в период между его сессиями – на Президиум Верховного Совета.

В-вторых, учитывая федеративную природу Союза ССР, создается двухуровневая система контроля за соответствием законодательства субъектов советской федерации общесоюзному законодательству. Помимо системы конституционного контроля на уровне Союза ССР, вводится аналогичная система контроля в союзных и автономных республиках. Причем высшие представительные органы союзных республик проверяли соответствие собственного законодательства как Конституции и законам СССР, так и Конституции и законам республики. А высшие представительные органы автономных республик следили за соответствием собственного законодательства законодательству, как союзной республики, так и Союза ССР. В результате вводился полномасштабный контроль в сфере законодательства, точнее, соответствия законодательства автономной республики законодательству союзной республики и СССР, законодательства союзной республики законодательству Союза ССР. Вводится многоуровневый контроль в сфере законодательства.

В-третьих, сложившаяся ранее практика осуществления конституционного надзора Верховным судом СССР не получает продолжения, в связи с чем упраздняется судебный конституционный надзор. С целью обеспечения полновластия Советов вводится своеобразная система контроля в сфере законодательства. Складывается советская модель контроля законодательства. Она предусматривала контроль соответствия законодательства союзных и автономных республик общесоюзному законодательству со стороны высшего представительного органа с целью сохранения полновластия Советов, повышения авторитета представительных органов.

В-четвертых, контроль, осуществляемый высшим представительным органом государства, не распространялся на неконституционные акты представительных органов союзных республик. Он касался лишь актов исполнительных органов. Так, в соответствии со ст. 49 Конституции СССР

Верховный Совет СССР и его Президиум были вправе отменить неконституционный акт Совета Министров, министерств, советов министров союзных республик. В случае обнаружения неконституционности акта представительного органа союзной республики Верховный Совет СССР предлагал привести его в соответствие с общесоюзовым законодательством. В противном случае Президиум Верховного Совета СССР принимал специальный указ.

В-пятых, в литературе высказано мнение о том, что контроль «со стороны президиумов верховных советов СССР и союзных республик, по сути, был парламентским» [17, стр. 45]. В то же время существует противоположное мнение о том, что в советский период «не только судебный, но и парламентский контроль ... так и не сложился» [16, стр. 39].

На самом деле трудно назвать контроль со стороны высших представительных органов парламентским, ибо парламентаризм со всеми характерными для него свойствами не сложился к тому времени. Тем более что Президиум Верховного Совета фактически был постоянно действующим органом и функционировал в период между сессиями представительного органа, не заменяя при этом сам Верховный Совет.

Хотя функцией контроля в сфере законодательства был наделен Верховный Совет, фактически такой контроль осуществлял постоянно действующий Президиум Верховного Совета СССР, а в союзных и автономных республиках – Президиумы Верховных Советов союзных и автономных республик. Президиум Верховного Совета помимо контроля законодательства также давал толкование действующих законов СССР. По имеющимся сведениям, Президиумом Верховного Совета СССР за 30 лет в десяти случаях рассматривал дела о несоответствии актов республик Конституции и законам СССР [16, стр. 39].

Конституция СССР 1977 года не внесла существенных изменений в существовавшую систему контроля за соблюдением Конституции. По Конституции СССР 1977 года полномочия по соблюдению Конституции возлагались, как и прежде, на Верховный Совет СССР, а в период между его сессиями – на Президиум Верховного Совета СССР. В соответствии с п. 11 ст. 73 Конституции СССР к ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и

управления относился «контроль за соблюдением Конституции СССР и обеспечения соответствия Конституций союзных республик Конституции СССР» [2].

В п. 4 ст. 121 Конституции СССР было закреплено право Президиума Верховного Совета СССР в сфере контроля за соблюдением Конституции СССР и обеспечения соответствия конституций союзных республик Конституции и законам СССР [2].

Полномочие Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению вопросов о соблюдении Конституции СССР государственными и общественными органами, должностными лицами было предусмотрено также Регламентом Верховного Совета СССР. Причем данное полномочие Президиум Верховного совета осуществлял по собственной инициативе либо по предложению Правительства СССР, высших органов государственной власти союзных республик, комиссий Верховного Совета его палат, депутатов Верховного Совета, Комитета народного контроля СССР, Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, общественных организаций в лице их общесоюзных органов [17, стр. 47].

Однако Президиум Верховного Совета СССР не обладал правом отмены или приостановления не соответствующих общесоюзной Конституции или закону республиканских конституций и законов. В таком случае Президиум Верховного Совета СССР мог лишь ставить вопрос перед Президиумами Верховных Советов советских республик о приведении конституции или закона в соответствие с Конституцией или законом СССР. Тем не менее в соответствии с п. 7 ст. 121 Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР был вправе отменять противоречащие закону постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик [2].

Таким образом, Президиум Верховного Совета СССР, будучи обделенный правом отмены актов высших органов управления, выступал как орган конституционного контроля. В то же время конституционный контроль со стороны Президиума Верховного Совета СССР был ограниченным, поскольку не распространялся на акты высших представительных органов государства.

По словам Б.Н. Топорнина, «согласно

Конституции СССР 1977 года (в первоначальной редакции) задачи, связанные с соблюдением конституционной законности, была возложена на Президиум Верховного совета СССР. Полномочия, которыми он наделялся, можно условно разделить на три группы. Во-первых, он осуществлял контроль за соблюдением Конституции СССР и был наделен правом отменять постановления и распоряжения правительства – Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик в случае несоответствия их закону. Во-вторых, Президиум Верховного Совета СССР обеспечивал соответствие Конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР. В-третьих, он давал толкование законов СССР» [20, стр. 34-35].

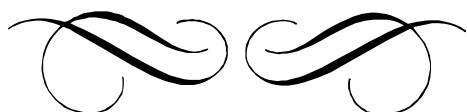
Аналогичная система контроля за соблюдением конституции была введена также в союзных республиках. В соответствии с ч. 3 ст. 76 Конституции СССР союзная республика имела свою Конституцию, которая соответствует Конституции СССР и отражает особенности республики [2]. Контроль за соблюдением соответствия Конституции союзной республики Конституции СССР возлагался на Верховный Совет союзной республики и его Президиум.

Хотя на основе Конституции СССР и конституций союзных республик была ведена система контроля в сфере соблюдения верховенства Конституции и законов, тем не менее, в литературе звучали идеи об учреждении различных органов конституционного контроля и надзора. Так, были высказаны идеи о создании комитета конституционного надзора на совместном заседании обеих палат Верховного Совета СССР с правом дачи заключения о конституционности законопроекта, закона или другого нормативного акта [12, стр. 48; 22, стр. 220], либо комиссии по конституционному контролю при Верховном Совете СССР с целью проверки конституционности актов всех государственных органов [см. 11, стр. 109]. По словам Б.М. Лазарева, «попытка учредить Комитет конституционного надзора СССР была предпринята еще в 1977 г. рабочей группой при Секретариате Конституционной комиссии, в состав которой входили видные ученые-юристы» [14, стр. 21-22]. Был предложен также вариант образования специальных коллегий при Верховном Суде СССР и Верховных судах союзных республик с правом дачи консультативных заключений [18]. Звучали также идеи о создании в СССР конституционного суда [23, стр. 44].

Список литературы

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
2. Конституция (Основной Закон) СССР. Утвержден VII внеочередной Сессией Верховного совета СССР десятого созыва 7 октября 1977 года. – Душанбе: ИРФОН, 1983.
3. Конституция РСФСР 1918 года // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
4. Конституция СССР 1924 года // Советские Конституции. – М.: Госполитиздат, 1963.
5. Договор об образовании союза ССР // История Советской Конституции (в документах). 1917 – 1956. – М., 1957.
6. Положение о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР от 24 июля 1929 г. // Собрание законодательства СССР. – 1929. – № 50. – Ст. 445.
7. Положение о Верховном Суде СССР, утвержденное Президиумом ЦИК СССР от 23 ноября 1923 года // Собрание законодательства СССР. – 1924. – № 19. – Ст. 183.
8. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2011.
9. Государственное право СССР и советское строительство: Учебник / Под ред. Н.П. Фарберова. – М., 1986.
10. Дьяло В.К. Судебная охрана конституций в буржуазных странах и в СССР. – М., 1928.
11. Еременко Ю.П. Контроль за конституционностью законов в СССР // Труды высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 1. – Волгоград, 1969.
12. Ильинский И.П., Щетинин Б.В. Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах Европы // Советское государство и право. – 1969. – № 9.
13. Лазарев Б.М. «Разделение властей» и опыт советского государства // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1997.

14. Лазарев Б.М. Комитет конституционного надзора СССР // Государство и право. – 1992. – № 5. – С. 21-22.
15. Ломцева М.Л. Российская и американская системы конституционного судебного контроля: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
16. Митюков М.А., Барнашов А.М. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999.
17. Несмелянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации: Дис. ... док. юрид. наук. – Екатеринбург, 2004.
18. Орлих М.Ф., Черкес М.Е., Васильев А.С. Правовая охрана Конституции в социалистическом государстве // Сов. государство и право. – 1988. – № 10.
19. Топорнин Б.Н. Конституционный контроль: идеи и проблемы реализации // Теория права: новые идеи. – М.: ИГП АН СССР. – 1991.
20. Топорнин Б.Н. Конституция в социалистическом правовом государстве // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1989.
21. Феофанов Ю.В. Возвращение к началам // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 1989.
22. Шафир М.А. Компетенция СССР и союзной республики (конституционные вопросы). – М.: Наука, 1968.
23. Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. – 1987. – № 4.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ЗОИРОВ Сухроб Джурахонович,
следователь Следственного отделения Отдела
внутренних дел-1 по району Рудаки МВД
Республики Таджикистан,
адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-
Петербургского университета МВД России

Специальность 12.00.12 – Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. Статья посвящена характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с позиций криминалистики. Выясняются особенности именно криминалистической характеристики противоправных проявлений, отличие ее от уголовно-правового и уголовно-процессуального анализа. Подчеркивается особенность криминалистики использовать в своем арсенале возможности других наук: криминологии, уголовной статистики, уголовного права, уголовно-процессуального права, судебной психологии, судебной психиатрии, судебной медицины и т.д.

Автор изучил историю проблемы. Он подчеркивает, что термин «криминалистическая характеристика» был введен в научный оборот в 1966 г. Л.А. Сергеевым. Дальнейшее детальное развитие данная проблема получила в творчестве И.А. Возгрина, который посвятил свои докторскую диссертацию и многочисленные научные публикации разработке и изучению частной криминалистической методики расследования преступлений.

В статье выделяются и рассматриваются четыре элемента криминалистической характеристики незаконного оборота наркотических средств: обстановка преступления; данные о предмете преступного посягательства; способ преступления; данные о личности преступника.

Теоретические выводы и предложения базируются на практическом опыте подразделений органов внутренних дел Республики Таджикистан.

Ключевые слова: преступление; криминалистическая характеристика преступления; частная методика расследования преступлений; незаконный оборот наркотических средств; обстановка преступления; преступное посягательство; предмет преступления; личность преступника.

ZOIROV S.D.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The summary. The article deals with the characteristic of crimes related to drug trafficking from the perspectives of criminalistics. The research concerns in particular the criminalistic characteristic of unlawful phenomena, its distinction from criminal legal and criminal procedural analysis. The emphasis is put on the peculiarity of criminalistics to use the resources of other sciences: criminology, criminal statistics, criminal law, criminal procedural law, forensic psychology, forensic psychiatry, forensic medicine, etc.

The author has studied the history of the problem. He emphasizes the fact that the term "criminalistic characteristic" was introduced into scientific use in 1966 by L.A. Sergeyev. Further detailed development was given to this issue in the works of I.A. Vozgrin who dedicated his doctoral thesis and numerous scientific papers to the elaboration of the methodology for investigation of crimes.

Four elements of the criminalistic characteristic for drug trafficking are distinguished and considered in the article: crime situation; data on the item of criminal infringement; modus operandi; data on personality of criminal.

Theoretical conclusions and proposals are based on the operational experience of subdivisions of internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan.

Key words: crime; criminalistic characteristic of crime; special methodology for investigation of crimes; drug trafficking; обстановка преступления; criminal infringement; target of crime; personality of criminal.

Любое преступление является сложным, многосторонним явлением и изучается различными отраслями знаний: уголовным правом, уголовно-процессуальным правом, криминологией, криминалистикой и другими. Так, уголовное право изучает юридические признаки преступления, отличающие его от непреступных деяний; уголовно-процессуальное право анализирует процессуальные вопросы расследования уголовного дела и рассмотрения дела в суде. В криминалистическом плане преступление – это обусловленная обстановка и в ней отражающаяся реальность, целеустремленная, обладающая структурной устойчивостью и внутренней информативностью системы, появление которой законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания. Таким образом, в отличие от уголовно-правового аспекта рассмотрения преступлений, криминалистикой изучаются и те элементы данного явления, которые не относятся к составу преступления. В то же время, в процессе изучения преступления криминалистикой используются и данные других наук: уголовного права, уголовно-процессуального права, криминологии, уголовной статистики, судебной психологии и т. д.

Термин «криминалистическая характеристика» был предложен и введен в научный оборот в

1966 г. Л.А. Сергеевым [29, стр. 4, 5], после чего перестало употребляться ранее довольно широко встречавшееся выражение «общая характеристика преступлений».

Криминалистическая характеристика преступлений является типовой информационной моделью, которая отражает типичные, с необходимостью повторяющиеся признаки определенного класса преступлений. Данные криминалистической характеристики формируются на основе изучения и обобщения судебной, следственной и оперативно-розыскной практики.

Поскольку криминалистическая характеристика преступлений является для следователей и дознавателей отправной точкой организации работы по уголовному делу, она лежит в основе частных методик расследования.

В настоящее время в юридической науке нет единства взглядов по вопросу понятия криминалистической характеристики.

И.А. Возгрин приводит следующее определение криминалистической характеристики – это элемент частной методики расследования преступлений, которая является одним из разделов криминастики, изучает закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в

целях выработки в строгом соответствии с требованиями законности научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению судебного исследования отдельных видов преступлений [14, стр. 98]. И.А. Возгрин, возглавляя долгие годы кафедру криминалистики в Высшем политическом училище МВД СССР, Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России и Санкт-Петербургском университете МВД России, многое сделал для разработки проблем криминалистической методики расследования преступлений. Им подготовлено большое количество работ по данной проблематике [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 25]. При написании данной статьи мы исходили из предложений, сделанных проф. И.А. Возгринным.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств состоит из следующих элементов:

- 1) обстановка преступления (место, время, иные обстоятельства, которые предшествовали или сопутствовали его совершению, а также последовали за ним);
- 2) данные о предмете преступного посягательства (в данном случае это наркотические средства);
- 3) способ преступления (включает в себя способы подготовки, совершения и скрытия общественно опасного деяния, средства достижения преступного результата);
- 4) данные о личности преступника.

Криминалистические характеристики преступлений включают в себя также такой элемент как личность потерпевшего. Однако, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, как правило, не имеют такого элемента.

Перечисленные элементы тесно взаимосвязаны с обстоятельствами предмета доказывания, однако их содержание обычно шире круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сформулированных в ст. 73 УПК Республики Таджикистан. Так, согласно данной статье, при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела подлежат доказыванию:

- события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения

преступления);

- события, определяющие личность обвиняемого;
- события, доказывающие преступность деяния;
- события, которые могут способствовать освобождению лица от уголовной ответственности;
- виновность обвиняемого в совершении преступления и способствованию преступления;
- обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в статьях 61 и 62 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер ущерба, причиненного преступлением;
- условия, способствующие осуществлению преступления [30].

Рассмотрение криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ целесообразно начать с обстановки преступлений.

Основу обстановки преступления составляют:

- объективные факторы – внешние условия, сформировавшиеся как по воле преступников, так и независимо от них;
- субъективные факторы – психологические особенности лиц, причастных к преступлению.

Существенный вклад в обстановку преступных действий с наркотиками вносит их немедицинское употребление. Немедицинское употребление наркотиков предполагает, как правило, приобретение наркотических средств преступным путем. Данное обстоятельство обуславливает связь между немедицинским употреблением наркотиков и такими преступлениями в сфере их незаконного оборота как изготовление, производство, приобретение, хранение, перевозка, пересылка, хищение, вымогательство и т. п.

Поскольку основная масса лиц, обладающих наркотической зависимостью, как правило, не работает и, следовательно, не имеет легальных источников дохода для приобретения наркотических средств, для приема дозы наркотиков наркоманы вынуждены изготавливать их самостоятельно, осуществлять множественную

перевозку наркотического сырья. Так, если в сезон удаётся изготовить несколько килограммов марихуаны или маковой соломы, то наркоманы нередко вынуждены ее частично реализовывать, чтобы поделиться с другими потребителями, а также компенсировать расходы на приобретение или перевозку наркотиков.

Для лиц, незаконно употребляющих наркотические средства или психотропные вещества, характерно стремление к вовлечению в число потребителей наркотиков своих знакомых или родственников, что обуславливает взаимосвязь немедицинского употребления наркотиков со склонением к употреблению наркотических средств. По мнению ряда исследователей, каждый из употребляющих наркотики склоняет к этому еще четверых.

Немедицинское употребление наркотиков часто связано с корыстно-насильственными преступлениями, поскольку, с одной стороны, вследствие развития наркомании человек часто утрачивает способность к полноценной общественно-полезной деятельности, с другой – в состоянии наркотического опьянения или в результате систематического употребления наркотиков человек может утратить контроль за своими действиями. Кроме того, при совершении некоторых преступлений наркотики могут быть использованы преступниками для снятия нервного напряжения. Так, немедицинское употребление наркотиков, а, следовательно, и преступления, связанные с их «добыванием» сопутствуют преступной деятельности квартирных и карманных воров, грабителей, а также лиц, ранее отбывавших наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 22; 23; 26].

Ввиду высокой стоимости наркотических средств на нелегальном рынке, малыми затратами, необходимыми для их изготовления и наличие стабильного рынка сбыта наркотиков высока связь преступлений, связанных с изготовлением, производством, хранением и сбытом наркотиков с организованной преступной деятельностью.

Преступления, связанные с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами, часто носят групповой организованный характер, совершаются в условиях строгой конспирации. Многочисленные посредники не знают всех участников группы, не

знают организаторов. Преступные сделки всячески маскируются. Организаторы, располагая большими денежными средствами, подкупают и запугивают неустойчивых, зависимых от них лиц, вовлекая их в преступные операции, подкупают отдельных сотрудников правоохранительных и других административных органов. Соучастники преступных групп нередко обманывают друг друга, дезинформируют относительно фактов реализации, полученных сумм, совершают кражи у соучастников и их убийства [27].

Таким образом, немедицинское употребление наркотиков, в одних случаях является основным мотивом совершения преступлений с наркотическими средствами (субъективный фактор), в других обуславливает совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, имеющих целью получение преступного дохода (наличие стабильного рынка сбыта наркотических средств – объективный фактор).

Криминалистические и медицинские данные о лицах, использующих наркотики для немедицинского употребления, особенностях развития наркомании, связях и отношениях между наркоманами и сбытчиками наркотиков, их возрасте, занятиях, местах проживания, местах употребления наркотиков, механизме распространения наркотических средств имеют важное значение при планировании расследования. Такую информацию следователь, дознаватель может получить в оперативно-розыскных службах, информационном центре, экспертно-криминалистических подразделениях ОВД, в наркологических учреждениях.

Существенным элементом обстановки рассматриваемых преступлений является источник получения наркотических средств, наркотикосодержащего сырья, оборудования и материалов для изготовления наркотика.

Одним из таких источников являются массивы дикорастущей и культивируемой конопли или мест произрастания других наркотикосодержащих растений. Данный фактор облегчает достижение преступного результата при осуществлении незаконных операций с наркотиками.

Таким образом, вторым характерным элементом обстановки рассматриваемых преступлений, облегчающим достижение преступного результата, является наличие в регионе источника получения наркотика.

Большинство рассматриваемых преступлений совершается в условиях неочевидности. Их характерной особенностью является длящийся характер, многоэпизодность.

Третьим элементом криминалистической характеристики преступлений является предмет преступного посягательства.

Основным предметом посягательства рассматриваемых преступных деяний являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги.

По происхождению наркотические средства могут быть разделены на три основных вида:

1. наркотики растительного происхождения (марихуана, гашиш, гашишное масло, маковая солома, опий, экстракционный опий, морфин, кодеин, омнопон, кокаин, псилоцибинсодержащие грибы);
2. наркотики полусинтетического происхождения (героин, ЛСД, кустарно приготовленные препараты из эфедрина),
3. наркотики синтетического происхождения (промедол, фенамин, фентанил, фенциклидин, фенадон).

На территории Республики Таджикистан наибольшее распространение получают наркотические средства первых двух групп. При чём наркотические средства полусинтетического происхождения используются в большинстве случаев для незаконной контрабанды в соседние государства, в том числе и в Российскую Федерацию.

Среди наркотических средств растительного происхождения можно выделить следующие:

- получаемые из мака. Эту группу часто называют – опиаты (опий, маковая солома либо ее экстракт, морфин, кодеин, героин);
- получаемые из конопли (марихуана, гашиш, гашишное масло);
- получаемые из кокайнового куста (кокаин);
- получаемые из эфедры или как его еще называют – хвойника (эфедрон);
- получаемые из псилоцин и псилоцибин содержащих грибов.

Внешний вид наркотических средств очень разнообразен, зависит от сырья, из которого они изготовлены, и от способа изготовления.

Маковая солома – все части (как целые, так и измельченные, как высушенные, так и невысушенные), за исключением спелых семян, любого сорта мака – представляет собой

измельченную растительную массу от желтого до коричневого цвета. *Опий* – свернувшийся сок опийного или масличного мака, получаемый путем надрезания коробочек этих растений, представляет собой комки различной величины бурого цвета со своеобразным тяжелым запахом и горьким вкусом. Кусочек опия, помещенный на кончик иглы и подожженный, горит ярким пламенем, выделяя дым с приятным запахом. Из коробочек мака изготавливают настойки желтого или коричневого цвета. Опий курят или употребляют с пищей, настойки пьют или вводят внутривенно. *Экстракционный опий* – наркотик, получаемый из маковой соломы путем экстракции наркотических алкалоидов (морфина, кодеина, тебаина) водой или иными растворителями. На нелегальном рынке экстракционный опий имеет хождение в виде растворов коричневого цвета либо темно-коричневого или черного пастообразного вещества с запахом сущеных фруктов.

Героин, получаемый путем ацетилирования выделенного из мака морфина, в зависимости от степени очистки, представляет собой порошок белого, бежевого или коричневого цвета, употребляемый чаще всего в виде растворов внутривенно. *Ацетилированный опий* (сионим – русский героин) получают путем ацетилирования опия или экстракционного опия.

Марихуана может быть изготовлена из любых сортов конопли, на нелегальном рынке этот наркотик имеет хождение в виде измельченной растительной массы от зеленого до коричневого цвета. *Гашиш*, изготавливаемый из смолы и пыльцы конопли, представляет собой плотную массу от серо-зеленого до бурого цвета с конопляным запахом. Для реализации гашиш формуется в виде шариков, дисков, цилиндров, плиток. Основной способ потребления – курение, для чего гашиш смешивают с табаком. Иногда гашиш жуют или добавляют в пищу. *Гашишное масло* представляет собой вязкую массу, получаемую из частей растений любых видов и сортов конопли путем экстракции из них наркотически активных компонентов различными растворителями.

Псилоцибинсодержащие грибы – это любые части, целые или измельченные, высушенные или невысушенные, плодовых тел грибов *Psilocybe semilanceata* и некоторых других видов, содержащих псилоцибин и (или) псилоцин. Произрастают обычно на открытой местности на

хорошо удобренной почве, имеющих характерный вид – колокольчикообразная шляпка с сосочком вверху на тонкой ножке.

Кокаин – порошок белого, бежевого или кремового цвета, изготавляемый из листьев куста коки, произрастающего в Южной Америке, который вдыхают через нос либо разводят для введения внутривенно. Основание кокаина – крэк – представляет собой светлые куски липкого на ощупь вещества.

Кустарно приготовленные препараты из эфедрина, содержащие эфедрон либо первитин, представляют собой бесцветную или желтую (желто-коричневую) прозрачную или мутноватую жидкость, употребляются внутривенно.

Лекарственные наркотические средства – морфин, кодеин, омнопон, промедол, фентанил и другие выпускаются в порошках или таблетках белого или слегка желтоватого цвета, а также в растворах в ампулах, флаконах в виде прозрачной жидкости.

С.А. Роганов определяет синтетическое наркотическое средство как вещество, являющееся результатом взаимодействия определенных химических веществ, ни одно из которых не является наркотиком, и включенное в Перечень наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [28, стр. 38].

Наркотические средства синтетического происхождения по воздействию на организм человека можно подразделить на следующие группы:

- средства, возбуждающие центральную нервную систему (стимуляторы), например, фенамин, первитин, ЛСД;
- средства, приводящие к галлюцинациям, т.е. неправильному восприятию объективной реальности (галюциногены). В качестве примера можно привести «экстази» (MDA, MDMA, MDME, MBDB, DOB), фенциклидин;
- средства, успокаивающие центральную нервную систему (депрессанты), например, мелоквалон;
- обезболивающие средства (анальгетики), например, метадон, фентанил, триметилфентанил [28, стр. 43].

Психотропные вещества имеют внешний вид, характерный для лекарственных препаратов (порошки, таблетки, чаще белого цвета, растворы

в ампулах, флаконах в виде прозрачной жидкости). Четкой научной классификации психотропных веществ не существует, а в судебно-следственной практике они встречаются гораздо реже наркотиков.

Сильнодействующими называют вещества, оказывающие опасное для здоровья и жизни людей действие при приеме их в значительных дозах и при наличии медицинских противопоказаний к употреблению. Такие вещества способны вызывать состояние зависимости, оказывать стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывая галлюцинации или нарушения моторной функции или мышления, поведения, восприятия, изменения настроения, либо могут приводить к аналогичным вредным последствиям.

Ядовитыми называют вещества, оказывающие токсическое (отравляющее) воздействие на организм человека. Даже при употреблении малых доз они могут вызвать тяжелое отравление или причинить смерть [24, стр. 316].

Приведенные определения сильнодействующих и ядовитых веществ следует рассматривать как довольно условные, поскольку к числу данных веществ относятся столь разнообразные по своей природе (в том числе по токсикологическим характеристикам) вещества.

Отнесение конкретных веществ к группе сильнодействующих или ядовитых осуществляется в соответствии со списками сильнодействующих и ядовитых веществ, издаваемых Постоянным комитетом по контролю наркотиков.

Следующим элементом криминалистической характеристики преступных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами рассмотрим способ преступления, включающий в себя способы подготовки, совершения и сокрытия общественно опасного деяния, средства достижения преступного результата.

Преступления, связанные с распространением наркотиков часто имеют групповой характер. Нередко преступные группировки формируются по этническому признаку. Состав, структура, распределение ролей и другие элементы преступных групп сбытчиков, а также способ изготовления наркотиков в значительной мере определяется видом сбываемого наркотического средства и источником его получения.

Существует множество способов совершения данных преступлений, которые зависят от вида преступления, личности преступника и обстановки, в которой действует преступник.

Способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ:

- 1) способы получения исходного сырья;
- 2) способы кустарного изготовления;
- 3) способы производства;
- 4) способы хранения, перевозки, пересылки;
- 5) способы хищения.

Способы получения исходного сырья:

- хищение сырья в медицинских, фармакологических и научных учреждениях;
- незаконное выращивание наркосодержащих растений;
- контрабандные поставки;
- сбор дикорастущих наркосодержащих растений;
- лабораторные способы получения наркотиков и психотропных веществ.

Способы кустарного изготовления:

- измельчение растительной массы конопли (марихуана);
- просеивание и прессование пыльцы конопли (гашиш);
- соединение различных медицинских препаратов (перветин);
- приготовление растворов с последующим выпариванием (ацетилированный опий).

Так, при изготовлении гашиша коноплю просеивают на ситах, после чего уминают и пропаривают в длинных и узких мешках. Изготовление ацетилированного опия путем переработки маковой соломы осуществляется с использованием бытовых растворителей, ангидрида уксусной кислоты и других веществ.

Способы хранения, перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ:

- упаковка НС в специально изготовленные контейнеры, скрытые полости автомобиля, туалетные принадлежности, видеоаппаратуру, продукты питания;
- размещение НС на теле, в одежде и организме преступника: в прическе, протезах, обуви, в полостях организма;
- предложение на вокзалах, в аэропортах «передать посылку», «привезти через границу подарки», не раскрывая истинных

замыслов преступников.

Для транспортировки афганских наркотиков в страны СНГ используются автомобильные, железнодорожные дороги, а также местные и международные авиалинии. Особенно крупные изъятия наркотиков были зафиксированы с использованием большегрузных автомобилей-трейлеров.

Для сокрытия наркотиков используются следующие основные методы:

- а) в ручной клади;
- б) в оборудованном тайнике;
- в) в одежде;
- г) в салоне автомашины;
- д) внутривостной.

Методы транспортировки и сокрытия наркотиков постоянно совершенствуются.

В течение 2008 года курьерами использовались такие методы, как сокрытие наркотика во фруктах (яблоки, груши, хурма) и сухофруктах (изюм, фисташки, миндаль, абрикосовые косточки); вшивание упаковок героина во внутреннюю подкладку верхней одежды и матрац (курпачи).

Изъятия наркотиков растительного происхождения (опий, каннабис, гашиш) не имели каких-либо отличительных особенностей по сравнению с 2007 годом. Единственное исключение составляет изъятие гашиша, для фасовки которого использовалась фабричная вакуумная упаковка из-под продуктов питания.

В 2008 году наблюдалась попытка усовершенствования методов транспортировки героина из Республики Таджикистан с использованием международной почтовой связи для отправления посылок.

Наряду с ранее имевшим место использованием плодовоощной продукции в качестве тайников с героином, отмечены новые факты комуфлирования героина в виде поддельных плодов. Это изъятия героина, которому придан вид ядрышек миндальных орехов, абрикосовых косточек и фисташек.

Отмечен также факт использования изюма для размещения внутри ягод контейнеров с героином.

Способы хищения наркотических средств:

- создание излишков на предприятиях и учреждениях, занимающихся производством или переработкой наркотических средств, за счет нарушения технических условий или нормативов;
- создание излишков на лечебных или

- фармацевтических учреждениях за счет незаконного списания на лечение больных, скрытой подмены наркотикосодержащих препаратов иными, недовложения наркотикосодержащих компонентов, замены их иными и др.;
- оформление подложных документов на уничтожение наркотических средств с истекшими сроками годности;
 - подделка рецептов на получение указанных средств в аптеках;
 - выписка рецептов на получение наркотических средств на лиц, которым не предписано их медицинское потребление [3, стр. 305].

Действия преступника в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления ведут к образованию следов преступления, по которым можно получить ценную информацию о способе преступления.

Можно выделить следующие способы сокрытия следов преступления:

- при сборе сырья – организация охраны, наблюдения, оповещения;
- при хранении и перевозке – использование специальной упаковки и тайников;
- при изготовлении – уничтожение отходов,

- следов на оборудовании и инструментах;
- при хищениях – уничтожение или подделка документов, фальсификация лекарственных препаратов.

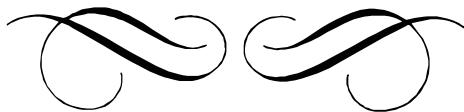
Наркобизнес связан с отмыванием денег, полученных незаконным путем, в результате чего также остаются следы в банковских и других документах, в сфере обращения компьютерной информации.

Условиями, способствующими совершению рассматриваемых преступлений являются нарушения правил в сфере производства наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых лекарственных препаратов, в сфере распределения, хранения, учета, выписывания данных средств, отсутствие должной охраны при их перевозке и хранении, наличие плохо охраняемых полей с посевами конопли, возможность производить посевы опийного мака в отдаленных районах страны, возможность сравнительно легко перемещать наркотики через границы с Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и другими государствами. Но решающим фактором является расширение спроса на наркотики, рынка сбыта и значительная разница в ценах при покупке наркотиков сбытчиком и при его продаже потребителям.

Список литературы

1. Александров Р.А. Наркобизнес – угроза национальной безопасности России. – М., 2006.
2. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2005.
3. Александров Р.А. Противодействие наркобизнесу в системе обеспечения национальной безопасности России / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2007.
4. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат И.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – №3. – С. 28-30.
5. Антонян Ю.М., Князев В.В. Борьба с незаконным оборотом наркотиков за рубежом. – М., 1999.
6. Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. – Казань, 1999.
7. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ). – СПб., 1999.
8. Верещагин В.А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации / Под ред. Исаевой Л.М. – М., 2005.
9. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основа, теория, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
10. Возгрин И.А. К вопросу о соотношении оперативно-розыскной деятельности и доказывания в уголовном процессе // Правовое государство и органы внутренних дел: Сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. С.Ф. Зыбина. – СПб., 1995.
11. Возгрин И.А. Криминалистика. Материалы к кандидатскому экзамену. – СПб., 1996.
12. Возгрин И.А. Криминалистическая методика. – Минск: Высшая шк., 1983.
13. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 1. – СПб., 1992.

14. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 2. – СПб., 1992.
15. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 3. – СПб., 1983.
16. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть 4. – СПб. 1983.
17. Возгрин И.А. Общие положения криминалистической тактики. – Л., 1988.
18. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1976.
19. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений. – Л., 1977.
20. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
21. Гаврилин Ю.В. Криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений в определениях и схемах: Учебное пособие. – М.: Книжный мир, 2004.
22. Заиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
23. Заиров С.Д. Организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств подразделениями МВД Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №2. – С. 134-140.
24. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Особенная часть / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996.
25. Криминалистика: Учебник для вузов. В 2-х томах / Под общ. ред. И.А. Возгрина, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
26. Наркотики в России: преступления и расследование / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 1999.
27. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
28. Роганов С.А. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002.
29. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение преступлений совершаемых при производстве строительных работ. – М., 1966.
30. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Ст. 73. // Права человека: Электронный учебник / Сост. А.М. Диноршоев, Б.А. Сафаров, Д.С. Сафаров. – Душанбе, 2011.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель суда района Рудаки Республики
Таджикистан,
доцент Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: babadzhanov@yandex.ru

РЕУФ Владислав Маркович,
старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин Самарского юридического
института ФСИН России,
кандидат юридических наук
E-mail: reuf@yandex.ru

ХАСАНОВА Сульята Гидовна,
доцент кафедры уголовного права Адыгейского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: khasanova@gmail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ДУХОВНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА КАК ЦЕННОСТЬ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлен аксиологический подход к духовным и материальным благам. Они рассматриваются как ценность для человека, общества и государства. Авторы используют системный анализ изучаемых явлений. Духовные и материальные блага, с их позиций, выступают как материальные ценности – веши, и как продукт (результат) духовного творчества, личные неимущественные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство человека), а также социальные процессы. Они обобщают высказанные в современной юридической науке суждения, формируют собственный подход к анализируемой проблеме. Ценность, по их мнению, проявляет себя еще и как свойство объекта, необходимое субъекту ввиду его способности удовлетворять определенную потребность, отвечать конкретному интересу и поставленной цели.

Используя системный подход исследователи выделяют основания юридической систематизации. При этом они опираются на труды классиков истории и философии права, в частности Н.Н. Алексеева, подразделяют социальные ценности на предметные и субъектные, говорят о ценностях жизни (вitalные ценности) и культурных ценностях (ценностях культуры). Последние – подразделяют еще на три группы. Ценности, которые способны менять свои места в данной иерархии, называют относительными, другие же – абсолютными. Обращают внимание на изменчивость социальных систем, следовательно, и социальных ценностей.

Ключевые слова: человек; общество; государство; ценность; духовные и

материальные блага; системный анализ; вещь; здоровье; честь; достоинство человека; социальные процессы; идеология; политика; цель; интерес; потребности; ценности жизни; ценности культуры.

BABADZHANOV I.KH.
REUF V.M.
KHASANOVA S.G.

SPIRITUAL AND MATERIAL WEALTH AS A VALUE FOR INDIVIDUAL, SOCIETY AND STATE: SYSTEM ANALYSIS

The summary. The article presents axiological approach to spiritual and material wealth. They are considered as a value for the individual, society and state. The authors use the system analysis of the phenomena under study. The spiritual and material wealth, from their standpoint, act as material values - things, and as a product (result) of spiritual creative work, personal non-property benefits (life, health, honour, human dignity), as well as social processes. They generalize the judgments expressed in the modern juridical science, formulate their own approach to the analyzed issue. The value, in their opinion, also manifests itself as the object property which is necessary for the subject due to its ability to satisfy a certain need, meet a specific interest and particular goal.

Applying the system approach the researchers distinguish the foundations for legal systematization. In doing so they base on the works of history and philosophy of law, in particular N.N. Alekseyev, categorize social values into objective and subjective ones, speak of values of life (vital values) and cultural values (values of culture). The latter are divided into three more groups. The values that can change their places in this hierarchy, are called relative, whereas the others are absolute. They pay attention to the variability of social systems, consequently of social values.

Key words: individual; society; state; value; spiritual and material wealth; system analysis; thing; health; honour; human dignity; social processes; ideology; politics; goal; interest; needs; values of life; values of culture.

Плюралистическая теория объекта правоотношения не сводит последний, только к поведению обязанного лица, а понимает под объектом духовные и материальные блага, представляющие ценность для государства, общества, личности [2; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 21; 22]. Эти блага выступают как материальные ценности – вещи, а также продукты духовного творчества, личные неимущественные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство человека), социальные процессы, например поведение участников правоотношения и его последствия.

Обобщение высказываемых в современной юридической науке суждений, позволяет заключить, что под объектом охранительного правоотношения понимается, по сути, конкретизированная применительно к отдельно

взятому виду взаимодействия между субъектами права область предмета правового регулирования, включающая материальные и духовные отношения, представляющие социальную ценность. Но, рассматривая объект охранительного правоотношения в ценностном аспекте необходимо учитывать различие общеупотребительной и философской интерпретаций категории «ценность». «В обыденном понимании ценность – все то, что ценят люди. А для них ценно обычно то, что полезно. С этой точки зрения ценностью могут быть природные и социальные явления, вещи и поступки, даже взгляды и убеждения. Однако при философском взгляде на понятие «ценность» можно заметить, что ценность проявляется через отношение кого-то к тем или иным вещам и явлениям. Этот кто-то признает ценным лишь то,

что служит удовлетворению его потребностей и интересов и играет определенную роль в его деятельности, в его жизни. Иначе говоря, в этом случае ценность образует не сама вещь, а лишь ее значение для кого-то» [20, стр. 11]. В указанном значении, объектом охранительного правоотношения является *система осознанных обществом проявлений материального и духовного мира, охраняемых правом*. Эти явления объективной реальности имеют особую общественную значимость, относительно универсальный характер, признаны обществом и в силу этого выступают в качестве критерия публичной оценки поведения индивидуальных и коллективных субъектов социальной деятельности. Таким образом, ценность проявляет себя еще и как свойство объекта, необходимое субъекту ввиду его способности удовлетворять определенную потребность, отвечать конкретному интересу и поставленной цели.

Плюралистический ценностный подход, предполагающий рассмотрение объекта охранительного правоотношения в качестве множества различных социальных ценностей нам представляется наиболее приемлемым, так как позволяет рассматривать проблему комплексно, в связи с множеством объективных и субъективных критериев характеризующих поведение участников охранительных правоотношений. Вместе с тем исключительно описательная интерпретация феномена «объект охранительного правоотношения» в полной мере не соответствует требованиям научного исследования. Необходимо выделить некоторые закономерности, отвечающие теоретическому уровню работы. Исходя из этого, целесообразно обращение к методу системного анализа и рассматривать объект охранительного правоотношения в качестве системы.

Основным условием представления объекта в виде системы является наличие в нем свойства целостности, то есть такого качественного состояния, когда свойства системы в целом не могут быть сведены лишь к сумме свойств образующих ее элементов. Таким образом, система это целостное единство элементов и структуры [5, стр. 54].

В соответствии с вышеизложенным пониманием системы, объект охранительных правоотношений следует интерпретировать не просто как совокупность явлений социальной

реальности имеющих существенное значение для развития данного, конкретного общества, а как *систему социальных ценностей охраняемых посредством права*. При этом, подпадающие под правовую охрану системы ценностей видоизменяются и характеризуются различием каких-то деталей. Каждая историческая общность может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве социального регулятора наиболее высокого уровня, являясь также основанием социальной оценки иных общественных явлений, прежде всего человеческих поступков. В этой системе зафиксированы те критерии социально значимого и признанного (данным обществом и социальной группой), на основе которых развертываются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие институты и сами целенаправленные проявления поведенческой активности людей – как индивидуальные, так и коллективные. Усвоение этих критериев правосознанием личности составляет необходимую основу формирования общественного правосознания, способствует поддержанию правопорядка в обществе. Интеграция, внутренняя противоречивость и динамизм общественных систем находят свое выражение в структуре соответствующих им ценностных систем, способах их формального закрепления и воздействия на поведение участников общественных отношений. Свойство феномена «ценность», позволяющее выступать ему в качестве специфического критерия позитивного и негативного, предопределяет его особое значение в правовой сфере.

Системный подход при исследовании объекта охранительного правоотношения в ценностном измерении, предполагает выделение оснований юридической систематизации. В теоретическом правоведении предлагались различные критерии, позволяющие упорядоченно рассматривать все множество социальных ценностей имеющих юридическое значение. «Непосредственная данность различных классов ценностей – писал в этой связи Н.Н. Алексеев, – есть неоспоримый факт: как существуют различные тона и цвета, так существуют и различные виды ценностей. Но затруднение заключается в том, сколько дано нам таких классов и каковы они?» [1, стр. 110].

В связи с вышеизложенным надо

констатировать, что в основу построения системных аксиологических моделей чаще всего закладывается принцип разграничения социальных ценностей на предметные и субъектные. *Предметные* ценности рассматриваются как свойства предмета, но присущие ему не от природы, а в силу вовлеченности объекта в сферу социального бытия. Наряду с предметными ценностями, которые являются объектами направленных на них интересов, в качестве ценностей выступают так же явления общественного сознания, выражющие эти интересы в идеальной форме (*субъектные ценности*). К таким ценностям относятся, например, понятие добра и зла, справедливости и несправедливости. Данные формы сознания не просто описывают какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, т.е. являются нормативными по своему характеру.

В целях раскрытия вопроса возьмем за основу градацию существующих ценностей на две группы – ценности жизни (витальные ценности) и культурные ценности (ценности культуры). Витальные ценности определяются жизненно важными потребностями индивида, коллектива, общества. В свою очередь культурные ценности – это «особый вид ценностей, способный в той или иной мере удовлетворять духовные и эстетические потребности человека и одновременно содержащий в себе художественную либо научную, мемориальную или иную культурную ценность». Они могут быть как движимыми, так и недвижимыми объектами. К движимым объектам относятся предметы, находящиеся в недвижимых объектах или извлеченные из них и способные представлять ценность сами по себе. К недвижимым объектам относятся местности природного, этнического, археологического, исторического и другого научного значения; архитектурные сооружения, ансамбли, представляющие научную, мемориальную, художественную и иную культурную ценность» [8, стр. 3].

В юридическом плане представляет интерес подход предполагающий разграничение ценностей жизни и ценностей культуры на три группы. Первая группа – это общие ценности как идеи. Они являются своего рода предопреде-

ленностями, необходимостями, выражающими общие интересы и устремления людей (например, идея государства, имевшая место и до ее воплощения в сложившиеся государственно-правовые формы). Общие ценности как идеи иногда признают сущностью предметов материального мира. Вторая группа – это общие ценности в их объективированном виде, представленные, например, известными истории и современности государственно-правовыми системами. Третья группа – это ценности, передающие наряду с общим неповторимое многообразие духовного мира каждого народа и отдельной личности в каждый конкретный период истории [13, стр. 17].

Те ценности, которые способны менять свои места в данной иерархии, являются *относительными*. Ценности, которые не подлежат смещениям по шкале оценок именуются *абсолютными*. Абсолютные ценности не зависят от изменений социально-исторических условий, не являются продуктом воли государства, не декретируются его распоряжениями, стоят выше его сиюминутных интересов и не подлежат девальвации. Поэтому они способны выступать в роли критериев нормотворческой деятельности для законодателей разных государств в разные исторические периоды. Кроме того правовые ценности подразделяются в соответствии с критерием «цель – средство». Н. Неновски в этой связи пишет: «Иерархизация правовых ценностей и, соответственно, правовых норм предполагает их понимание как системы, в которой одни звенья обслуживают другие, одни из них высшего порядка, а другие низшего. Это означает, что одни из них играют роль целей, а другие – средств. Чем выше поднимаемся по ценностной пирамиде, тем ярче ценности представляются нам целями, а чем ниже спускаемся по этой пирамиде, тем больше выделяются они как средства» [17, стр. 140].

Завершая рассмотрение системы материальных и духовных ценностей в качестве комплексного объекта правовой охраны, надо особо выделить, такое свойство как изменчивость социальных систем. Соответственно в зависимости от типологии и состояния правовых систем значимость ценности в рамках иерархической системы может, как возвышаться, так и занижаться (или вообще обращаться в свою противоположность), но, как

правило, она всегда будет там, где существует отношение к праву как к единой внутренне согласованной регулятивно-охранительной системе публичного характера.

На конкретно-определенную систему ценностей всегда ориентируется государство. Система ценностей, отстаиваемая находящимися у власти силами, социальными слоями (классами, олигархическими группами, родовыми кланами и т. д.) рассматриваемая как комплекс средств достижения цели, берется под государственную охрану и представляется как государственная идеология. Но любая, даже идеологически оформленная система ценностей трансформируются в процессе исторического развития, но при этом многие положенные в основу античных мифолого-идеологических концептов социальные ценности, сохранили свое значение и после гибели породившей их цивилизации. Очевидна также длительность воздействия гуманистических и демократических ценностей европейского Просвещения (истоки которых берут начало в античной культуре) на идеологию современных политических сил.

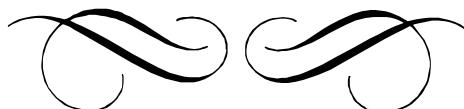
Апеллирование государства к той или иной системе ценностей определяется их системообразующим свойством. При этом ценности выполняют консолидирующую функцию,

способствуя эффективному достижению целей правового регулирования, так как на основе правовых ценностей формируется единое правосознание общества – необходимое условие обеспечения целостности всей национальной правовой системы. Кроме того система ценностей является средством, обеспечивающим стабильность функционирования правовой системы. Следование публичной политической власти системе фундаментальных ценностей, которым в обществе придается значение традиционных, фундаментальных, базовых, основополагающих и т. д., в значительной мере гарантирует нормальное поступательное развитие правовых институтов, механизмов правового регулирования, законодательства [14, стр. 5]. Вместе с тем государство само в определенном смысле представляет собой политico-правовой «механизм», обеспечивающий охрану системы традиционных ценностей, или ценностей, составляющих идеологическую основу общества. В юридическом плане – это означает необходимость охранительного правового воздействия со стороны государства на социальные отношения, складывающиеся по поводу наиболее значимых (фундаментальных) ценностей, необходимость правовой охраны и защищенности системы ценностей в целом.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999 (Мир культуры, истории, философии).
2. Алексеев С.С. Тайна права: Его понимание, назначение, социальная ценность. – М., 2001.
3. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Правовая охрана, идеологическая сущность и ценностное восприятие человека, общества и государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №1. – С. 135-147.
4. Бабаджанов И.Х., Рейф В.М., Хасanova С.Г. Человек, общество и государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – №2. – С. 129-137.
5. Веденеев В.А.О применении системного подхода в исследовании права (введение в методологию проблемы) // Проблемы государства и права (труды научных сотрудников и аспирантов). Вып. 9. – М., 1974.
6. Геллер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники / Пер. М.Б. Гнедовского. – М., 2004.
7. Гончаров В.В., Жилин С.М. Понятие и сущность государственной власти: конституционно-правовой анализ // Социология власти. – 2010. – № 1.
8. Горбачев В.Г., Растворин В.Г., Тищенко В.И. Культурные ценности. – М., 1994.
9. Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. – М., 1996.
10. Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1991.
11. Григорис Э.П., Исхаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России. – СПб., 2004.
12. Кальной И.И., Лопушанский И.Н. Гражданское общество: истоки и современность. – М., 2006.
13. Косарев А. Римское право. – М., 1986.
14. Малахов А.К. Приоритеты государственно-правового развития России в контексте ее глобальной суверенизации:

- Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009.
15. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998.
16. Мартышин О.В. Проблемы ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10.
17. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
18. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
19. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1.
20. Самигуллин В.К. Закат права или переоценка ценностей // Право и политика. – 2005. – № 12.
21. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5-14.
22. Шамба Т.М. Законность и правопорядок в системе политико-правовых ценностей современной правовой жизни // Научные труды Российского государственного торгового университета. – М., 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной юридико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации составляет не более двух месяцев со дня регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междустрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [10, стр. 81].
 - в затекстовой ссылке: 10. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим прсыывать по адресу:

Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б

тел.: 8 (901) 370-00-25

тел. / факс: (812) 755-56-58

E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru

www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503

от 01 июля 2010 г.

Название

Юридическая наука: история и современность

Адрес редакции

198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более 40 %

Форма периодического распространения

журнал

Язык(и) русский

Территория распространения

Российская Федерация

Учредитель (соучредители)

Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

**Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций**

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".

Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Корректор Щурова Е.Ю.
Верстка Ларин Д.А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2012, № 7

Подписано в печать 20.06.2012. Формат 60 x 84 1/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 389.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»
